

2024

Volume 18

No 4 (70)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2024

Том 18

№ 4 (70)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Формат 240×170. Объем 168 с. Тираж 32 экз. Заказ № 24074. Дата выхода в свет 30.12.2024. Цена свободная. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Krylova N. L.

Russian Bizerte Boys (from the history of the Sevastopol Marine Corps).....536

Uriadova A. V.

Reality, myth, stereotype: towards the question of perception of post-revolutionary Russian emigration in Soviet Russia550

Marasanova V. M.

Jurors of the Russian empire based on materials of the Yaroslavl district court.....560

Prokhorov D. A.

Maritime customs and customs outposts of the Taurida province in the 50s–60s of the 19th century582

Mironova N. A., Kulikov V. V.

Autopsy of the relics of the Yaroslavl miracle workers in 1919: medical examination and historical tradition582

Krekhov S. S.

The principle of nationalities in the foreign policy of Napoleon III588

LAW

Ivanov A. B.

Codification of legislation or codification of law: statement of the problem594

Ivanchin A. V., Karagina D. O.

On the subjects of misuse of state extra-budgetary funds (Article 285² of the Criminal Code of the Russian Federation).....608

Kufleva V. N.
Problems of public danger of crime.....618

Oganesyan R. G.
Ostap Bender and the Criminal code of the RSFSR 1926. Part II.....628

Gladych N. V.
Financial legal relations in cyberspace as an object of criminal law
protection.....638

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.
The Systemic Organization of the Operational Set of Thinking.....646

Trifonova S. A., Galmak M. V.
Structural features of the mechanisms of psychological protection
and coping strategies for people from large and single-parent families662

Kudaka M. A., Kotik E. M.
Analytical skill as a catalyst for the formation of psychological
insight of psychology students672

Nizhegorodtseva N. V., Ledovskaya T. V., Solynin N. E.
Features of protective and coping behavior of adolescents and young
men from full and incomplete families.....684

ИСТОРИЯ

Крылова Н. Л.

Морской Корпус. Хроника послереволюционных реконструкций536

Урядова А. В.

Реальность, миф, стереотип: к вопросу о восприятии русской пореволюционной эмиграции в Советской России/СССР550

Марасанова В. М.

Присяжные заседатели Российской империи по материалам Ярославского окружного суда560

Прохоров Д. А.

Морские таможи и таможенные заставы Таврической губернии в 50–60-х годах XIX века.....572

Миронова Н. А., Куликов В. В.

Вскрытие мощей Ярославских чудотворцев в 1919 г.: медицинская экспертиза и историческая традиция582

Крехов С. С.

Принцип национальностей во внешней политике Наполеона III.....588

ПРАВО

Иванов А. Б.

Кодификация законодательства или кодификация права: постановка проблемы.....594

Иванчин А. В., Карагина Д. О.

О субъектах нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов (статья 285² УК РФ).....608

Куфлева В. Н.

Проблемы общественной опасности преступления618

Оганесян Р. Г.

Остап Бендер и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть II628

Гладыч Н. В.

Финансовые правоотношения в киберпространстве как объект
уголовно-правовой охраны.....638

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Системная организация операционного состава мышления646

Трифонова С. А., Гальмак М. В.

Структурные особенности механизмов психологических защит
и копинг-стратегий у выходцев из многодетных и однодетных семей662

Кудака М. А., Котик Е. М.

Аналитический навык как катализатор формирования
психологической проницательности студентов-психологов.....672

Нижегородцева Н. В., Ледовская Т. В., Сольнин Н. Э.

Особенности защитного и совладающего поведения подростков
и юношей из полных и неполных семей.....684

Russian Bizerte Boys (from the history of the Sevastopol Marine Corps)

N. L. Krylova¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-536-549

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the history of the creation, the African period of life and the closure of the Sevastopol Marine Corps, a unique educational institution that trained officers of the Russian Navy in conditions of emigration, the peculiarities of the educational process, and the daily life of midshipmen on African soil in 1921–1925.

Keywords: Russia; Tunisia; Bizerte; Russian Black Sea Squadron; Sevastopol Marine Corps; midshipmen; auto-documentary evidence; everyday life

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova, Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| D. Sc. (History)

Морской Корпус. Хроника послереволюционных реконструкций

Н. Л. Крылова¹

¹Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-536-549
УДК 316.3/4; 316.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена истории создания, африканскому периоду жизни и закрытию Севастопольского Морского корпуса – уникального учебного заведения, готовившего в условиях эмиграции офицеров российского морского флота, особенностям учебного процесса, повседневному быту гардемарин на африканской земле в 1921–1925 гг.

Ключевые слова: Россия; Тунис; Бизерта; Русская черноморская эскадра; Севастопольский Морской корпус; гардемарины; автодокументальные свидетельства; повседневность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова, Наталия Леонидовна | E-mail: krylovanl@yandex.ru
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Эмиграция – это похороны, после которых жизнь продолжается дальше.

Тадеуш Котарбиньский

Более столетия назад – осенью 1920 г, после разгрома армии Врангеля в Крыму, 150 тыс. русских отправились на чужбину. Наступила эпоха русской эмиграции. Люди разных социальных классов, профессий, вероисповеданий, национальностей сформировали уникальную общность, рассеявшуюся по всему миру. Ее пути пролегли и через Африку.

Последним прибежищем для Русской Черноморской эскадры стала Бизерта – город-порт в самой северной точке Африканского континента. Русских здесь встречали и раньше: на военно-морскую базу, принадлежавшую французскому флоту, заходили российские военные корабли. Здесь можно было пополнить запасы топлива и провизии. Именно сюда зимой 1920–1921 гг. на свою последнюю стоянку пришла Черноморская Императорская Русская эскадра из 34 военных судов согласно решению бывших

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

союзников по Антанте. С эскадрой в Бизерту прибыло более 6000 русских беженцев: моряков с семьями и гражданских лиц – мужчин, женщин, детей¹. Сюда же на линейном корабле «Генерал Алексеев» и вспомогательном крейсере «Алмаз» в полном составе прибыл Севастопольский Морской корпус – прямой наследник Морского Кадетского Корпуса в России, открытого в 1752 г. в Санкт-Петербурге. Созданный на базе петровских военных учебных заведений, он предназначался для подготовки офицеров флота. Севастопольский Морской корпус – уникальное в своем роде образовательное учреждение с богатой историей, этапы которой отражали быстро меняющуюся общественно-политическую обстановку в России первых декад XX столетия. В 1911 г. Особой комиссией было принято решение о преобразовании морских военно-учебных заведений. В 1913 г. для молодых людей со средним образованием, выбравших морскую карьеру, были созданы отдельные Гардемаринские классы, где в течение двух с половиной лет юношам надлежало обучаться по специальным программам Морского Корпуса и курсу практического плавания.

Открытый в 1916 г. «Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Кадетский корпус» в Севастополе во главе с капитаном I ранга С. Н. Ворожейкиным просуществовал всего один год и был расформирован Временным Правительством летом 1917 г.

Приказом по флоту и морскому ведомству Севастопольский Морской кадетский корпус с сентября 1917 г. объявлялся переведенным в Петроград. Кадетам были предоставлены продолжительные каникулы. Единственная рота кадетов Корпуса была переведена в Петроградское Морское училище. Младшая же гардемаринская рота была отправлена в сентябре того же года для практического плавания на Дальний Восток [3]. Зимой 1918 г. по приказу Троцкого Морское училище было закрыто, а его воспитанники распущены.

Летом следующего года вооруженные силы Юга России установили свою власть в Севастополе. Было понятно, что восстановить в разгар войны такое специальное учебное заведение, как Морской корпус, практически нереально. Тем не менее группа офицеров Императорского флота, не примирившаяся с ликвидацией, попыталась его реанимировать. Воссозданный в Севастополе в 1919 г. по инициативе старшего лейтенанта Н. Н. Машукова² Севастопольский Морской корпус вновь начал подготовку офицеров. В корпус с момента его открытия зачислялись все желающие,

¹ Во вступительной статье к сборнику «Русская колония в Тунисе. 1920–2000» его составитель К. В. Махров, ссылаясь, в свою очередь, на «Записку о состоянии Русской эскадры» Н. Р. Гутана, называет цифру 5849 человек, к которой прибавляется еще 499 человек, прибывших в январе 1921 г. на «Цесаревиче Георгии». Всего 6388 человек [1, с. 11–12]: В своем исследовании «Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны» М. Панова ограничивается приблизительной цифрой в 6000 человек [2, с. 46].

² 14 октября 1919 г. поступил приказ Главнокомандующего о производстве старшего лейтенанта Н. Н. Машукова, исполняющего обязанности директора Севастопольского Мор-

имевшие крепкое здоровье и необходимый уровень образования. Социальные различия при приеме в расчет не принимались.

В итоге с сентября 1919 г. в Севастопольский Морской кадетский корпус было зачислено 130 молодых людей 16–18 лет со средним образованием. Столько же было принято в гардемаринскую роту. В младшую кадетскую роту зачислялись мальчики 12–14 лет с подготовкой на уровне трех классов гимназии или реального училища. Число учащихся прежнего Морского училища в рядах новых воспитанников корпуса было невелико: многих, принимавших участие в Гражданской войне, к тому времени произвели в офицеры в военных структурах, где они проходили службу [3].

Обучение в Морском корпусе выстраивалось по программам, утвержденным в Морском училище (бывшем Морском корпусе) в Санкт-Петербурге. Структурно Морской корпус состоял из 7 рот (гардемаринских и кадетских), преподавательского состава и обслуживающего персонала. Морским корпусом руководил директор, назначаемый лично главнокомандующим Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) [4, с. 270–274].

Из Севастополя в Бизерту

Летом 1920 г. при Морском корпусе была сформирована так называемая «Сводная рота» из служивших в морских частях Добровольческой армии Юга России кадетов и гардемарин Петроградского Морского училища, а накануне эвакуации в его состав была зачислена гардемаринская рота Владивостокского морского училища. Ей командовал начальник строевой части капитан 1 ранга М. А. Китицин. Таким образом, из Севастополя в Бизерту уходило 17 офицеров-экстернов, 235 гардемарин, 110 кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей офицеров – в общей сложности 370 учащихся во главе с Директором Морского корпуса контр-адмиралом В. С. Ворожейкиным³ [5, с. 288; 6, с. 4]

«Рано утром 31-го октября 1920 г. казалось, что все готово к отплытию <...> Ровно в 11 часов вечера, давно уже подняв пары, «Генерал Алексеев» начал выбирать якорный канат и, медленно разворачивая свой огромный корпус, направился в открытое море <...> Все находившиеся на палубе столпились у борта и надстройках корабля, уходящего на совершенно неизвестный срок, неизвестно куда. Многие плакали, крестились и махали платками <...> Последним нашим видением был Херсонесский маяк, мигающий огонь которого, казалось, нам говорил напутственные слова: “Это временная разлука, вы еще вернетесь, когда Россия возродится”. – “До скорого свидания”, мысленно отвечали мы...” [7, с. 14–15].

По прибытии Русской эскадры в Бизерту зимой 1920 г. беженцы какое-то время оставались на кораблях; их содержали французское Морское

ского кадетского корпуса, в капитаны II ранга – «за громадные труды, положенные им на открытие Морского Корпуса» [3].

³ По прибытии в Бизерту контр-адмирала С. Н. Ворожейкина на посту Директора Корпуса заменил вице-адмирал В. А. Герасимов.

ведомство и военные власти. Однако такое положение не могло сохраняться долго. По окончании карантина в промежуток с 13 января по 4 февраля 1921 г. весь Севастопольский Морской корпус был переведен на берег [4, с. 298]. Его разместили в старом военном форте Джебель Кебир – крепости, сохранившейся ещё от времен турецких завоеваний в Африке. У его подножия был разбит лагерь Сфаят, в нем обосновался персонал с семьями.

«Настал день расставания с нашим кораблем «Генерал Алексеев», к которому мы уже сильно привыкли за эти три месяца жизни и службы на нем, главное, что он являлся для нас последним, как бы кусочком России», – вспоминает один из очевидцев тех лет [8, с. 24]. После спуска на сушу начались и первые контакты с местным населением, с любопытством и остороженностью окружившим гардемарин. Арабы, заинтригованные большим числом юношей в военной форме, говоривших на незнакомом языке, вскоре разобрались, что перед ними русские, и стали приветствовать их с видимой симпатией: Руссия хандулла [8, с. 27]. Позднее, когда жизнь в Морского корпуса в Джебель-Кебуре уже была организована, арабы не оставляли воспитанников своим вниманием. В. В. фон Берг вспоминает: «Прискакали однажды на горячих арабских конях арабы всадники и привезли в седлах своих «подарки» Корпусу. Это была сладкая каша с фруктами по арабски «Кус-Кус». Всадники въехали в крепость <...> и понесли медные, ярко вычищенные тазы с «Кус-Кусом» гардемарином и кадетам – большим любителям всего сладкого» [9, с. 175].

Форт Джебель-Кебир, расположенный на горе Кебир, представлял собой прямоугольную постройку с просторным двором, окруженным хозяйственными застройками с одной стороны и с высокой стеной с другой. Перед входом в форт был большой плац. «С этой строевой площадки открывалось зрителю восхитительная панорама на всю Бизерту с ее горами, озером, пальмовыми аллеями и прелестной бухтой Средиземного моря», – пишет в своей книге В. В. фон Берг [9, с. 149] Форт не был оборудован электричеством, поэтому была установлена дизель-электрическая станция, вывезенная из Севастополя. В казематах форта были устроены помещения для воспитанников, оборудованы учебные классы, склады, гауптвахта и церковь. Гардемарины спали на деревянных топчанах с матрацами и подушками, набитыми сеном. Постельное белье и одеяла были выданы французским командованием.

Omnia mea mecum porto

Несмотря на сложности и неизбежный хаос эвакуации, из Морского корпуса было захвачено имущество, которое можно было унести и погрузить на корабли. Корпус вывез с собой полное оборудование, собственную небольшую типографию, церковную утварь, учебные пособия, обмундирование, продовольствие [5, с. 289–290]. Очевидцы вспоминали: «Весть об эвакуации быстро пролетела по всему Крыму, и находящиеся в разных

его краях воспитанники Корпуса поспешили в него вернуться всеми возможными способами передвижения и часто пешком <...> Когда мы вышли <...> на пристань, на ней была огромная куча корпусного имущества, предназначенного на погрузку в баржу, которая ожидалась с часу на час. Гардемарины и кадеты переносили всевозможное корпусное имущество, а некоторые с винтовками в руках несли охрану около него. Чего тут только не было – обмундирование и белье из опустошенного цейхгауза, всевозможные учебные пособия, многочисленные книги из нашей библиотеки, различные приборы, винтовки и, в конце концов, хозяйственная утварь, начиная с походной кухни, сопровождаемой съестными припасами, заготовленными для питания кадет, как бочки со смальцем, кули муки, крупы и прочее и прочее – ведь едем куда-то на полную пока неизвестность, а питание ведь важное дело» [7, с. 9].

Бизертская жизнь Корпуса постепенно налаживалась. Со временем была организована библиотека. Ее основу составили более 3000 книг, привезенных из Севастополя. Фонд регулярно пополнялся новыми поступлениями, приходившими со всех концов русского зарубежья. В специальной переплетной мастерской реставрировались книги и учебные пособия. Через Международный Красный крест контр-адмиралу Н. Н. Машукову удалось получить средства, на которые было закуплено оборудование для спортивно-оздоровительных занятий гардемарин.

Свидетельства очевидцев

Севастопольский Морской корпус в Бизерте – структура максимально точно воспроизведенная по-настоящему героическими усилиями офицеров Русской эскадры, педагогов-эмигрантов, священников, женщин в тяжелейших условиях эмигрантского бытия. Прикоснуться к его краткой истории, будням и судьбам юных гардемарин, нашедших приют и получивших образование в Африке, позволили сохранившиеся воспоминания очевидцев и их потомков. Записи, дневники, воспоминания, документы, стихи, интервью – всё это часть одной большой Памяти русской эмиграции, непосредственных участников событий, изданные за рубежом, а позднее и в России. Среди них воспоминания Н. А. Монастырева [10], Н. З. Кадесникова [11], педагогов и наставников гардемарин Севастопольского Морского корпуса В. В. фон Берга [9] Н. Н. Кнорринга [12], дневники поэтессы Ирины Кнорринг [13], коллективный труд, посвященный истории Морского корпуса «Колыбель флота» [4], сборник воспоминаний о тунисской колонии, составленный К. В. Махровым [1], книги и интервью А. А. Манштейн-Ширинской [14] и А. В. Плотто [15] и другие. Специалисты-историки и те, кто профессионально не владел литературным пером, приняли на себя труд формирования и сохранения исторической памяти. Вольно или невольно они писали биографию «русской» Африки на фоне масштабных, драматических общественно-политических и социокультурных процессов и собы-

тий XX века. С помощью пера и памяти они создавали уникальную стилистическую атмосферу описываемой эпохи и континента, пытаясь так или иначе осмыслить прошлое.

Владимир Фон Берг – профессиональный военный, человек удивительной судьбы – морской офицер, патриот России. Выпускник Морского кадетского корпуса, он более 20 лет прослужил в нем, воспитывая и обучая гардемарин. В своих воспоминаниях «Последние гардемарин» Владимир фон Берг отмечал: «О жизни Морского Корпуса в Африке можно было бы написать отдельную большую интересную книгу со многими психологическими этюдами, романическими сценами, веселыми и печальными эпизодами, с глубокими философскими мыслями и весьма остроумными шутками и остротами старых и молодых участников этой оригинальной жизни...» [9, с. 174]. Впоследствии, по свидетельству Анастасии Манштейн-Ширинской, когда уже не будет ни «Георгия», ни Морского корпуса, В. Берг будет вспоминать с любовью о буднях дорогих ему совсем юных своих подопечных гардемарин. Как учили их, опекали, хоронили... [14, с. 198].

Иначе определял смысл и цель своего литературного труда, посвященного жизни Морского корпуса в Тунисе, Н. Н. Кнорринг, профессиональный историк, преподававший гардемаринам, помимо отечественной истории, русский и латинский языки: «У меня не было охоты давать полную и всестороннюю картину жизни Морского корпуса, несмотря на то, что во всех ее сторонах у меня сложились определенные взгляды, документально обоснованные для многих, конечно, весьма спорные⁴. Там было и плохое, и хорошее. Я здесь намеренно остановился только на втором, потому что, помимо личных впечатлений, мне казалось, что положительные стороны этого эпизода нашего беженства столь очевидны, что не должны быть забыты» [12, с. 6].

Будни и праздники Корпуса

Социально-бытовая адаптация является важной, а возможно, и определяющей частью любого миграционного процесса. Насколько успешно она проходит, зависит от многих факторов. Один из важнейших – овладение новыми культурными навыками и установками, их сочетание с повседневными практиками, вывезенными из дома.

Мыслящих людей волновали вопросы бытия новых поколений. Едва ли не главной задачей представителей «первой» эмигрантской волны стало воспитание подрастающей молодежи. И в первую очередь это было стремление передать детям традиции, культуру России, «заразить» их «чувством родины и веры». Кн. П. Долгоруков, русский историк и публицист, живший с 1859 г. в эмиграции, подчеркивал, что новое поколение молодежи должно вернуться на родину «нравственно здоровым», «гармонично сочетающим

⁴ Н. Н. Кнорринг имеет в виду свою статью «Морской корпус в Африке», вышедшую в седьмом номере журнала «Русская школа за рубежом» (Прага, 1934 г.).

в своем мировоззрении «человеческую личность, семью, родину, человечество» [16, с. 162–163, 179].

При всей разнородности социального и профессионального составов, материального положения, политических и общественных взглядов и настроений эмиграция оставалась единодушна в стремлении сохранить детей русскими во всей совокупности понятий, характеристик и импульсов, определяющих это состояние. Стремление подкреплялось твердой убежденностью в неизбежном возвращении на родину [17].

Поколение морских офицеров и матросов, пережившее мировую и гражданскую войны, оказавшись в изгнании, ставило задачу воспитания подрастающего поколения в духе военных и патриотических традиций, дабы Россия после освобождения от большевистского террора получила высококвалифицированные военные кадры.

Деятельность Севастопольского Морского корпуса в Бизерте в 1921–1924 гг. показательна в контексте истории образовательных учреждений русской эмиграции «первой волны», обеспечившей русским кадетам и гардемаринам возможность получения полноценного качественного специального образования в суровых условиях африканской эмиграции и продолжения его в учебных заведениях Европы.

Для большинства русских мальчиков (некоторые из них были еще совсем маленькими, многие оторваны от семьи или сироты), оказавшихся в Тунисе, учеба и жизнь в Морском корпусе была едва ли не единственной возможностью выжить. В опеке и образовании нуждались и дети постарше. Весь личный состав преподавателей и их семейств, вспоминает А. Манштейн-Ширина (470 человек), составили маленькое самостоятельное поселение, «прожившее деятельной жизнью почти пять лет под заботливым управлением вице-адмирала Александра Михайловича Герасимова» [14, с. 196]. Это своеобразное социальное сообщество было объединено профессиональными интересами, происхождением, вероисповеданием, отношением к покинутой родине, что превращало их в одну большую семью. Только так можно было существовать и действовать во все более обманчивом ожидании возвращения в Россию, поддерживая и помогая друг другу. Это состояние замечательно сформулировано Н. Н. Кноррингом: «Когда на “экране моей памяти” разворачиваются картины моих африканских воспоминаний, то в них основным тоном являются ученические массы – то мальчишки, почти дети, то усатые юноши; то они проходят поодиночке по лагерям, то идут густыми колоннами в строю <...> По отношению ко всем им были особенно сложны наши воспитательские задачи и педагогическая ответственность. У нас на руках оказались многие десятки детей, трагически оторванных от семей, которым нужно было дать не только среднее образование, но и что-то сделать в другом отношении: дать то, что дается семьей и «домом» вообще в развитии общежительских отношений, общей интеллектуальности, индивидуальных вкусов и т. д.» [12, с. 93–94].

Главным для гардемарин оставалась организация учебы. За время ка-рантина, как и во время перехода из Севастополя в Бизерту, никаких регулярных учебных занятий с гардемаринами и кадетами не проводилось, однако воспитанники Морского корпуса были заняты в судовых работах, несли вахты совместно с членами экипажей кораблей. Тогда офицеры еще имели в их лице разрозненную, плохо организованную массу молодых людей. «С большой тревогой мы наблюдали на корабле за грубыми нравами этих пареньков <...> Корабельный блатной жаргон висел в воздухе и некоторое время, уже на берегу, грубые инстинкты, как скверные привычки, прорывались на уроках. Особенно это сказывалось на уроках русского языка, который болезненно страдал от этого корабельного блата <...> С этим тяжелым наследием пришлось очень долго бороться» [12, с. 94]. Но уже через несколько месяцев кропотливой и терпеливой работы мальчики стали неузнаваемы, чему содействовала атмосфера дисциплины, принятая в учебном заведении.

Возможно, будни гардемарин в Джебель Кебире выглядели однообразными, но график жизни был весьма плотный и насыщенный. В 6 часов 45 минут учащиеся стояли на плацу, исполняя команду старшего ротного: «Петь молитву». После завтрака начинались гимнастические и другие спортивные занятия. Основное время уделялось строевым занятиям в лучших традициях Императорской Гвардии. Ими руководил старший лейтенант Б. В. фон Брискорн, старший корпусный офицер учебного судна «Моряк» [15, с. 82].

Помимо общих основ воспитания и образования, принятых в России, мальчики и юноши овладевали навыками, необходимыми для «жизни на воде». Спуск и подъем Андреевского флага, походы под парусами, гребля в канале, управление рулем, умение причаливать, овладение морской терминологией – все это немаловажные элементы их воспитания и профессионального образования. Для практики воспитанникам Морского корпуса служило учебное судно «Моряк» [18]. Занятия продолжались и на линкоре «Генерал Алексеев», где был создан артиллерийский класс, а также в классе подводного плавания при дивизионе подводных лодок. Здесь строго соблюдался корабельный распорядок дня, проводились учения и работы по уходу за техникой.

Воспитанников Севастопольского морского корпуса обучала необходимым практическим навыкам и дисциплинам блистательная плеяда воспитателей и педагогов-профессионалов высокого уровня, многие из которых сами закончили Морской корпус. Среди них И. В. Кольнер, преподаватель офицерских артиллерийских классов и одновременно командир 3-й роты гардемарин, заслуживший среди учеников доброе прозвище «Папа Кольнер»; Н. А. Крич (он вел офицерский класс подводного плавания); Г. А. Мейрер, автор учебника «История военно-морского искусства», подготовленного для Морского корпуса; А. А. Сокольников, воспита-

тель Морского корпуса в Севастополе еще до эвакуации из Крыма; капитан первого ранга М. А. Кितिцын, помощник директора Корпуса; Н. Н. Александров, академик, математик, капитан первого ранга, помощник по учебной части в Севастопольском Морском корпусе, В. В. фон Берг, преподаватель навигации и артиллерии и др. [1, 15].

Еще до полудня по сигналу «разойтись» заканчивались физические занятия. Начинались уроки в классах. Педагоги по несколько часов обучали молодежь математике, астрономии, географии, штурманскому делу, навигации, естественной истории, языкам. Учебные программы были скорректированы вице-адмиралом А. М. Герасимовым, тогдашним директором Корпуса, и приближены к французским образцам, чтобы воспитанники Морского корпуса могли впоследствии получить сертификат «башо» (аттестат зрелости, вручаемый французскими властями по окончании кадетских классов). В итоге многие смогли завершить образование во Франции и Бельгии, стать специалистами высокого уровня в разных отраслях, сделать карьеру на французском военном и коммерческом флоте.

Атмосфера в Корпусе была интеллектуальной и в какой-то мере домашней, душевной: известно, во что воспитанники верили, что читали, какую музыку слушали и исполняли сами, в какие игры играли. Повседневность была насыщена африканскими красками, запахами, звуками.

«Мне в 1925 г. было 13 лет, и я помню кадетов <...> В Морском корпусе и казематы были устроены, и дортуары, и столовые, и классы для кадетов <...> Они спускались с большой горы и все это пешком⁵. Жили в Морском корпусе, им здесь всего хватало. А за покупками спускались с маленькой тележкой и осликом на базар в Бизерту», – вспоминает в своем интервью А. А. Манштейн-Ширинская (Бизерта, 2007 г.)⁶. В ее рассказах, в книгах Н. Н. Кнорринга и В. В. фон Берга особенно ощутима та теплота и забота членов русской общины, с которой они относились к детям Морского корпуса. Большинство мальчиков, вспоминает Н. Н. Кнорринг, были как бы сиротами. Их родные (если они были живы) оставались в России. Письма приходили редко, грустные, скорбные. Многим некуда было пойти в отпуск. Поэтому как-то само собой возникло их сближение с семьями Сфаята. У каждой сфаятской семьи были свои постоянные гости-кадеты, приходившие к ним, как к родным. Эти «интимные» гости делались друзьями семьи, часто приходили на целый день и очень много и охотно помогали по хозяйству [12, с. 99]

В своих интервью А. Манштейн и другие очевидцы событий рассказывают о женщинах Черноморской эскадры, чей труд в условиях эмигрантского бытия создавал атмосферу комфорта, уюта, тепла, необходимых для человеческого выживания, физического и нравственного. С большим

⁵ От форта, где расположился Севастопольский Морской корпус, до Бизерты было около 6 километром по шоссе.

⁶ Крылова Н. Л. Из личного архива автора.

вниманием, терпением и заботой к юным воспитанникам Корпуса относились жены преподавателей и персонала корпуса, занимались с ними, опекали захворавших, устраивали праздники, делали немудреные подарки [14, с. 122–123]. Их, вложивших немало труда в организацию жизни Корпуса, тепло вспоминали бывшие воспитанники. Прежде всего Г. Я. Герасимову, супругу вице-адмирала А. М. Герасимова, возглавлявшую «Дамский Комитет», который своей главной задачей считал заботу о детях Черноморской эскадры. В лагере Сфаят жены морских офицеров и преподавателей устроили швейную мастерскую, где шили для воспитанников Корпуса летнюю морскую форму и головные уборы, напоминающие шапочки американских матросов. Умельцы сапожного дела тачали кадетам и гардемаринам парусиновые туфли.

За буднями гардемарин следовали воскресные дни с обязательными церковными службами (их описанию посвящено немало страниц в воспоминаниях очевидцев) [8, с. 44–47; 9, с. 40–41]. Они сделались, по словам В. В. фон Берга, «существенным элементом в нашем русском африканском быте» [9, с. 64]. И праздники, главным из которых было 6 ноября – Праздник Морского корпуса. Праздник с особым духом, особым чувством, связанным с историей Корпуса и историей российского флота. Торжественный вынос знамен, молебн, безукоризненно проведенный парад, торжественный совместный обед с традиционным гусем и, наконец, бал, где играл корпусный духовой оркестр и куда были приглашены дамы из Сфаята и Бизерты, французские офицерские семьи. «Нарядные пары прекрасных дам гардемарин, кадет и офицеров плавно неслись по цементному полу крепостного барака <...> Вальсы сменялись мазуркой, плясали Краковяк, Кадриль, Миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренно, непринужденно, как всегда у моряков» [9, с. 164].

Одно время дамами лагеря Сфаят были организованы чаепития специально для кадет. Обычно маленькие праздники устраивались в Сфаяте. Об одном из них вспоминает в своем дневнике [13] поэтесса Ирина Кнорринг, дочь преподавателя русской литературы и истории в Севастопольском Морском корпусе Н. Н. Кнорринга, одно время учившаяся вместе с гардемаринами: «3 сентября 1922. Воскресенье. Наши дамы решили каждое воскресенье устраивать “чашку чая” для кадет; специально для тех, кому некуда ходить в отпуск. Сегодня была приглашена 6-я рота, около 20 человек. “Чай” готовила комиссия из 3-х дам (Мамочка, А<лександра> М<ихайловна> Завалишина, Инна Федоровна Калинович). Напекли они сладких пирогов, накупили винограда, убрали мастерскую, накрыли столы и в 4 часа пришли кадеты. Были приглашены также и все барышни. Сначала все как-то дичились, но поневоле разговорились, и “чай” прошел очень оживленно. После чая пошли в Гефсиманский сад, играли, бегали, дурили. Уговорились после ужина устроить игры на теннисной площадке. Тут было еще веселее».

При корпусной церкви существовал хор. Хоровое пение как элемент духовно-нравственного и эстетического воспитания русской молодежи, оказавшейся за пределами родины, величественная красота православной хоровой музыки объединяла, одухотворяла, вливала в людей новые силы. Пели все: кадеты, гардемарины, дамы, офицеры и служащие.

У бизертских гардемарин был и свой художественный театр с естественными декорациями: местной флорой и каменными сооружениями форта, освещаемых корабельными прожекторами. На его подмостках ставились не только пьесы классиков (Чехова, Фонвизина), но и сценические произведения педагога Морского корпуса В. В. фон Берга с постановкой Н. Н. Александрова и музыкальным сопровождением Н. Н. Кнорринга. Спектакли пользовались неизменным успехом и скрашивали полувоенный режим жизни гардемарин и всех участников театральных действий. Такой была и театральная постановка, посвященная выпуску и прощанию с Корпусом 4-й старшей кадетской роты, которую подробно описали очевидцы: «Первым номером шла комедия “Свадьба” Чехова, где особенно очаровательна была невеста. Она так умирительно кокетничала и поправляла локоны на парике, играл ее кадет, и публика покатывалась со смеху...» [19, с. 78]. Затем шел дивертисмент, горячо встреченный гостями. Публика была в восторге и долго не отпускала артистов.

Морской корпус 1924 г.: «Разойтись!»

Летом 1921 г. после сдачи в корпусе экзаменов 17 офицеров-экстернов бывшей сводной роты получили аттестаты об окончании полного курса Морского корпуса. Это был первый выпуск гардемарин в Бизерте. К концу 1922 г. французские власти, которые субсидировали Морской корпус, потребовали упразднить гардемаринские роты в Морском корпусе и перевести его на положение гимназии. Большинство кадет после завершения общеобразовательного курса по гимназической программе оставались на эскадре в должности матросов. Некоторые уезжали, чтобы продолжить учебу в высших учебных заведениях за рубежом. Воспитанники уезжали во Францию на заработки, за ними уезжали и воспитавшие их офицеры и преподаватели. Редел и штат служащих.

28 октября 1924 г. Франция юридически признала законность советского правительства и установила с ним дипломатические отношения. Существование эскадры под Андреевским флагом стало невозможным. А. Манштейн-Ширинская вспоминает в своем интервью (Бизерта, 2008 г.): «Это был ужасный день 29 октября 1924 г., когда на всех кораблях, где был Андреевский флаг, Флаг Петра великого, великих русских моряков, спускали этот Флаг. Потому что в России уже развивался красный флаг Третьего Интернационала, что для моряков, которые приносили присягу, это означало конец <...> 29 окт. 1924 года в 17 час. 25 мин раздалась команда и через минуту флаг спустился, у всех моряков была одна и та же мысль. Что видишь

ли ты, Великий Петр, видите ли вы, Синявин, Ушаков, Нахимов, ваш флаг спускается! И это ужасно люди переживали. У всех в глазах это выражалось. А мы маленькими были тогда. Мне было 12 лет, мы стояли на корме “Георгия Победоносца”, несколько детей, их матери, какие-то старички, потому что моряки были на другом корабле. Накануне Эксельманс всем пожал руки, обещал, что с честью он отдаст все флаги нам, нашим отцам»⁷.

30 октября 1924 г. с заходом солнца в Бизертской бухте на всех российских судах прозвучала последняя общая команда: «На флаг и гюйс!» – и спустя минуту: «Флаг и гюйс спустить!». С гафелей и кормовых флагштоков заскользили вниз флаги с изображением креста святого Андрея Первозванного, символа морского флота России. Воспитанники Морского кадетского корпуса не сдерживали слез: со спуском флага завершалась их морская карьера.

«Драгоценная чаша с дорогим напитком медленно испаряла живительную влагу и уже виднелось, просвечивая, ее золотое дно. Наконец, последняя капля была испита. Жизни Морского Корпуса в Африке приходил конец; “сказка, где был Русский дух и Русью пахло” кончалась, наступало пробуждение после пятилетнего сна, в котором грезилась еще Россия. Умирало маленькое русское княжество “Джебель-Кебир-Сфаятское” [9, с. 180].

Сочувствуя русским морякам, адмирал Эксельманс, рискуя карьерой, разрешил двум ротам кадетов бывшего Морского Корпуса завершить учебный год. «В начале мая 1925 г. из корпуса выпустили две оставшиеся кадетские роты Бизертского набора. 5-го мая 1925 г. по требованию французских властей была объявлена ликвидация Морского Корпуса. 6 мая 1925 г. для личного состава расформированного Морского кадетского корпуса на построении в лагере Сфаят прозвучала команда директора: “Разойтись!” Выпускников вывезли из Туниса в Европу и распределили по родственникам, опекунам, знакомым и русским семьям. Каждого кадета при отъезде из корпуса снабдили запасом белья и двумя сменами платья <...> 25 мая приказом по Морскому корпусу №-25 он ликвидировался окончательно. Крепко заперлись железные ворота Джебель-Кебирской крепости, и бронзовый воин араб в голубых шароварах и белой накидке тихо и мерно шагал перед каменным умершим фортом. На солнце ярко горела его красная феска. Синее море билось под горою и омывало белый город Бизерту ко всему равнодушной волною» [9, с. 181].

Севастопольский Морской корпус просуществовал в Бизерте четыре с половиной года. За время существования через его учебную программу прошло 394 воспитанника, из них 300 получили аттестаты младших офицеров [10, с. 105]. Часть продолжила обучение в Высших учебных заведениях Европы. В Тунисе было сделано 5 выпусков офицеров флота, служивших затем во Франции, Австралии и на кораблях других держав. Благодаря хлопотам директора Морского кадетского корпуса вице-адмирала А. М. Ге-

⁷ Крылова Н. Л. Из личного архива автора.

расимова дипломы, выдаваемые выпускникам, официально приравнялись к европейским документам о специальном морском образовании.

Ссылки

1. Русская колония в Тунисе. 1920–2000: сборник / сост. К. В. Махров. М.: Русский путь, 2008. 395 с.
2. Панова М. А. Русские в Тунисе. Судьбы эмиграции «первой волны». М.: РГГУ, 2008. 295 с.
3. Морской кадетский корпус в Севастополе. Из письма Г. А. Усарова в редакцию «Кадетской переключки». 1978. № 20. Исправления и дополнения к статье о Морском Корпусе в Бизерте, помещенной в № 15 «Кадетской Переключки». URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/mkk-sebastopol/sev-mkk.htm (дата обращения: 20.09.2023).
4. Кольбель флота — Навигацкая школа — Морской корпус. 1701–1951. Париж: Издание Всезарубежного Объединения Морских Организаций (ВОМО), 1951. 328 с.
5. Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925 гг. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с.
6. Редакционная статья // Морской сборник. Прага. 1938. № 105 (9). С. 4.
7. Эвакуация Морского корпуса из Севастополя // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 8–15.
8. Устройство Корпуса на старом бизертском форту // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 24–33.
9. Монастырев Н. А. Гибель царского флота. СПб: Облик, 1995. 128 с.
10. Кадесников Н. З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. Нью-Йорк, 1965. 80 с.
11. Берг В. В. Последние гардемарины. Париж: Военно-морской Союз, 1931. 182 с.
12. Кнорринг Н. Н. Сфаят. Очерки из Морского корпуса в Африке Париж: Б-ка «Иллюстрированная Россия», 1935. 204 с.
13. Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. М.: Аграф, 2009. Т. 1: 26 августа 1917 – 14 сентября 1926. 605 с.
14. Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб: Фонд содействия флоту «Отечество», 2003. 344 с.
15. Люди Русской эскадры / сост. А. В. Плотто. М.: Арт-Волхонка, 2015. 495 с.
16. Долгоруков П. Чувство родины у детей // Дети эмиграции: Воспоминания. М.: Аграф, 2001. С.162–180.
17. Зимина В. Д. Дети русской эмиграции: выживание ради самосохранения России // Новый исторический вестникъ. 2004. № 2 (11). С. 182–197.
18. На «Моряке» // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 54–56.
19. «Выпускной, в то же время прощальный с Корпусом бал 4-ой старшей кадетской роты» // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 78..

Reality, myth, stereotype: towards the question of perception of post-revolutionary Russian emigration in Soviet Russia

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-550-559

Research article
Full text in Russian

The purpose of this work is to study the perception of emigration in Soviet Russia/USSR. This topic «the perception of emigration» is practically unexplored yet. It is actual not only from a scientific point of view, but also because of the modern increasing migration flows from Russia (including ideological reasons of emigration). The history of the post-revolutionary Russian emigration has been rewritten many times in Soviet/Russian historiography. Then these concepts were widely broadcast for their introduction into mass production. Therefore the main sources for this article were scientific, journalistic works, the media. The author came to the conclusion that despite the minor changes in the perception of the post-revolutionary emigration (in the RSFSR/USSR in the period studied), it was due to the struggle of ideologies.

Keywords: Russian emigration; perception; myth; stereotype; Soviet ideology; propaganda

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova, Anna V. | E-mail: uryadovaanna@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Реальность, миф, стереотип: к вопросу о восприятии русской пореволюционной эмиграции в Советской России/СССР

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-550-559
УДК 930.2+325.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Тема перцепции эмиграции является практически не изученной. Она актуальна не только с научной точки зрения, но и в связи с современным увеличением миграционных потоков из России, в том числе по идеологическим причинам. История русской пореволюционной эмиграции «перелицовывалась» и переписывалась множество раз. В рассматриваемый период происходили незначительные изменения в восприятии пореволюционной эмиграции в РСФСР/СССР. Они были обусловлены прежде всего борьбой идеологий.

Ключевые слова: русская эмиграция; восприятие; миф; стереотип; идеология; пропаганда

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова, Анна Владимировна

E-mail: uryadovaanna@gmail.com

Доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры новейшей отечественной истории

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Целью статьи является изучение восприятия русской пореволюционной эмиграции в Советской России/СССР, в отечественной историографии практически не рассматриваемого. Исключением являются работы, посвященные историографии истории эмиграции, которые помимо классификации и периодизации исторических исследований, отражают типичное и атипичное для своего времени восприятие и дальнейшую репрезентацию авторами жизнедеятельности эмиграции.

Отчасти эта тема затрагивается в работах по советской пропаганде и контрпропаганде. Отсутствие исследовательских работ по данной про-

блеме объясняется сложностями источниковой базы. Про эмиграцию либо не говорили и не писали (в советских газетах упоминание русских за рубежом встречается крайне редко), либо делали это в рамках, заданных партийно-государственной идеологией. Основными источниками для данной статьи явились научные, публицистические работы изучаемого периода, реже – СМИ.

При написании данной работы использовались разнообразные научные методы и подходы. Сравнительный анализ был необходим для критического сопоставления различных точек зрения, взглядов на эмиграцию. Сложность применения этого метода в рамках избранной темы обуславливается полемичностью, конфронтационной разорванностью исходного материала, а порой его перегруженностью политизированным субъективизмом и идеологизмом.

Изучаемая тема рассматривалась под углами диахронной и синхронной истории, в связи с чем были применены соответственно для рассмотрения синхронного прошлого – структурно-функциональный подход (структурализм) и реконструкция (реконструктивизм); для диахронного – генетический подход (генетизм, социологический и психологический)¹. Историко-генетический метод позволил не только выявить сущностные черты изучаемого восприятия, но и показать динамику его изменения. Системный подход объединил различные методы. Во-первых, он дал возможность обратиться к эмиграции как целостному социокультурному феномену, представляющему в то же время совокупность ряда элементов, которые можно сопоставлять. Во-вторых, позволил дать оценку целостной взаимосвязанной системе «эмиграция – Советская Россия / СССР», а не одного компонента (истории России или истории эмиграции).

Жизнедеятельность эмиграции рассматривается в контексте российской истории и одновременно как часть мировой истории. Одним из важнейших подходов для нас явилась историческая психология – «подход, помещающий психику и личность в связь времен» [1, с. 15]. В рамках данной работы это относится к особому психологическому и психо-эмоциональному настрою советских авторов, аудитории, который возникал в связи с определенными историческими событиями, изменениями государственной политики и идеологии.

Актуальность темы определяется не только ее научной новизной, но и увеличением современных миграционных потоков из России, в том числе по идеологическим причинам.

Что оказывает влияние на восприятие? Собственно, то, что мы видим и оцениваем здесь и сейчас, сам факт, явление, институция. Однако даже в восприятии ситуации «в моменте» мы оцениваем ее не только исходя из личных предпочтений и жизненного опыта. Несомненно влияние окружения, государства и средств массовой информации. Со временем

¹ Эти методы могут быть объединены в единый – структурно-генетический метод

к процессам оценивания и трактовок подключаются аналитики разных направлений: политологи, социологи, историки и другие. В зависимости от политического режима государства, в котором они живут, специалисты либо четко следуют избранной концепции и идеологии, либо высказывают независимую точку зрения. В первом случае это мнение будет активно тиражироваться государством и его структурами и, следовательно, оказывать еще большее влияние на аудиторию, граждан страны.

Период НЭПа был относительно либеральным в отношении эмиграции. В стране еще не было партийной монополии, работали частные типографии, публиковавшие литературу с альтернативными взглядами (философов, богословов, экономистов, историков русского зарубежья), мемуары дореволюционных политических и военных деятелей, воспоминания «возвращенцев», в том числе о жизни в эмиграции. Они вызывали критику со стороны советских и партийных работников. Тем не менее само наличие таких альтернативных публикаций способствовало сдерживанию формирования стереотипов и однобокого восприятия эмиграции.

«Допущения» периода НЭПа приводили к компромиссам. Это прослеживается даже в выступлениях и статьях лидеров партии. В частности, В. И. Ленин в ряде своих речей и статей 1919–1922 гг. («Доклад на III съезде Коминтерна», «О международном внутреннем положении Советской Республики», «О продовольственном налоге», «Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих») приводил данные о численности и социальном составе эмиграции, характеризовал отдельные персоналии. Читая эмигрантские издания, он видел ее внутреннюю противоречивость, понимал, что в ней есть очень разные течения (от монархистов до социалистов).

Нарком просвещения А. В. Луначарский в предисловии к каталогу выставки, проходившей в Москве, характеризовал русских художников зарубежья, участвовавших в ней как «достигших огромного мастерства», «развивавшегося на французской почве» [2]. В более поздней советской историографии оценки деятельности художников-эмигрантов будут совершенно иные: отсутствие развития, прозябание, застой в творчестве и т. д.

Компромиссы касались не только отношения к эмиграции в целом, но и к отдельным персоналиям, например к одному из лидеров движения «Смена вех» Н. В. Устрялову. Он выдвигал идею перерождения партии, но с опорой на кулачество, часть интеллигенции и новую буржуазию. В 1925 г. в СССР еще не было явного лидера, в партии шла борьба и за власть, относительно дальнейших путей развития страны. Не было единого мнения относительно того, нужны ли сменовеховцы, как их использовать. Оценка причин и последствий взглядов Н. В. Устрялова стала одним из эпизодов, способствовавших обострению внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Г. Е. Зиновьев писал об Устрялове, что он «тем более опасный классовый враг, что <...> на словах „приемлет“ Ленина» [3, с. 7]. И. В. Сталин характеризовал его так: «Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит.

Я думаю, что, ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии. Мечтать у нас не запрещено. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем носить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет» [4, с. 50–51].

На протяжении 1925–1927 гг. Г. Е. Зиновьев неоднократно эксплуатировал образ Н. В. Устрялова как «классового врага», используя его в борьбе против сталинско-бухаринского блока. Образ эмиграции использовался не только для его трансляции массам, но и во внутривнутрипартийной борьбе. Как указывает В. А. Митрохин, на страницах советской печати «выявлялась» и демонстрировалась неразрывная связь платформ оппозиционных лидеров с идеологией небольшевистских партий и движений [5, с. 1237].

В последние десятилетия историки акцентируют внимание на осмыслении роли, взаимодействии и соотношении индивидуального и коллективного, единичного и массового, уникального и общего. Вышеприведенный эпизод с Устряловым интересен и тем, что он один из немногих, обращающих внимание не на эмиграцию в целом, а на отдельного ее представителя. Так было в середине 1920х гг.; с конца 1920-х гг. в отношении к эмиграции в СССР уже не было места индивидуальному, единичному, уникальному. Более того, даже и в отношении отдельных групп эмиграции использовалась гиперболизация, упрощение, обобщение – эмиграцию «стригли под одну гребенку». Оценка правого лагеря русского зарубежья, в которой делался акцент исключительно на антисоветской деятельности, переносилась на всю эмиграцию в целом. Например, «все эмигранты – монархисты, враги, шпионы, диверсанты, богачи». Таков был «стереотип» восприятия эмиграции.

Пока допускалась альтернативная информация об эмиграции, определенное значение в ее подаче имел и сам информационный повод. Например, в связи с масштабами голода 1921 г. и необходимостью получения продовольствия от Запада, частично сведения о гуманитарной помощи эмиграции доходили до советских граждан. Иначе освещались факты, связанные с политикой, как внутренней, так и внешней. Например, Кронштадтское восстание, в котором факт помощи эмиграции восставшим, не вызывал сомнений у советской аудитории, хотя являлся самым типичным из мифов. В действительности, восстание вызвало массу споров в русском зарубежье и уже постфактум многие эмигранты были разочарованы тем, что так и не успели сплотиться, не оказали реальной (военной) помощи и тем самым обрекли восстание на поражение.

Однако даже в первой половине 1920-х гг. для советского отражения в прессе и литературе образа эмиграции были характерны идеологическая заданность, схематизм, поверхностность в анализе событий, трактовавшихся, уже тогда, как правило, с классовых позиций. Свертывание НЭПа, а точнее, постепенная монополизация власти одной партией привели к тому, что эмиграция (как общность) стала восприниматься как идеологи-

ческий противник (носитель буржуазной идеологии) через призму политического и классового противостояния, что нашло отражение в партийно-государственных документах.

Неизбежным следствием такого похода, как указывает В. А. Митрохин, являлись политизированность, субъективизм, обостренная полемичность в оценках русского зарубежья [5, с.1236]. Во второй половине 1930-х гг. восприятие эмиграции в СССР стало еще более упрощенным.

Тональность и направление задавалось высшим партийным руководством страны. Однако к концу 1920-х гг. стереотипы восприятия эмиграции постепенно проникают в сознание масс. Происходит смещение акцентов. Жизнь самой эмиграции (проблемы адаптации, возникновение общественных и культурных институтов, сохранение и развитие русской культуры за рубежом и т. д.) как будто вовсе не существовала для советских граждан. В то время как факты, прямо или косвенно свидетельствовавшие об антисоветской деятельности, активно тиражировались, использовались в историческом и идеологическом дискурсе в качестве аргументов для доказательства враждебности эмиграции. Они повторялись разными авторами, служили не подтверждению исторической истины, а соответствием (в той или иной форме) идеологической схеме. Стереотипы и мифы преобладали над фактами. Эмиграция описывалась не как социальная группа в контексте социологии или истории, а как политический противник; активно использовались пропагандистские приемы. Отформатированные, фальсифицированные факты служили укреплению стереотипов, приводя к инерции восприятия эмиграции советской аудиторией. Сказывалась монополизация СМИ и отсутствие альтернативной информации.

Роль стереотипов в кризисные эпохи возрастает. Ее нельзя оценивать только негативно; стереотипы выполняли важные функции, в частности способствовали селекции и структурированию информации, поступающей извне [6, с. 16]. Годы становления советского государства показательны, поскольку смена государственной системы в России открыла новую историческую эпоху. Формировалась и новая наука. И если в начале 1920-х гг. мифы и стереотипы только складывались, к концу десятилетия их место заняли идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к «чужим» идеологическим и политическим ценностям» [7, с. 40]. К «чужим» относилась и эмиграция.

Как считают исследователи, важнейшей чертой мифологизированного сознания является его авторитарный характер, исключая сомнения и самостоятельный поиск истины, стремление опереться на веру и эмоции, но не на знание [8, с. 4]. Внешний мир (каковым для советских граждан была в том числе и эмиграция) для мифологизированного сознания предстает как арена борьбы светлых и темных сил, причем все его многообразие воспринимается в черно-белом цвете. Утилитарные потребности выживания

новой власти привели к тому, что агитационно-пропагандистские задачи и, соответственно, методы преобладали над научно-познавательными. Картина мира предельно упрощалась и наполнялась враждующими началами; эмиграция позиционировалась как один из главных врагов Советского государства.

Социопсихолог В. М. Бехтерев писал, что в результате государственного вмешательства в обществе возникает «патриотическое возбуждение», которое является средством духовного подчинения граждан властным структурам для мобилизации на решение экономических и политических задач и способствует изоляции масс от идей противника [9]. И хотя Бехтерев говорил это о Первой мировой войне, мы можем использовать данное наблюдение и применительно к эмиграции. Только в этой ситуации советский патриотизм касается скорее не России как страны и Родины, а политического строя и идеологии. В силу партийно-государственной установки, направленной на создание стереотипа эмиграции как одного из главных врагов Советского государства, большинство фактов, которые упоминают авторы, описывают эмиграцию именно в таком ключе, тем самым еще более подерживая и укрепляя стереотипы.

Вариантов «работы» с фактами было несколько: фильтрация (выборочное освещение фактов, замалчивание), «форматирование» (изменение значимости, акцентов, коннотации), «перелицовывание» (подмена факта его «ярлыком» с противоположным значением), «фальсификация» (сознательное искажение). Хотя в 1920-е гг. публиковалась и объективная информация о том, что происходило в эмиграции, и не только об ее антисоветской деятельности.

Возможно, на формирование образа эмиграции как одного из главных врагов советского государства повлияла не только идеологическая «несовместимость» (были же эмигранты, которые положительно оценивали советские преобразования, то есть идеологически не были противниками). Важно учитывать ряд факторов.

Первый – это время. Русское зарубежье родилось на стыке двух исторических эпох. Русские люди, оказавшиеся за рубежом, выросли, были воспитаны, жили и работали при монархическом строе и за границей старались сохранить традиции, устои и уклад дореволюционной эпохи. Жизнь в СССР изменилась, изменился не только ее вектор, но и темпы. Советским людям и государству было не по пути с эмиграцией; даже если бы она не была антисоветской, она бы расценивалась как анахронизм, пережиток ушедшей эпохи.

Второй фактор – география. Эмигранты жили в других, враждебных СССР, странах, что уже само по себе накладывало на них отпечаток «врага».

Третий фактор, который отчасти являлся следствием первого и второго, – состояние раскола. Сложности коммуникации и отсутствие результативного диалога между Россией советской и Россией зарубежной объясняют

ся не только политическими противоречиями. Эти проблемы вписываются в исторический подход А. С. Ахиезера, который считал раскол одной из центральных категорий для понимания социокультурных процессов, происходящих в России [10, с. 10]. Да и сама история взаимоотношения русского зарубежья и Советской России – это история социального конфликта.

Как уже было отмечено ранее, в формировании образа эмиграции в СССР большую роль играло правительство и государство. Безусловно, представление об эмиграции как враге не было исключительно выдумкой и пропагандой; у советских авторов были аргументы и соответствующие данные.

Эмиграция находилась под пристальным вниманием и разведки, и органов пропаганды и контрпропаганды. Так, исследователь Н. М. Михалев отмечал, что при разработке основ пропаганды советская власть выделила группу особо опасных с точки зрения производимого пропагандистского эффекта эмигрантских изданий и публицистов эмигрантской политической печати, организовала систему изучения политической прессы русского зарубежья [11, с. 9–10]. То есть соответствующие «компетентные» органы владели определенной информацией, которую использовали затем для создания стереотипизированного образа эмиграции.

Для формирования стереотипа нужно время, но интенсивность процессов начала XX в., подкрепленная механизмом идеологической пропаганды, ускорила его формирование и укрепление в сознании.

Эмиграция рассматривалась как один из главных противников СССР. Аргументом было противостояние красных и белых (будущих эмигрантов) в ходе Гражданской войны, антисоветские действия эмиграции, направленные на свержение советской власти или ее дискредитацию. Сила и мощь противника оценивались по разному: в 1920-х гг. это был один из главных и наиболее реальных врагов; в 1930-1940-х гг. – пособник и помощник тех стран, с которыми воевал СССР (Финляндии, Германии). И если внешнеполитические образы «врага» были подвержены изменениям в зависимости от того, с кем сотрудничал СССР, то стереотип эмиграции как врага оказался более стойким именно потому, что базировался не на политике, а на идеологии.

Существует 3 пути формирования стереотипов: 1) общение людей друг с другом; 2) влияние элит; 3) пропаганда. Применительно к эмиграции мы исключаем первый способ, поскольку, даже зная тех людей, которые уехали за границу, как честных, порядочных и т.д., их родные и близкие, оставшиеся на Родине, не могли влиять на формирование общественного мнения и создание образа эмиграции. Другое дело элита (в данном случае советские деятели и партноменклатура) и СМИ. Оба пути были взаимосвязаны и целенаправленно порождали некий образ эмиграции, который затем внедрялся в массовое сознание и становился стереотипом. Приводились примеры, которые подавались как характерные, хотя на деле могли быть ис-

ключением из правила. Некоторые факты выдумывались; другие, наоборот, замалчивались, если они шли в разрез с желательной партией концепцией восприятия; третьи – искажались или подтасовывались. Примером такой подачи информации является голод 1921 г. и помощь эмиграции голодавшим, о наличии которой не сообщалось; напротив, писали, что эмигранты хотят использовать голод для борьбы с Советской Россией. Нельзя сказать, что представляемые концепции совсем не имели под собой никакой доказательной базы и реальной фактологии. Были в эмиграции мысли, что голод ослабит власть, а затем приведет к ее свержению голодающими. Были даже те, кто предлагал использовать зерновые вагоны для переправки в Россию военных с целью переворота. Но таких было буквально единицы. Намеренное акцентирование внимания именно на антисоветских действиях стало следствием партийно-государственной установки, направленной на соответствующее восприятие гражданами страны эмиграции и укрепления отношения к ней как к врагу.

Эмиграция, как и большинство социальных фактов, – явление многомерное. В СССР мир представлялся исключительно бихромным, а точнее, красно-белым, если говорить об эмиграции. Для создания стереотипа, особенно если он базируется на идеологии, разноплановость не нужна, так как стереотип – предельно упрощенное устойчивое мнение о чем-либо. Для него характерны размытость, высокая степень обобщения: весь не социалистический мир вокруг СССР – враги, особенно если они как-то проявили себя в борьбе с Советами, а следовательно, в эту категорию попадает и эмиграция.

В период 1930–1950-х гг. тема эмиграции становится полузапретной, что отражало общественно-политические процессы, происходившие в стране и мире. Те немногочисленные публикации, которые появлялись в то время, увязывали русское зарубежье с фашизмом. Об участии эмиграции в красных бригадах в годы гражданской войны в Испании или во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны в СССР не писали. Следовательно, советские граждане об этом не знали.

Ослабление идеологического пресса со второй половины 1950-х гг., определенная либерализация общественной жизни, сотрудничество с капиталистическими странами приводят к тому, что эмиграция вновь появляется в поле зрения советского человека. Как отмечает Митрохин, с середины 1950 до середины 1980-х гг. исследователи стремятся уйти от конфронтационного подхода и абсолютизации классовых ценностей. Карикатуризация и эмоционально-политизированное изобличение «белогвардейщины» сменяют более взвешенные с исторической точки зрения оценки. Тема русской эмиграции постепенно освобождается от фальсификаций, наполняется адекватным историческим содержанием. Меняются и акценты: русские за рубежом теперь не только враги, есть среди них и «заблудшие» люди, требующие сочувствия [5, с. 1239].

В немалой степени изменению отношения способствовало появление после Великой Отечественной войны реэмигрантов и последующая публикация их мемуаров, в которых были показаны все тяготы эмигрантской жизни. Эмиграция в это время – это не некий обобщенный конструкт, в ней выделяются различные политические течения, приходит «осознание сложности политической, культурной и социальной палитры “России № 2”» [5, с. 1239]. Однако, даже несмотря на относительную либерализацию взглядов в отношении пореволюционной эмиграции, отношение к ней в общем и целом остается в рамках той идеологии, которая была в СССР.

Таким образом, тема восприятия эмиграции тесно связана с идейно-политической эволюцией государства. Было множество факторов, оказывавших на нее влияние: изменение политического курса, смена руководства, внешнеполитическая обстановка, что проявлялось не только в «тональности» перцепции эмиграции, но и в целом в том внимании (или не внимании), которое уделяли этому объекту.

Ссылки

1. Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с.
2. Каталог выставки современного французского искусства. М.: Изд. Ком. выставки, 1928. 71 с.
3. Зиновьев Г. Е. Философия эпохи. М.; Л.: Московский рабочий, 1925. 30 с.
4. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с.
5. Митрохин В. А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1235–1242.
6. Васильева Т. Е. Стереотипы в общественном сознании: Социально-философские аспекты. М.: ИНИОН, 1988. 41 с.
7. Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 38–48.
8. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов сознании российского общества первой половины XX в. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. 334 с.
9. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
10. Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
11. Михалев Н. М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды: 1920–30-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.

Jurors of the Russian empire based on materials of the Yaroslavl district court

V. M. Marasanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-560-571

Research article
Full text in Russian

Based on documents of the Yaroslavl District Court, the author examines the activities of the jury from the 1860s to the beginning of the 20th century. The jury trial in the Yaroslavl province, as well as throughout Russia, became one of the most important innovations of the judicial reform of 1864 and involved representatives of various classes in justice. The main attention is paid to the class composition of jurors by the lists of jurors. At the initial stage of jury trials in the Yaroslavl province, peasants made up the largest group among jurors, but later their share decreased, and at the beginning of the 20th century, peasants were only 20% of the jurors.

Keywords: court; juror; class; peasants; Yaroslavl province; ver

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marasanova, Viktoria M. | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
D. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Присяжные заседатели Российской империи по материалам Ярославского окружного суда

В. М. Марасанова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-560-571
УДК 94(47)+908

Научная статья
Полный текст на русском языке

На основе архивного фонда Ярославского окружного суда рассматривается деятельность суда присяжных с 1860-х гг. до начала XX в. Суд присяжных в Ярославской губернии, как и по всей России, стал одним из важнейших новшеств судебной реформы 1864 г. и привлек к осуществлению правосудия представителей разных сословий. Основное внимание уделяется анализу сословного состава присяжных заседателей, установленного на основе списков присяжных. На начальном этапе деятельности суда присяжных в Ярославской губернии крестьяне составляли самую представительную группу в числе присяжных заседателей, но в дальнейшем их доля снижалась и в начале XX в. достигла 20 %.

Ключевые слова: суд; присяжные заседатели; сословие; крестьяне; Ярославская губерния; приговор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова, Виктория Михайловна	E-mail: vmm@uniyar.ac.ru Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью
---------------------------------	---

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Судебная реформа 1864 г., наряду с земской, стала одной из первых в комплексе Великих Реформ императора Александра II [1]. Важным новшеством судебной реформы 1864 г. являлся суд присяжных.

Суды присяжных действовали не на всей территории империи. Решения о предании суду присяжных могли принимать только судебные палаты в 4 судебных округах. Дела о государственных преступлениях были

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

изъяты из ведения окружных судов и, соответственно, судов присяжных заседателей

В 1898 г. функционировали 87 окружных судов (из них 64 с присяжными заседателями), в 1908 г. – 98 окружных судов (с присяжными заседателями по-прежнему 64), в 1910 г. – 106 окружных судов (74 с присяжными заседателями) [2].

Законодательство о судах присяжных и их полномочия детально анализировались в юридической научной литературе, начиная со второй половины XIX в. [3] до последних десятилетий [4]. Рассматривались и вопросы периодизации истории судов присяжных [5]. Дореволюционные авторы весьма внимательно отнеслись к суду присяжных, а юристы-практики активно обсуждали значение суда присяжных в судопроизводстве. Правовед и чиновник Сената И. Я. Фойницкий отмечал: «Введение у нас суда присяжных тотчас после отмены рабства было смелым, скажем более – дерзким шагом теоретического ума; однако его увенчал успех, затмивший опасения практиков» [6, с. 433]. В том же духе высказывался А. Ф. Кони: «Едва ли скоро человечество придумает форму суда, могущую с прочным успехом заменить суд присяжных» [7, с. 34].

Но по поводу суда присяжных высказывались не только положительные мнения. Во «Всеподданнейшем докладе министра юстиции и генерал-прокурора Н. В. Муравьева о пересмотре законоположений по судебной части» 1794 г. в числе необходимых действий намечалось исследование причин часто неудовлетворительной деятельности суда присяжных с целью выяснить, «следует ли сохранить на будущее время эту форму суда и, если следует, то на каких основаниях он должен быть организован ввиду особенностей нашего быта» [8, с. 227]. После дискуссий суд присяжных был сохранен в Российской империи и, более того, возрожден в современной Российской Федерации.

Министр юстиции Н. В. Муравьев пришел к выводу, что участие в уголовном процессе, наряду с профессиональными судьями, присяжных заседателей дает возможность оценить деяния с позиций правды и справедливости, обеспечивает строгое соблюдение начал гласности и равноправия сторон, независимость судебных приговоров и их авторитет, основанный на неразрывной связи между отправлением правосудия и правовыми воззрениями народа.

Н. В. Муравьев знал Ярославскую губернию, служил здесь с декабря 1877 по январь 1879 г. в должности прокурора Ярославского окружного суда, но в связи с назначением на должность в конце года не попал в «Памятную книжку» 1878 г., где числится вакансия прокурора [9, с. 28].

В деятельности судов вообще и суда присяжных в частности всегда чувствовались региональные особенности. На деятельность администра-

ции, суда и полиции влияли пространство территории, плотность и состав населения, его хозяйственные занятия, уровень грамотности, местные обычаи и традиции и другие факторы. Можно напомнить о том, что Г. А. Джаншиев эпитафией к своему очерку «Устройство судебной части в области земских начальников» о законе 12 июля 1889 г. взял такие строки: «Наше дело крестьянское. Говорят, для нас и закон не писан (из наставления, данного ярославским крестьянином сыну)» [10, с. 311]. Этот очерк вошел в сборник, выпущенный к 25-летию судебной реформы.

Региональную специфику позволяет раскрыть не только анализ юридических норм и документов, который, безусловно, важен, но и обращение к первичным источникам – обширной делопроизводственной документации окружных судов и в целом государственных учреждений, спискам присяжных, материалам судебных разбирательств, губернской периодической печати и пр. Для изучения деятельности судов присяжных в Ярославской губернии изучались документы из фонда 346 «Ярославский окружной суд» в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и публикации газеты «Ярославские губернские ведомости».

В связи с детальной проработкой законодательства в юридических трудах ограничимся самым общим напоминанием о суде присяжных в Российской империи. Ст. 201 «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. гласила: «Дела о преступлениях или проступках, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, ведаются окружным судом с присяжными заседателями» [11]. В дальнейшем перечень дел, рассматриваемых без участия присяжных заседателей, увеличился, и к концу XIX в. присяжным заседателям оставались подсудны только уголовные дела. В Ярославском окружном суде уголовные дела, как правило, ежегодно преобладали над гражданскими в соотношении около 60 % и 40 % соответственно.

Глава 2 «О присяжных заседателях» (ст. 81–109) в «Учреждении судебных установлений» закрепляла статус и компетенцию судов присяжных. Присяжные заседатели избирались из «из местных обывателей всех сословий, во 1-х, состоящих в русском подданстве; во 2-х, имеющих не менее двадцати пяти и не более семидесяти лет от роду и, в 3-х, жительствующих не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели» (ст. 81) [12]. Для присяжных заседателей устанавливались и другие виды цензов, но среди них не было образовательного. В 1880-е гг. служебный ценз практически потерял значение, а имущественный ценз никогда не имел особого значения для присяжных заседателей.

Ярославский окружной суд подчинялся Московской судебной палате. Он начал работу 10 ноября 1866 г. в числе первых в России [13]. Поэтому в Ярославской губернии и суд присяжных начал действовать доволь-

но рано – с февраля 1867 г. В Ярославской губернии было открыто два окружных суда – Ярославский окружной суд для восьми уездов и Рыбинский окружной суд – для двух уездов. В 1890 г. Рыбинский округ ликвидировали, а два входившие в него уезда, Рыбинский и Мологский, были переданы Ярославскому окружному суду.

Специальные комиссии при активном участии земств составляли общие и очередные списки присяжных. К 1 октября списки представлялись губернатору, далее – председателю Ярославского окружного суда и в начале декабря печатались в «Ярославских губернских ведомостях». После реформ 1860–1870-х гг. губернаторы потеряли право «ревизии» судебных дел. Списки присяжных подавались губернатору на проверку, но исключить из них кандидатуру он мог только «с обязательным указанием причин». В 1880-е гг. губернаторы вновь получили право влияния на суд и негодные губернатору кандидатуры присяжных заседателей сразу же отклонялись.

Изученные по Ярославской губернии материалы показали, что возраст присяжных заседателей колебался от 27 до 62 лет. Преобладали присяжные заседатели в возрасте 40–50 лет. В Ярославской губернии все присяжные заседатели были грамотными: губерния занимала одно из первых мест в России по грамотности населения. В целом грамотой владели около половины мужчин и четверть женщин [14, с. X].

Изучение списков присяжных показало преобладание крестьян в их составе в первые десятилетия после начала судебной реформы. Например, список очередных присяжных заседателей по Рыбинскому уезду в первой четверти 1867 г. включал 29 крестьян (54 %), купцов и мещан – 21 чел. (39 %), а также 3 губернских секретарей, мирового посредника и врача (на эти 5 человек приходились оставшиеся 7%).

По Ярославскому уезду в 1870 г. в списках присяжных «дворяне и чиновники» и купцы вместе составили около половины – по 24 % и 25 % соответственно, мещане – 12 %, а преобладающей категорией в составе присяжных заседателей оставались крестьяне – 179 человек или 39 % [15] (см. табл. 1).

Доля крестьян среди присяжных заседателей губернии постепенно снижалась на протяжении последних десятилетий XIX в. Если взять ежемесячные списки очередных и запасных присяжных заседателей по Ярославскому уезду на 1904 г., то дворяне и чиновники в них составляли 30 %, купцы и почетные граждане (потомственные и личные) – 29 %, мещане – 21 %, крестьяне – 19 %, прочие – менее процента [16]. Изученные материалы не подтвердили мнение о том, что в Ярославской губернии в составе присяжных заседателей половину составляли представители купечества [17, с. 22]. Численность необходимых присяжных заседателей была боль-

ше численности купечества Ярославской губернии – около 4 тыс. человек ко второй половине XIX в.

Большинство дел, рассмотренных Ярославским окружным судом с участием присяжных заседателей, касались краж. Их число менялось год от года, но составляло 38–40 % дел (подсчет сделан на основе данных 1885–1894 гг.). В отдельные годы их доля был выше: 1866 г. – 63 % дел (519 из 826), 1878 г. – 61 % (360 из 591).

Таблица 1

Категории лиц, имеющих право быть присяжными заседателями в 1870 г. по Ярославскому уезду

Категория	1-я очередь	2-я очередь	3-я очередь	4-я очередь	Запасные	Всего
Дворяне и чиновники	30	21	30	18	10	109
Купцы	20	25	25	16	26	112
Мещане	11	11	12	9	14	57
Крестьяне	38	43	32	57	9	179
Отставной писарь			1			1
Отставной рядовой					1	1
Временно торгующий купец				1		1
Итого	99	100	100	101	60	460

Публикации на страницах газеты «Ярославские губернские ведомости» в разделе «По судебному делу» показывают, что ситуация, складывавшаяся в судах, была типичной. К примеру, возьмем 1868 г.: «На 22 февраля, с участием присяжных заседателей: 1) о бывшем волостном старшине Григорьевской волости Павле Ефимове Подерине, обвиняемом в противозаконных поступках по должности; 2) о крестьянине Ермолаеве, обвиняемом в покушении на кражу со взломом. На 24 февраля, с участием присяжных заседателей, о крестьянах: Якове Аникине, Валентине Васильеве и мещанине Панкратьеве, обвиняемых в кражах. На 28 февраля, о краже у Руппе и Литовых» [18].

С участием присяжных заседателей рассматривались и уголовные дела об убийствах. Их доля в Ярославском окружном суде за 1885–1894 гг. составляла 3–5 % в год.; около 6–8 % составляли грабежи и разбои. Так, 7 декабря 1867 г. в Ярославском окружном суде состоялось заседа-

ние «в присутствии явившихся в Суд присяжных заседателей, по делу о ярославском мещанине Михаиле Иванове Новикове, обвиняемом в убийстве крестьянина Волынина. Подсудимого защищал кандидат на судебные должности А. А. Сепко» [19]. Вина подсудимого признана доказанной, и он был приговорен к каторжным работам на 18 лет. 15 марта 1872 г. по делу мещанина Петра Мельникова, 22 лет, обвиняемого в предумышленном убийстве с целью ограбления, суд постановил: «лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы в рудниках на одиннадцать лет, по окончании же срока работ поселить его в Сибири навсегда. Судебные по сему делу издержки возложить на обвиняемого» [20]. Сомнений в виновности подсудимых у присяжных не возникло.

В качестве примера можно привести дело дворянина Федора Александровича Керлика, 26 лет, обвиненного за мошенничество. Присяжные заседатели так и не смогли вынести свой вердикт о его виновности или невиновности. Суть дела состояла в том, что в апреле 1883 г. «в типографию Фалька явился неизвестный человек, оказавшийся дворянином Федором Александровичем Керликом и, назвавшись распорядителем концертов певца Славянского, просил, для извещения ярославской публики, напечатать анонс о предстоящем будто бы в г. Ярославле концерте Славянского, а затем предложил Лапшину продавать и билеты для входа во время концерта в театр.

Исполняя просьбу Керлика, Лапшин распорядился о печати афиши предстоящего концерта и приступил к продаже билетов, которых продал более чем на 300 руб. Ф. А. Керлик из этих денег получил 100 руб. и уехал из Ярославля, за что предусматривалось наказание по ст. 1667 «Уложения о наказаниях» [21]. 16 июня 1884 г. обвиняемый Ф. А. Керлик не явился на очередное назначенное заседание суда с участием присяжных, и суд постановил, что поскольку «мерою пресечения Керлику способно уклоняться от суда и наказания было поручительство матери его, Ольги Керлик, с ответственностью в 300 руб., то взыскать с нее эти 300 руб.» [22].

Просьбу матери обвиняемого о снятии взыскания Ярославский окружной суд передал для дальнейшего рассмотрения в Московскую судебную палату. Этот пример выбран потому, что суд присяжных с участием крестьян должен был слушать дело дворянина, чего за четверть века до этого просто невозможно было представить.

31 января 1872 г. Ярославский окружной суд слушал дело по обвинению членов Ростовской городской думы в противозаконных действиях по оценке имения коллежского асессора Орлова; дело началось в апреле 1868 г. [23]. Жалобу на деятельность думы подала раскладочная комиссия, и «так как вердикт присяжных был оправдывающий подсудимых, то Пред-

седатель и объявил их от суда и следствия свободными» [23]. В целом доля оправдательных приговоров по уголовным делам Ярославского окружного суда с участием присяжных составляла 25 %, а без присяжных – около 2–5 %. Эта общая статистика могла значительно колебаться по годам. Так, например, в 1876 г. доля оправдательных приговоров в заседаниях с участием присяжных составила 17 %, а в коронных судах – 12 %.

«Да, виновен, но заслуживает снисхождения» – таков был вердикт присяжных по делу сотского Ивана Шемаханова, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 373 «Уложения о наказаниях». Дело заключалось в том, что «17 Февраля 1875 года из Ярославского уездного полицейского управления был передан крестьянин Угличского уезда, Новосельской волости, села Нового Николай Степанов Чурилов, для доставления его в Угличское полицейское управление за безписьменность. Однако Чурилов доставлен по назначению не был и произведенным по этому делу предварительным следствием, показаниями самого Чурилова и свидетелей Фуфаева и Соколовой (стр. 42 и 43) – обнаружено, что Шемаханов сам отпустил Чурилова, взяв с него угощение чаем и денег восемьдесят (80 к.) копеек сереб. – т. е. совершил преступление, предусмотренное 373 ст. Уложения о Наказ.» [24]. Ярославский окружной суд определил: «Подсудимого бывшего сотского бессрочно отпускного рядового Ивана Егорова Шемаханова, 45 лет, лишить всех особых лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и отдать в исправительное арестантское отделение гражданского ведомства на один год, взыскать с него, кроме того, семьдесят копеек сер. в пользу земских богоугодных заведений» [25]. Даже с учетом инфляции и покупательной способности 80 коп. – сумма небольшая, но злоупотребление служебным положением и уклонение от выполнения обязанностей сотского – преступление.

«Да, виновен, но заслуживает снисхождения» – после такого вердикта присяжных обвиняемому по ст. 1711 и 1681 «Уложения о наказаниях» частному поверенному Сергею Иванову Шультену, присвоившему пять векселей на сумму 2392 руб., в качестве наказания был установлен залог в 1000 руб., а после его неуплаты двухнедельное тюремное заключение [26].

Чтобы оградить присяжных от внешнего влияния, в случаях когда судебное заседание шло более одного дня, в делах особой важности присяжным заседателям не разрешалось покидать место заседания до вынесения итогового вердикта. Согласно подсчетам председателя Ярославского окружного суда Карла Поппе, на устройство ночлегов в здании суда для присяжных заседателей требовалось около 380 руб. Ярославский окружной суд находился в здании, переданном ему губернской земской управой (б. дом вице-губернатора; ныне в нем работает мэрия г. Ярославля). Но быстро решить этот вопрос не удалось, и чаще всего присяжные

ночевали на лавках непосредственно в зале заседаний. Для ночлега присяжных заседателей Ярославского окружного суда постельные принадлежности приносили из Демидовского лицея или Дома призрения ближнего, где в 1860-е гг. воспитывалось около ста человек [27].

С 1872 г. была запрещена материальная поддержка присяжным от земств, которую они получали в первые годы после начала судебной реформы. После этого в деятельности присяжных заседателей утвердился принцип безвозмездности, поэтому не случайно применялся термин «присяжная повинность». При этом количество рассматриваемых в суде дел неуклонно росло, что увеличивало нагрузку и на судей, и на аппарат суда, и на присяжных заседателей. В 1870-е гг. на одного судью приходилось не более 140–160 дел в год, в 1880-е гг. – около 250–270 дел, а накануне Первой мировой войны – не меньше тысячи.

Не удивительно, что неявка присяжных заседателей на заседания была постоянной проблемой. Например, за период 1910–1911 гг. было вызвано на заседания Ярославского окружного суда 1226 присяжных заседателей, не явились 225 (18,3 %). В 1910 г. было вызвано 655, отсутствовало на заседаниях 122 человека (18,6 %). В 1911 г. не явились 103 человека из 571 (18,0 %) [28]. Недостаток очередных присяжных заседателей восполняли за счет запасных.

Причины неявки присяжных заседателей могли быть различными, и суд разбирался, какой – уважительной либо неуважительной – была данная причина. Так, в одном из указанных выше дел о Ростовской городской думе «из числа очередных присяжных заседателей не явился купец Шмырев, представивший при прошении свидетельство от священнослужителей о том, что 31-го января назначен его брак, а из запасных надворный советник Клодницкий, сведений о причине неявки которого в суд нет»; «Суд согласно с сим заключением определил: купца Шмырева от исполнения обязанностей присяжного заседателя освободить; надворного советника Клодницкого, как получившего повестку и не представившего удостоверения о законных причинах своей неявки подвергнуть штрафу в размере 10 рублей сер.» [29]. При необходимости список присяжных пополнялся из числа запасных. В состав 12 присяжных для рассмотрения данного дела вошли: 1) титулярный советник Мохов, коллежские секретари Волков, Знаменский и Варницкий, учитель Кашкинский, купцы Дружинин и Работнов, мещанин Долганов, крестьянин Каширин, коллежский регистратор Листвицын, губернский секретарь Протопопов, коллежский ассессор Цветков, а в число запасных – учитель Харитонов и купец Чарышников. Присяжные заседатели приняли установленную законом присягу, избрали старшиной Цветкова. Председатель суда объяснил присяжным их права, обязанности и ответственность, которой они мо-

гут подвергаться за нарушение своих обязанностей, а далее приступили к чтению обвинительного акта [30].

Изучение списков присяжных заседателей Ярославской губернии и прошедших с их участием судебных разбирательств показало стремление председателя и судей Ярославского окружного суда четко следовать установленной законом процедуре, а протоколы судебных заседаний, фиксирующие заданные вопросы и изучение представленных сторонами обвинения и защиты документов, показывают стремление присяжных разобраться в сути обвинения и вынести справедливый вердикт. Вероятно, именно это вкупе с местными традициями обеспечивало большую «мягкость» судов присяжных по сравнению с судами, состоявшими исключительно из профессиональных юристов.

Большее количество оправдательных приговоров для судов присяжных (до 25 %), конечно, объяснялось и перечнем статей, по которым предусматривались их разбирательства: 410 статей на начальном этапе судебных преобразований с последующим сокращением до 300 статей в конце XIX столетия. В Ярославском окружном суде большинство дел рассматривалось с участием присяжных заседателей. Так, в 1914 г. 30 сессий суда прошло с участием присяжных, а 10 сессий – без них.

Несмотря на организационные и финансовые затруднения, суды присяжных стали площадкой взаимодействия разных сословий для защиты общественных интересов, правопорядка и законности. Опыт работы в качестве присяжных, даже если иногда превращался в обременительную повинность, давал понимание состояния «общественной нравственности» (преступности) и социальных проблем, повышал правовую культуру населения.

Институт присяжных заседателей в настоящее время введен в Ярославском областном суде. Первый вердикт «новых» присяжных по уголовному делу в Ярославском областном суде был вынесен в феврале 2003 г. Современные присяжные заседатели также выносят вердикт – имело ли место преступление; если имело, то какое отношение к его совершению имел подсудимый; виновен ли он; если виновен, то не заслуживает ли снисхождения. Ответы на эти вопросы не требуют глубоких специальных знаний. В XXI, как и в XIX, столетии присяжные заседатели в большей степени руководствуются не нормами права, а жизненным опытом и здравым смыслом.

Ссылки

1. Судебные уставы императора Александра II. Текст: Св. зак., т. XVI, изд. 1892 г. и по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг., дополненные всеми позднейшими, не вошедшими в продолжения, узаконениями... / под общ. ред. Ю. В. Александровского. Вып. 1: Учреждение судебных установлений. Кн. 1: Общее учреждение судебных установлений. Санкт-Петербург: Товарищество по изданию новых законов, 1913. 250 с.
2. Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2835.
3. Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России. М.: Типография А. М. Мамонтова и К°, 1881. 636 с.
4. Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность. М.: Юрлитинформ, 2015. 488 с.
5. Демичев А. А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2007. 318 с.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1996. Т. 1. 178 с.
7. Кони А. Ф. Уголовный процесс: нравственные начала: изд. 2-е, испр. М.: Современный гуманитарный ин-т, 2006. 149 с.
8. Министерство юстиции за сто лет 1802–1902: Исторический очерк. СПб.: Сенатская типография, 1902. 340 с.
9. Памятная книжка Ярославской губернии на 1878 год. Ярославль: Ярослав. губ. стат. комитет, 1878. 347 с. [с разд. pag.].
10. Джаншиев Г. [А.] Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М.: Тип. М. М. Щепкина, 1891. 354 с.
11. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: clck.ru/3CrcRh
12. Учреждение судебных установлений. URL: clck.ru/3CrcR3
13. Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1866. 10 нояб., № 45.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. и с предисл. Н. А. Тройницкого. Т. 50: Ярославская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. XII с., 233 с.
15. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 43 «Списки присяжных заседателей в городе Ярославле за 1870–1871 гг.». Л. 2-22.
16. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 604 «Списки очередным и запасным присяжным заседателям в 1904 г.».

17. Шелоумова М. Л. Судебная реформа 1864 г. в России (по материалам Ярославской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рос. акад. правосудия. М., 2004. 23 с.

18. Ярославские губернские ведомости. Официальная часть. 1868. 8 февр., № 6.

19. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 21 «Дело об убийстве крестьянина деревни Очапки Ярославского уезда Анисима Егорова Вольнина». Л. 23.

20. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 405 «Дело Ярославского окружного суда о мещанине Петре Мельникове, обвиняемом в предумышленном убийстве с целью ограбления». Л. 37.

21. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 2493 «Дело Ярославского окружного суда о дворянине Федоре Александровиче Керлике, обвиняемом в мошенничестве. Т. 1. Л. 2а.

22. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 2493. Л. 248.

23. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 183 «Дело Ярославского окружного суда по обвинению членов Ростовской городской думы в противозаконных действиях». Л. 131, 136 об.

24. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 1056 «Дело сотского Ивана Шемаханова, обвиняемого в преступлении, предусмотренном 373 ст. Уложения о Наказаниях». Л. 2.

25. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 1056. Л. 28 об.

26. ГАЯО. Фонд 346. Опись. 4. Д. 3762 «Дело Ярославского окружного суда о дворянине Сергее Ивановиче Шультене, обвиняемом по 1711 и 1681 ст. Уложения о Наказаниях в присвоении денег». Л. 75.

27. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 7. Д. 369 «Дело о службе председателя Ярославского окружного суда Карла Карловича Поппе». Л. 22.

28. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 183. Л. 132.

29. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 960 «Статистические сведения о числе присяжных заседателей по судебному округу Ярославского окружного суда 2 января – 14 декабря 1912 г.». Л. 6.

30. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 960. Л. 133.

Maritime customs and customs outposts of the Taurida province in the 50s–60s of the 19th century

D. A. Prokhorov¹

¹Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-572-581

Research article
Full text in Russian

The article examines the development of customs in the Russian Empire, analyzes the process of organizing maritime customs and customs outposts on the Black Sea coast of Crimea in the second half of the 19th century. For the Russian authorities, the peninsula was a strategically important region on the southern borders of the state, an outpost of Russian foreign and customs policy. The features of administrative communication in customs structures identified, the specifications and types of their activities are considered, and data on the bureaucratic and bureaucratic composition of customs institutions obtained.

Keywords: Russian Empire; Crimean Peninsula; Taurida province; customs policy; maritime customs; customs outposts

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Prokhorov, Dmitry A. | E-mail: prohorov@yandex.ru
D. Sc. (History), Professor

Funding: Russian Science Foundation (grant No. 24-28-01285).

Морские таможи и таможенные заставы Таврической губернии в 50–60-х годах XIX века

Д. А. Прохоров¹

¹Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-572-581
УДК 343.37(292.471)+930.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрены вопросы развития таможенного дела в Российской империи, проанализирован процесс организации морских таможен и таможенных застав на черноморском побережье Крыма во второй половине XIX в. Для российских властей полуостров являлся стратегически важным регионом на южных рубежах государства, форпостом внешней и таможенной политики. Выявлены особенности административной коммуникации в структурах таможен Таврической губернии, рассмотрены спецификация и виды их деятельности, данные о чиновничье-бюрократическом контингенте.

Ключевые слова: Российская империя; Крымский полуостров; Таврическая губерния; таможенная политика; морские таможи; таможенные заставы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохоров, Дмитрий Анатольевич | E-mail: prohorov@yandex.ru
| Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 24-28-01285).

История изучения деятельности таможенных учреждений, функционировавших в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., насчитывает ряд публикаций, в основном, правоведческого характера, ориентированных на региональную специфику [1–4]. При этом следует заметить, что этапы становления таможен Таврической губернии, экспортно-импортный ассортимент товаров, годовой товарооборот, полномочия аппарата чиновников и функциональные обязанности служебного персонала, а также многие нюансы, возникавшие при формировании кадрового состава в рассматриваемый период, остались вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Данная проблема-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тика актуализируется введением в научный оборот массива документов и материалов, выявленных в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь).

С окончанием Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., приведшей как к фактическому разрушению экономических связей внутри самой Российской империи, так и нивелированию торговых контактов с зарубежными странами, на территории полуострова постепенно восстанавливался его экономический потенциал, налаживалась мирная жизнь. Многие административные учреждения Таврической губернии, включавшей 8 уездов и два градоначальства (Севастопольский и Керчь-Еникальский), в начале войны (по причине боевых действий) эвакуированные вместе с деловой документацией, казной и имуществом в Симферополь, Перекоп и за пределы Таврической губернии, возвращались к местам своей постоянной дислокации и постепенно возобновляли повседневную работу.

Восстанавливалась и система таможенных учреждений на территории Таврической губернии, где в середине 1850-х гг. функционировали 5 морских таможен, 1 сухопутная, 2 морские таможенные заставы и несколько таможенных переходных пунктов. Принятые во время войны ограничения (в частности, действовавший запрет международных торговых сношений между странами) были отменены. Статья 11-я Парижского договора, заключенного 18 марта 1856 г. на Парижском конгрессе между Россией и странами-союзниками (Османской империей, Францией, Британской империей, Австрией, Сардинским королевством, а также Пруссией), гласила: «Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав». России и Османской империи было запрещено иметь военные флоты и арсеналы: «...Содержание или учреждение военно-морских на берегах оно арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему император всероссийский и султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала» (Ст. 13). Россия смогла вернуть себе это право лишь в 1871 г. Статьей 12-й договора определялось, что «свободная от всяких препятствий торговля в портах и на водах Черного моря будет подчинена одним лишь карантинным, таможенным, полицейским постановлениям, составленным в духе, благоприятствующем развитию сношений торговых. Дабы пользам торговли и мореплавания всех народов даровать все желаемое обеспечение, Россия и Блистательная Порты будут допускать консулов в порты свои на берегах Черного моря, согласно с правилами международного права» [5, с. 26–27].

Уже в августе 1856 г. российское правительство приняло решение о пересмотре действовавшего ранее Таможенного тарифа 1850 г. Для этой цели был учрежден особый комитет для разработки положений этого важнейшего документа. Действие положений «Нового общего тарифа по Европейской торговле для таможен Российской империи и Царства Польского», принятого 28 мая 1857 г. и состоявшего из 1854 статей, распространялось на территорию всей Российской империи. Отныне через таможи 2-го и 3-го классов могли быть провезены все беспошлинные товары, а также те, что не подлежали клеймению, и бандероли. Тарифом был определен и статус таможен на Крымском полуострове, выработаны функциональные обязанности их штатного персонала. Так, например, две из крымских таможен, Феодосийская и Керченская, были отнесены в соответствии с Тарифом к таможенным учреждениям 1-го класса, 1-го разряда. Бердянская таможня, расположенная на Азовском море, получила статус первой классной таможни 1-го класса и 2-го разряда, а Евпаторийскую таможню причислили ко 2-му, декларационному классу. В порт Евпатории разрешалось доставлять все товары, «исключительно к каким-либо портам не назначенные и по карантинным правилам к привозу туда дозволенные» [6, с. 4].

Для Феодосийской и Керченской таможен устанавливалось правило, согласно которому купцам, имевшим т. н. «складочное право» (право складывать те привозимые товары, которые еще не были очищены пошлиной на границе), для очистки пошлиной товаров устанавливался срок 8 месяцев; тем же, кто такого права не имел, данный срок составлял 6 месяцев [6, с. 5]. Помимо этого, Керченская и Таганрогская таможи относительно провоза импортируемых товаров в таможенные порты Азовского моря руководствовались особыми постановлениями, изложенными в статьях № 1468–1484 Таможенного тарифа 1857 г. В частности, в них речь шла о выработанном механизме предоставления шкиперами кораблей торговых документов с учетом прохождения строгого карантинного контроля. В Керчи на каждое судно, следующее с товаром в Азовское море, определялся досмотрщик, а на отходящие из азовских морских портов суда досмотрщики допускались лишь по мере необходимости [6, с. 287].

Помимо вышеперечисленных таможенных учреждений, на территории Крымского полуострова действовали также Ялтинская (или, как ее именовали в официальных документах, Ялтовская) таможенная застава, которая была открыта в 1826 г. и которой был присвоен 3-й класс, и Балаклавская третьеклассная таможенная застава 2-го разряда. Последней (в числе других таможен и застав 2-го и 3-го классов, упомянутых в статьях Тарифа 1857 г.) разрешалась очистка пошлиной товаров, определен-

ных статьями документа во втором разряде [6, с. 5]. Сверх того допускался провоз товаров, перечисленных в дополнительном списке, прилагавшемся к Тарифу. В частности, речь шла о таких позициях, как «...варенье и конфекты всякие, фрукты всякие густоваренные, пастила, пряники паштеты, соя, какао в зернах <...> вермишель и макароны всякие, воды минеральные естественные и вода содовая <...> масло коровье и овечье, мед-сырец и патока медовая», а также ряд других продуктов питания. Помимо всего прочего, к провозу были разрешены железо, сталь, латунь, медь, москательные товары, пилы, напильники, ртуть, нефть, деготь, мрамор, порфир и пр. [7, с. 156–158].

Экспортируемые товары (как беспошлинные, так и облагаемые пошлиной) разрешалось отправлять через российские таможи и заставы всех классов и разрядов, что наглядно демонстрирует проводившуюся государством протекционистскую политику в отношении отечественных товаров. Также действовало правило, согласно которому на черноморских таможнях и таможенных заставах 3-го класса разрешались к провозу «только не приемлющие заразу и разрешенные туда по карантинным правилам [товары]» [6, с. 6], что обуславливалось опасностью занесения инфекционных болезней и стремлением избежать эпидемиологических рисков.

При Севастопольском карантине учреждался таможенный надзор «для принятия купеческих лодок, приходящих из безопасных российских портов Черного и Азовского морей с товарами российского производства и иностранными», оплаченными в таможнях или заставах соответствующей пошлиной [6, с. 9]. Основное назначение таможенного надзора в Севастополе состояло в том, чтобы севастопольский таможенный надзиратель вместе с досмотрщиками находились в Севастопольском карантине при «всякой выгрузке и вскрытии мест, без чего никакие товары не должны быть в карантине приняты и из оною выпущены».

Таможням и таможенным заставам, дислоцированным в портах Черного и Азовского морей, полагалось вместе с товарами, отправляемыми морем в Севастополь, выдавать ярлыки, в которых указывалось количество и качество этих товаров с предписанием, что пошлина уже уплачена. Севастопольский таможенный надзиратель строго следил за тем, чтобы привозимые морем в Севастополь товары были того же качества и в том же количестве, которые были задекларированы в сопровождающих груз документах (коносаментax). На российские товары надзиратель Севастопольского карантина выдавал на общих правилах оборотные аттестаты для предоставления в ту или иную таможню или таможенную заставу, откуда эти товары были отправлены. Помимо всего прочего, таможенный

надзор в Севастополе очищал пошлиной провизию и «мелочные вещи», которые находились на казенных судах, возвращавшихся из заграницы [6, с. 9].

В июне 1860 г. были учреждены Феодосийский (позже – Крымский) и Таганрогский (позже – Азовский) таможенные округа, с местонахождением первого в Феодосии, а второго – в Керчи. В обязанности начальников таможенных округов входило руководство деятельностью всех таможенных учреждений в регионе. Оба чиновника подчинялись непосредственно Таможенному управлению Министерства финансов. Феодосийская и Евпаторийская таможи, Балаклавская, Ялтинская таможенные заставы, Севастопольский таможенный пункт (равно как и Акмечетская сухопутная застава) находились в юрисдикции Феодосийского таможенного округа, территория которого простиралась от Перекопа до крепости Ени-Кале [8, л. 1–23]. Керчь-Еникальскому таможенному округу, в ведении которого находилось побережье Черного и Азовского морей, были подведомственны Керченская и Бердянская таможи [6, с. 12]. Помимо этого, Керчь-Еникальский таможенный округ находился под управлением Керчь-Еникальского градоначальника, причем ему подчинялась и таможенная часть по Феодосийскому округу [6, с. 13]. Начальнику таможенного округа подчинялись все окружные таможи и заставы; штат его ведомства состоял из чиновников особых поручений, секретаря и канцеляристов (писцов), общее число которых определялось штатным расписанием.

В 1860 г. Керчь-Еникальский и Таганрогский таможенные округа объединили в Таганрогский таможенный округ с местопребыванием начальника округа в Керчи. В соответствии с принятой иерархией, начиная с 1856 г., ежегодные ведомости с отчетностью о работе таможен их управляющие передавали в Департамент внешней торговли начальнику таможенного округа, таврическому гражданскому губернатору и в Таврическую губернскую казенную палату [9, л. 1–92; 10, л. 1–133; 11, л. 1–56; 12, л. 1–128; 13, л. 2–120]. Среди архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Республики Крым, были выявлены информативные сведения о работе крымских таможен. Среди них прежде всего следует выделить материалы о восстановлении в конце 1850-х – начале 1860-х гг. торговых отношений с Францией, Британской империей, Сардинским королевством; о заключении послевоенных международных контрактов «о торговле и мореплавании» с Турцией, Италией, Бельгией и другими странами Западной Европы; об установлении акциза на торговлю крымской солью и о новых правилах ее добычи; о понижении пошлины на импортный кофе; о вывозе за границу российской золотой монеты

и т. д. [14, л. 3–150; 15, л. 3–191; 16, л. 1–172; 17, л. 1–106; 18, л. 10–15; 19, л. 1–116; 20, л. 3–56; 21, л. 1–22].

Каждая из таможен находилась под надзором управляющего, а таможенная застава – управляющего или надзирателя; помимо этого, таможенным учреждениям полагалось иметь контингент чиновников и досмотрщиков, «звание и число коих определяется штатами». При этом министр финансов мог по своему усмотрению увеличивать число досмотрщиков для некоторых таможен, особенно для портовых, сообразно потребностям каждой из них [6, с. 10]. Таможни и таможенные заставы, расположенные на морях и на реках, должны были иметь в своем распоряжении катера, шлюпки и гребные суда, которые отличались от других «построением и красками» и несли на борту соответствующее вооружение. Таможни и таможенные заставы оборудовались на входе в служебное здание щитом с изображением государственного герба и надписью, содержащей название учреждения. Кроме того, над зданием таможни (обязательно оборудованным бойницами) в обязательном порядке устанавливался светло-зеленый с белым Андреевский флаг, который поднимался и опускался в начале и по окончании ежедневной службы; таким же флагом оснащались все таможенные суда, «когда не было необходимости действовать скрытно, подобно сему должны быть и флюгеры на объездничьих пиках светло-зеленые и белые пополам, вместо назначенных светло-зеленых и черных» [6, с. 11; 22, с. 765]. В 1858 г. в крымских таможнях (в частности, в Евпаторийской) было решено провести замену брандвахт (военных сторожевых кораблей, которые несли караул в акватории порта, осматривали торговые суда, приходившие в порт и отходившие из него, оказывали помощь купеческим судам и пр.) гребными судами [23, л. 1–10].

Для «отвращения тайного провоза товаров» через российские таможни еще в августе 1827 г. правительство утвердило «Положение об устройстве пограничной таможенной стражи». В обязанности таких военизированных подразделений входила защита государственных границ «от контрабандной торговли и беспаспортных людей». Указом 23 мая 1856 г. подтверждались возложенные ранее на Таврическую полубригаду таможенной пограничной стражи обязанности по карантинному надзору «в благополучное от заразы время». А на побережье Азовского моря учреждался береговой надзор, состоявший из нижних чинов пограничной стражи и находившийся в подчинении чиновников особых поручений при Керчь-Еникальском градоначальнике [6, с. 13].

Кадровый состав таможенных учреждений Таврической губернии определялся в соответствии с положениями таможенного Тарифа 1857 г., гласившими, что на должности в таможни и таможенные заставы реко-

мендуется назначать «чиновников опытных, в верности испытанных и доверия достойных», и поэтому на вакансии таможенных надзирателей и их подчиненных нельзя было определять лиц, ранее не служивших по таможенному ведомству [6, с. 19]. Штатный состав таможен Таврической губернии соответствовал этому правилу. В частности, в 1856 г. пост управляющего Феодосийской таможни занимал надворный советник Н. С. Данилевский, а в его подчинении находились надзиратели, надворный советник К. П. Дембровский и титулярный советник И. К. Беккер, а также коллежский секретарь А. П. Тамара (на должности секретаря). В Евпаторийской таможне управляющим служил надворный советник И. Л. Мороховцев, а надзирателем – коллежский асессор Г. П. Твердянский (должность секретаря была вакантной). Керченская таможня находилась под управлением коллежского советника А. И. Рогая, а надзирателями числились надворные советники А. Е. Авгерино, И. И. Змага и титулярный советник И. И. Лагорио; секретарскую должность занимал коллежский секретарь А. Ф. Яворский. Что касается Бердянской таможни, то ее возглавлял коллежский советник В. И. Сериков, а надзирателем определили титулярного советника В. В. Шаркова (должность секретаря была объявлена вакантной). Ялтинскую таможенную заставу в 1855 г. возглавил губернский секретарь И. И. Сидоренко [24, с. 225]. Помимо этого, при каждом таможенном учреждении на низших должностях служили досмотрщики (общее число которых, по представлению каждой из таможен, определял начальник таможенного округа), помощники досмотрщиков, а также гребцы и дворники.

Что касается объездчиков и стражников в частях пограничной таможенной стражи, то на эти должности принимали лиц, служивших в кавалерийских и пехотных полках, «из людей здоровых, неувечных, трезвых, проворных и вообще хорошего поведения»; на службу также брали отставных солдат (они даже могли занимать должности командиров бригад, полубригад и отдельных рот с разрешения начальника округа) [6, с. 23]. Таврическая полубригада таможенной пограничной стражи, состоявшая из двух рот, разделенных на два отряда каждая, обеспечивала безопасность побережья Черного моря на 58 кордонах от Перекопа до дер. Карангат, расположенной в 65 верстах от Феодосии, а также осуществляла карантинный надзор. В 1850–1860-х гг. командование Таврической полубригадой осуществлял полковник В. А. Добровольский, а Керчь-Еникальской полубригадой пограничной карантинной стражи командовал подполковник А. Г. Моллер [24, с. 226].

Таким образом, можно констатировать, что в 1850–1860-х гг. таможенные учреждения Крымского полуострова представляли сложную развет-

вленную административную систему с продуманной вертикалью подчинения, утвержденным и укомплектованным штатным составом, а также с разработанными на высшем уровне инструкциями и утвержденными должностными обязанностями сотрудников. Учреждения карантинного контроля, подразделения пограничной таможенной стражи осуществляли комплексные мероприятия по недопущению угроз эпидемиологического характера, предотвращению контрабандного провоза товаров и охране государственной границы. Благодаря налаженной работе крымских таможен, во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. число торговых операций, проводившихся через черноморские порты, значительно возросло, что способствовало существенному увеличению объемов внешней торговли России.

Ссылки

1. Бирюкова Н. Н. Деятельность Феодосийской таможни в составе Таврической губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1, № 2. С. 9–14. EDN VKNTWJ.
2. Борщик Н. Д. Кадровый состав Евпаторийской портовой таможни Таврической губернии в 1860-е гг. // Научный вестник Крыма. 2017. № 5. С. 9. EDN ZDODYZ.
3. Змерзлый Б. В., Воронина Е. О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX веков: (на материалах Таврической губернии). Симферополь, 2014. 261 с.
4. Раздорский А. И. Исследования и публикации таможенных книг в 2010–2019 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6, № 2. С. 120–138. DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-2-120-138.
5. Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 470 с.
6. Свод законов Российской империи. Т. 6: Уставы таможенные, 1857–1868. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 696 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. СПб.: тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 32. Отд. 2. 864 с.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 221. Оп. 1. Д. 396.
9. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 356.
10. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 366.
11. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 396.
12. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 416.

13. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 427.
14. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 354.
15. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 364.
16. ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 374.
17. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 419.
18. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 428.
19. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 436.
20. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 445.
21. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 449.
22. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 2. 1138 с.
23. ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 439.
24. Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1856 г. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1856. Ч. 1–2. XXII, 309.

Autopsy of the relics of the Yaroslavl miracle workers in 1919: medical examination and historical tradition

N. A. Mironova¹, V. V. Kulikov²

¹Yaroslavl State Olympic Reserve College, Yaroslavl, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-582-587

Research article
Full text in Russian

In 1918 in Soviet Russia a campaign to uncover the relics began. In Yaroslavl in 1919, the relics of the 13th century prince Fyodor Cherny and his sons David and Constantin were discovered and examined. Yaroslavl doctors were involved in the examination; they made a conclusion in accordance with historical traditions of the remains. The article, written on the basis of archival data, provides details of medical examinations and the opinions of doctors on the remains of the princes. A conclusion about the attitude of doctors towards conducting research and campaigns to open the relics is drawn.

Keywords: autopsy of relics; medical examination; Yaroslavl miracle workers; Fyodor Cherny; anti-religious propaganda

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mironova, Natalya A. | E-mail: legion6@mail.ru
Cand. Sc. (History)

Kulikov, Viktor V. | E-mail: v.kulikov@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (History)

Вскрытие мощей Ярославских чудотворцев в 1919 г.: медицинская экспертиза и историческая традиция

Н. А. Миронова¹, В. В. Куликов²

¹Государственное училище (техникум) олимпийского резерва по хоккею, Ярославль, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-582-587
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В 1918 г. в Советской России началась кампания по вскрытию мощей. В Ярославле в 1919 г. вскрыли и исследовали мощи князей XIII века Федора Черного, его сыновей Давида и Константина. К экспертизе были привлечены ярославские медики; они сделали заключение о соответствии останков исторической традиции. В статье, написанной на основе архивных данных, приведены детали медицинской экспертизы мощей, мнение врачей об останках князей. Сделан вывод об отношении врачей к проведению исследования и кампании вскрытия мощей.

Ключевые слова: вскрытие мощей; экспертиза; Ярославские чудотворцы; Федор Черный; антирелигиозная пропаганда

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова, Наталья Анатольевна | E-mail: legion6@mail.ru
Кандидат исторических наук, преподаватель

Куликов, Виктор Викторович | E-mail: v.kulikov@uniyar.ac.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

В 1918 г. в рамках реализации декрета от 23 января того же года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Советской России началась кампания по вскрытию мощей святых. Новая власть считала, что необходимо полностью уничтожить «религиозные предрассудки», о чем было заявлено на VII съезде партии в 1919 г. В том же году были вскрыты мощи благоверных князей Георгия Всеволодовича, Андрея Бого-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

любского, благоверного князя Петра и Февронии Муромских и многих других святых покровителей.

Просьбы и ходатайства верующих ничего не изменили, напротив, в 1919–1920 гг. кампания набирала обороты; мощи вскрывали публично и тайно, уничтожали или перевозили в музей для хранения. Часто кампании вскрытия мощей комментировались советскими пропагандистами с презрением и даже иронией. В. Д. Бонч-Бруевич, например, отмечал: «Когда народ пожелал познать свои собственные святыни, когда он своими дерзкими руками прикоснулся к тому, что каста жрецов для обмана темных людей запрещала касаться, освящая эти никому не нужные предметы какой-то святостью, неприкосновенностью, тогда народ увидел сам, что его обманывают и обманывали нагло, издеваясь над ним, подделывая мощи самым грубым, я бы сказал, кощунственным образом; и те, кто подделывали, знали прекрасно, что они обманывают народ, но они продолжали стоять у этих святынь, кадить, читать молебны и акафисты, и обманывали, обманывали на каждом шагу [1, с. 172].

Антирелигиозная пропаганда не только обозначила целое направление в изобразительном искусстве и литературе; она составляла идеологическую основу различных мероприятий, лекций, театральных постановок, праздников и т. п.

Ярославль не смог остаться в стороне от кампании вскрытия мощей. В своих монастырях и храмах город сохранял древние реликвии; не только мощи, но и иконы, традиция почитания которых уходила в глубь веков. В Спасском монастыре хранилась рака с мощами князя Федора Черного и его сыновей Давида и Константина. Согласно приказу Яргубисполкома, когда дело дошло до вскрытия мощей «бывших ярославских князей», должна была быть проведена экспертиза. Для этих целей создается комиссия, в которую приглашены врачи: Залкин как специалист-бактериолог, Фрадкин как специалист врач, Н. Соловьев и Крылов как специалисты-хирурги [2, л. 6]. Врачам были высланы повестки; отказаться было невозможно. Вскрытие мощей проходило 27 марта в 19 часов в здании Присутственных мест на Советской площади.

По итогам работы с мощами ярославские врачи написали заключение, в котором изложили свое мнение по поводу того, какие выводы можно сделать, изучив останки князей. Удивительным является не только то, что увидели медики, но и то уважение, граничащее с пиететом, которые врачи проявили к святым мощам. «Мы подвергали анализу предмет, до сих пор неприкосновенный, предмет религиозного почитания многих миллионов верующих в течение многих поколений» [2, л. 7].

Врачи назвали проведенное исследование «небывалым». Из уважения к святым мощам медики провели только наружный неинвазивный осмотр останков, решив не применять ни микроскоп, ни химические реакции. Не-

смотря на то что руководство разрешало любые манипуляции с останками, врачи не использовали ничего, что могло бы нарушить их сохранность. «Мы чувствуем, что вторгаемся насильно в совесть людей», – отмечали специалисты. Врачи отказались от всех процедур, с которыми было сопряжено насильственное разрушение тел. «Мы, – писали врачи, – не считали себя вправе копаться в предмете нашего исследования, как в обыкновенном трупе» [2, л. 7].

В ходе осмотра врачи установили наличие большого количества сохранившихся останков почитаемых князей; лучше всего сохранилось тело, принадлежавшее, как считалось, князю Федору Черному. За исключением некоторых мелких костей и ступней, весь скелет князя сохранился, кости его были светлыми и твердыми, процесса распада и тления замечено не было. Скелет был покрыт высохшей кожно-мышечной тканью, которая дала врачам возможность составить представление о росте и физическом облике князя.

Врачи отметили «изящную форму костяка» и строгие физические пропорции скелета. «Господином этого тела, надо думать, был человек высокого роста, могучего, но в то же время изящного развития, с красивой головой, высоким лбом и развитыми надбровными дугами, с продолговатым лицом, красивыми руками, которые и сейчас, сложенные в крест, обнаруживают это качество» [2, л. 10]. О высоком росте князя напоминали размеры плечевой и большеберцовой костей. Видимо, это был человек отличного здоровья, так как в его черепе в отличном состоянии сохранились все зубы.

Второе тело, лежавшее в раке по правую сторону от первого, сохранилось приблизительно в той же мере, что и первое, с тем же внешним видом и характером изменения мягких телесных тканей. Второе тело по росту было намного меньше, чем первое. От третьего тела остались лишь кости черепа, туловища и таза, причём пропорции тела были неправильные. Врачи убедительно доказали принадлежность всех трех тел к мужскому полу, однако заметили, что костяк второго тела слабее, чем костяк остальных.

Медики сделали вывод, что все скелеты принадлежали «вполне взрослым людям». По состоянию черепных швов возраст первого тела эксперты определили как 55–65 лет, двух других – 30–45 лет, причём, заметили они, «одному из них больше подходит возраст около 30 лет, другому около 40 лет» [2, л. 10]. Давность останков врачи не смогли определить точно, указывая на то, что факторы и обстоятельства хранения мощей существенно влияют на их сохранность.

Самое главное, что врачи должны были установить, – это то, насколько правомерными можно считать исторические сведения о князьях и не противоречат ли православно-исторической традиции результаты врачебной экспертизы. И вот здесь необходимо отметить мужество ярославских

врачей, ответивших совершенно недвусмысленно: нет, не противоречат. По мнению специалистов, останки вполне могли являться мощами Ярославских князей, которые Православной церковью были причислены к лику святых.

Чтобы еще более точно обозначить определенность своего заявления, медики обратились к жизнеописаниям князей, написанным Иеромонахом Антонием вскоре после открытия мощей, где нашли подтверждение тому, что увидели при вскрытии. «Князь Федор большого роста, а те меньше лежали у него под мышками» [2, л. 10]. Относящиеся к XVI в. традиции изображения князей также имеют много общего с результатами медицинской экспертизы: князь Федор изображался человеком большого роста, по бокам – двое с ростом ему по плечи. Возраст его приближался к возрасту, установленному в результате экспертизы.

Федор Черный в исторической традиции представлялся человеком высокого роста, «мужественно красивым, храбрым и энергичным... человеком хорошего сложения и физического развития» [2, л. 10]. Про Давида сказано, что он правил княжеством в духе своего отца, был женат и имел детей. Про Константина известно, что он, живя в мире, не был женат, а про его деятельность сказано крайне мало. В письменных источниках Константин характеризуется как «улемец» (скорее всего, это указывало на физические недостатки), а медицинская экспертиза на основе анализа скелета выявила некоторые диспропорции в физическом развитии человека.

Облачения, обнаруженные в раке с мощами, были различной давности. Как известно, первоначально князья были похоронены под церковью Входа Господа в Иерусалим (Входоиерусалимской). Захоронение было сделано в подклете, поверх земли. В 1463 г. состоялось обретение мощей; тогда же три тела были положены в одну раку. В 1704 г. митрополит Ростовский Св. Дмитрий из пришедшей в ветхость раки переложил их в новую кипарисовую, а в 1831 г. их поместили в серебряную раку. Найденная при обследовании черная мантия и схима, по-видимому, относилась ко времени второго переложения: одеяние было ветхим и местами истлело. Голубое облачение князей было надето уже Ярославским Тихоном в 1913 г.

Ярославские медики дали объяснение тому, почему останки князей были нетленными: это благоприятные условия хранения. Однако «последнее слово о причинах сохранности князей Федора, Давида и Константина принадлежит уму и религиозной совести народа», – декларировали врачи [2, л.11, об.].

Итак, резюмируя, можно отметить, что результаты медицинской экспертизы 1919 г. не только не противоречили, но и подтвердили то, что, скорее всего, в Спасском монастыре были именно мощи ярославских князей, с которыми была связана долгая традиция почитания. Медицинская экс-

пертиза подтвердила скудные сведения, которые дошли до нас благодаря летописной традиции.

Подчеркнем также высокую гражданскую ответственность медиков, привлеченных к исследованию мощей. Ярославские врачи в 1919 г. работали в обстановке полной хозяйственной разрухи (Гражданская война и Ярославский мятеж нанесли тяжкий урон городскому быту); в это время начиналась эпидемия сыпного тифа, которая очень скоро захлестнет город и даже унесет жизнь одного из экспертов – Николая Васильевича Соловьева [3].

Врачи жили и трудились под угрозой уплотнения, выселения, многие из них были объявлены классовыми врагами. Приглашение на подобную экспертизу для медицинских специалистов было во многом проверкой их лояльности по отношению к власти и идеологической благонадежности. Казалось, условия располагали для того, чтобы специалисты «помогли» большевикам вести одну из магистральных линий их идеологической работы – антирелигиозную пропаганду.

Однако врачи этого не сделали. Они не сдались ни в условиях катастрофы быта, ни ради помощи, которая могла бы исходить от большевиков. Ярославские врачи, быть может, и не высказали стопроцентной уверенности в подлинности мощей, но показали безусловное уважение к православным обычаям, в том числе к традиции почитания князя Федора Черного, его сыновей Давида и Константина, проявили глубокое почтение к останкам святых князей. В данном историческом контексте это можно считать актом проявления гражданского мужества.

Ссылки

1. Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции, 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968. 192 с.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 131. Оп. 1. Д. 93.
3. Миронова Н. А. Ярославль в кольце эпидемий. Ярославль: Индиго, 2012. 240 с.

The principle of nationalities in the foreign policy of Napoleon III

S. S. Krekhov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-588-593

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the foreign policy activities of Napoleon III. In particular, examples of the use of the principle of nationalities by the French emperor are considered. Specific steps of assistance from France to the peoples of Moldova, Wallachia, Italy and Poland are described. It is concluded that the policy of Napoleon III was aimed primarily at pacifying Europe by creating independent, national states within their natural borders. The author believes that the full implementation of the plans of the French monarch would lead to the end of wars and the establishment of lasting peace in the European part of the world.

Keywords: Napoleon III; Alexander II; principle of nationalities; Italy; Poland

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krekhov, Sergey S. | E-mail: sergej.krexov.97@mail.ru
Postgraduate

Принцип национальностей во внешней политике Наполеона III

С. С. Крехов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-588-593
УДК 327(470:44)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется внешнеполитическая деятельность Наполеона III. В частности, рассматриваются примеры использования французским императором принципа национальностей. Описываются конкретные шаги помощи со стороны Франции народам Молдавии, Валахии, Италии и Польши. Делается вывод, что политика Наполеона III была направлена прежде всего на умиротворение Европы путем создания независимых национальных государств в их естественных границах. Автор считает, что полная реализация планов французского монарха привела бы к окончанию войн и установлению прочного мира в европейской части света.

Ключевые слова: Наполеон III; Александр II; принцип национальностей; Италия; Польша

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крехов, Сергей Сергеевич | E-mail: sergej.krexov.97@mail.ru
Аспирант

«Некоторые люди утверждают, что Империя означает войну, но я говорю – Империя означает мир» [1]. Данная фраза, произнесенная первым президентом Второй республики Луи Бонапартом на большом банкете в Бордо 9 октября 1852 г., может вызвать чувство изумления, если обратить внимание на то количество вооруженных конфликтов, в которых впоследствии будет принимать участие Франция. Однако при детальном рассмотрении причин боевых действий становится понятно, что конкретно имел в виду будущий французский император.

Внешняя политика Наполеона III базировалась на идее разрушения Венской системы международных отношений¹. В качестве основного оружия уничтожения «Европейского концерта» французский монарх решил ис-

¹ По итогам Венского конгресса 1814–1815 гг. была установлена гегемония четырех великих держав – Великобритании, России, Австрии и Пруссии. Франция воспринимала его результаты как унижение и превратилась в главную ревизионистскую силу.

пользовать принцип национальностей, смысл которого можно свести к следующему: границы государств должны быть границами отдельных наций, а многонациональные государства объявлялись неестественными [2, с. 295].

Юношеские устремления Луи Бонапарта свидетельствуют об искреннем желании помочь различным народам в реализации принципа национальностей. В 1828 г. Луи-Наполеон вместе со своим братом Наполеоном-Луи хочет присоединиться к русской армии и поучаствовать в войне за независимость Греции, но в связи со строгим запретом отца и матери был вынужден отказаться от данной идеи. Затем, в начале 1830-х гг., братья становятся членами тайной организации карбонариев, которые провозгласили своей целью освобождение Италии. Присоединившись к повстанцам, они сражались с регулярными частями папской армии. Итогом бессмысленной авантюры стал разгром революционных сил правительственными войсками. Позднее Луи-Наполеон хотел отправиться в Польшу и уже там сражаться на стороне восставших против российских императорских войск, но этим планам помешала смерть родного брата [3, р. 62–71].

Луи Бонапарт видел себя продолжателем дела своего дяди – Наполеона I. В 1839 г. из-под его пера, выходит брошюра под названием «Наполеоновские идеи». В ней Наполеон I предстает одним из тех, чье провидение стало орудием для реализации непостижимых замыслов, чья миссия предначертана и будет выполнена. Автор подробно описывает выгоды, которые принесло наполеоновское господство Европе в целом и каждому народу в частности.

В Италии образуется большое королевство, имеющее свою собственную администрацию и армию. Отныне страна разделена на департаменты, управляемые префектурами, тем самым исчезает тот провинциальный дух, который убивает национальность. Связь между народами Италии укрепляется благодаря развитию коммуникаций – в Апеннинах появляются новые дороги. Наполеон I всегда имел намерение создать свободную и независимую итальянскую нацию. Объединив Пьемонт, а также Рим и Флоренцию с великой Империей, он превратил их граждан в солдат. Весь этот процесс Луи Бонапарт именует «великой реорганизацией», заявляя, что Итальянская слава пробуждается впервые со времен Цезаря [4, р. 159–160].

«Польша – эта сестра преданной и великодушной Франции», по мнению Луи Бонапарта; она могла рассчитывать на будущее воскрешение, поскольку Император Наполеон I создал Герцогство Варшавское, которое должно было служить ядром полноценной нации. Конституция нового герцогства, принятая в 1807 г., отменяла крепостное право и провозглашала равенство всех граждан перед законом [4, р. 164].

Стремлением осуществить политическое возрождение нации Луи Бонапарт оправдывает и интервенцию Наполеона I в Испанию, утверждая, что таким образом он сжалился над судьбой великого народа и решил воспользоваться предоставленной ему судьбой возможностью воссоздать Испанию и тесно объединить ее со своей системой. Байонская конституция,

утвержденная в 1808 г., гарантировала все права, которые только могла желать испанская нация, уничтожились все старые злоупотребления, такие как инквизиция и феодальные привилегии [4, р. 167].

Именно в «Наполеоновской идее» Луи Бонапарт развивает тезис о необходимости существования Империи; для него она является символом цивилизации и прогресса. По его словам, если бы обширные проекты Императора были реализованы, то каждая страна, ограниченная своими естественными пределами, объединенная со своим соседом отношениями интересов и дружбы, имела бы только одни преимущества. Необходимость кровопролития Луи Бонапарт объясняет следующим образом: «Войны Империи были подобны разливу Нила; когда воды этой реки покрывают окрестности Египта, можно было поверить в опустошение; но как только они удаляются, в результате их прохождения рождаются изобилие и плодородие» [4, р. 169].

Придя к власти в 1848 г. в качестве президента, Луи Бонапарт в дальнейшем установил монархический режим правления и провозгласил себя Императором Наполеоном III в 1852 г. Благодаря победе, одержанной над Россией в Крымской войне 1853–1856 гг., Франции удалось восстановить престиж и мировой авторитет, который она утратила по окончании Наполеоновских войн. С этого момента французский император принял активное участие в перекраивании карты Европы.

На Парижском конгрессе 1856 г. Наполеон III успешно лоббирует идею объединения Дунайских княжеств и предоставления им автономии, разрушив планы Австрии по их приобретению. Как отмечал сам император: «Если бы у меня спросили, каков интерес Франция в столь далеких землях, омываемых Дунаем, я бы ответил: Франция всегда там, где есть потребность в справедливости и цивилизации» [5, р. 50].

Согласно положениям конвенции, подписанной в 1858 г., Молдавия и Валахия оставались вассалами Османской империи и были обязаны ежегодно выплачивать дань, но проводили самостоятельную и независимую политику без всякого вмешательства со стороны Блистательной Порты.

Следующим этапом в реализации принципа национальностей стал процесс объединения Италии. По замыслу Наполеона III, Италия должна была образовать не единое государство, а конфедерацию, руководимую Пьемонтом, независимую от Австрии и связанную с Францией чувством благодарности и политическими соображениями [6, с. 155].

В 1858 г. на тайной встрече, состоявшейся между французским императором и пьемонтским министром Кавуром в курортном местечке Пломбьер, в Вогезах, были оговорены детали будущего военно-политического альянса. Франция брала на себя обязательство помочь Сардинии изгнать австрийцев из Италии, включая Ломбардию и Венецию. В представлении Наполеона III данная война была не завоевательной, а национально-освободительной. Проводя политику поддержки национальностей, французский монарх не забывал и об интересах собственного государства. В награду за помощь

в войне против Австрии Пьемонт был обязан передать Франции Савойю и Ниццу.

Война не заставила себя долго ждать, уже в 1859 г. боевые действия начались. Одержав уверенные победы при Мадженте и Сольферино, Наполеон III поспешил заключить перемирие с австрийским монархом Францем-Иосифом, не поставив в известность своих пьемонтских союзников. Наполеон III опасался, что в войну на стороне Австрии может вступить Пруссия. Помимо того, императора глубоко потрясло увиденное им кровопролитие. Во многом именно чувство сострадания заставило его отказаться от продолжения конфликта.

По итогам мирного договора, подписанного в Цюрихе в 1859 г., Австрия уступала Ломбардию Франции, которая, в свою очередь, передавала эту область Сардинии. Венеция продолжала оставаться под контролем австрийцев. Несмотря на то что «Рисорджементо», процесс объединения итальянских земель, не был завершен, по словам Наполеона III, «главная цель войны достигнута — Италия вот-вот впервые станет нацией» [7, с.].

В разговорах с русским императором Александром II Наполеон III безуспешно пытался поднять и «Польский вопрос». Отношения между монархами начали налаживаться сразу по окончании Крымской войны. Взаимная заинтересованность друг в друге привела их к обоюдной встрече, состоявшейся в Штутгарте в 1857 г. Наполеон предупредил Александра, что между Россией и Францией существует только один неудобный вопрос – польский и предлагал совместно выработать механизм к его решению. В свою очередь, царь заявил, что это внутреннее дело России и любое вмешательство извне может только навредить. Несмотря на взаимное удовлетворение состоявшимся знакомством, после произошедшей беседы Александр II с неодобанием скажет: «Мне осмелились говорить о Польше» [8, с. 206].

В 1863 г. на территории Царства Польского разгорелось очередное восстание. Симпатии французского народа, с мнением которого Наполеон III был обязан считаться, находились полностью на стороне бунтовщиков. В качестве способа разрешения конфликта Наполеон предложил Александру даровать независимость Польше под скипетром одного из членов семьи Романовых, имея в виду брата царя – великого князя Константина Николаевича. Данная идея была решительным образом отвергнута.

Получив отказ, Наполеон не стал останавливаться и продолжил оказывать давление на Александра II с целью закончить кровопролитие. Правительства Франции, Англии и Австрии передали России соответствующие ноты, в которых требовали предоставить Польше автономию, обеспечить права католической церкви, ввести польский язык в качестве официального, а также амнистировать всех мятежников. Данные требования, как и предыдущие, были полностью проигнорированы.

Отношения между монархами были испорчены окончательно на всемирной выставке 1867 г. в Париже, когда произошло покушение на жизнь русского царя со стороны польского эмигранта. Польша стала камнем прет-

кновения, не позволившим Наполеону III и Александру II сформировать полноценный союз.

Амбиции французского императора очевидны, как и его намерения произвести территориальные изменения в Европе, в основу которых лег бы принцип национальностей. В каком виде Наполеон III представлял себе «Другую Европу»? Ответом стал разговор, состоявшийся между французской императрицей Евгенией и австрийским послом Рихардом фон Меттернихом в 1863 г. В ходе беседы супруга Наполеона изложила свое предложение по переустройству европейских государств. Она предложила скорректировать границы следующим образом: возрождение Польши на основе земель, полученных Пруссией, Австрией и Россией, в результате трех разделов; Польский трон переходит королю Саксонии, поскольку его предки ранее правили этим государством; Саксония переходит под контроль Пруссии; в качестве компенсации Пруссия передает Силезию Австрии, а левобережье Рейна – Франции; Австрия передает Венецию Италии и получает за это вознаграждение в виде балканских земель Османской империи; России за уступку польских земель полагается награда в виде левобережья Дуная в Бессарабии, а также земли Османской империи в Малой Азии; Османская империя расформируется, а ее оставшаяся часть, включая Константинополь, передается Греции [9, с. 620–621].

Целью Наполеона III было установление системы всеобщего мира в Европе, которую он видел состоящей из независимых однородных национальных государств. Народ, завоевавший свою независимость, впредь не стремился бы к каким-либо притязаниям. Таким образом в Европе не осталось бы причин для конфликтов, а следовательно, и войн.

Ссылки

1. Gazette nationale ou le Moniteur universel, 12 octobre 1852. URL: clck.ru/3CrcMV (accessed: 21.06.2023)
2. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Провещение, 2007. 463 с.
3. Ridley J. Napoleon III and Eugenie. New York: The Viking Press, 1980. 768 p.
4. Bonaparte N.-L. Des idées napoléoniennes. Paris: Paulin Libraire Editeur, 1839. 266 p.
5. Romanescu P. La Roumanie vue par les Français d'autrefois. Bucarest: Editions de la Fondation Culturelle, 2001. 326 p.
6. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса, 1814–1878 гг. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. Т. 2. 544 с.
7. The New York Times. 1860. March 15. URL: clck.ru/3CrcMs (accessed: 21.06.2023).
8. Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 450 с.
9. Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. М.: Этерна, 2021. 896 с.

Codification of legislation or codification of law: statement of the problem

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607

Research article
Full text in Russian

The publication is devoted to the problem of choosing a formulation that most fully reveals the nature of legal codification. Basically, researchers write either about the codification of legislation or about the codification of law. A number of works also talk about the codification of legislative norms or legal norms. As a rule, «fluctuations» in doctrine are more noticeable at the branch level, when it is impossible to limit oneself to the word «codification» but it is necessary to also indicate the area being codified. The article shows that the differences in wording are due, firstly, to the different understanding by scholars of the subject (object) of codification, that is, what is subject to codification processing within the framework of a given legal practice. Secondly, the concepts of «codification» and «codification of legislation» themselves can be interpreted differently. If we see codification as a process of «law-systematizing law-making», then we should use the formulation «codification of law» («codification of legal norms», «legal codification»). It is precisely legal norms (law as a whole), and not legislation, that are the main subject of codification, selected from diverse and unorganized sources (forms) of law and other documents containing legal information. The subject of codification is not only legislative norms; it is much broader. The phrase «codification of legislation» in the sense of the subject of such activity is incorrect; its consolidation in doctrine and practice was due to a change in the meaning of the term «law» (from «legal norm» to «normative act»). If the term «codification» is considered not as a process (what we are codifying), but as a goal (what we are codifying for), then we are talking about improving legislation, not law, and the formulation «codification of legislation» will look quite correctly. It seems, however, that the formulation «codification of law», reflecting the subject of the activity, more fully reveals the essence of this type of legal systematization (selection of legal norms from numerous sources and their ordering in a new codified act). Legislation can be improved not only through codification. In general, it is proposed to proceed from the fact that it is the law that is codified, while legislation is improved (reformed) in the course of codification.

Keywords: systematization; codification; subject; object; result; legal science; legislation; law; codified act; legal norm

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Кодификация законодательства или кодификация права: постановка проблемы

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607
УДК 340.136

Научная статья
Полный текст на русском языке

Публикация посвящена проблеме выбора формулировки, наиболее полно раскрывающей природу юридической кодификации. В основном исследователи пишут либо о кодификации законодательства, либо о кодификации права. В ряде работ говорится также о кодификации норм законодательства или норм права. Как правило, «колебания» доктрины больше заметны на отраслевом уровне, когда нельзя ограничиться только словом «кодификация», а требуется указать и кодифицируемую область. В статье показано, что расхождения в формулировках обусловлены, во-первых, различным пониманием учеными предмета (объекта) кодификации, то есть того, что подлежит кодификационной обработке в рамках данной юридической практики. Во-вторых, сами понятия «кодификация» и «кодификация законодательства» могут интерпретироваться неодинаково. Если в кодификации видеть процесс, «правосистематизирующее правотворчество», то следует использовать формулировку «кодификация права» («кодификация правовых норм», «правовая кодификация»). Именно правовые нормы (право как их совокупность), а не законодательство выступают главным предметом кодификации, отбираются из разнообразных и неупорядоченных источников (форм) права и иных содержащих юридическую информацию документов. Предмет кодификации – это не только нормы законодательства, он значительно шире. Фраза «кодификация законодательства» в смысле предмета такой деятельности является некорректной, ее закрепление в доктрине и практике было обусловлено изменением значения термина «закон» (с «нормы права» на «нормативный акт»). Если термин «кодификация» рассматривать не как процесс (что кодифицируем), а как цель (для чего кодифицируем), то тогда идет речь о совершенствовании уже законодательства, а не права, и формулировка «кодификация законодательства» будет вполне корректной. Представляется, однако, что формулировка «кодификация права», отражающая предмет деятельности, более полно раскрывает сущность данного вида юридической систематизации (отбор правовых норм из многочисленных источников и их упорядочение в новом кодифицированном акте). Совершенствовать же законодательство можно не только посредством кодификации. В целом предлагается исходить из того, что кодифицируется именно право, тогда как законодательство в ходе кодификации совершенствуется (реформируется).

Ключевые слова: систематизация; кодификация; предмет; объект; результат; юридическая наука; законодательство; закон; кодифицированный акт; право; норма права

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Опыт научной и преподавательской деятельности в юридической области заставляет обратить внимание на отсутствие в профессиональной среде единообразного понимания того, что следует считать предметом (объектом) кодификационной практики. Расхождения в этом вопросе заметны в работах, затрагивающих как общетеоретические и исторические, так и отраслевые проблемы кодификации. Обычно предметом кодификационного воздействия называется либо законодательство, либо право. Также встречаются публикации, в которых пишется о кодификации правовых норм или норм законодательства. Интересно, что в наиболее крупном на сегодняшний день тематическом сборнике научных статей, изданном в 2009 г. по результатам Международной научно-практической конференции можно увидеть все четыре указанных варианта предмета кодификации [1, с. 26, 772, 834, 1012]. Хотя сами сборник и конференция, судя по их названиям, были нацелены только на рассмотрение и обсуждение проблем «кодификации законодательства». Однако можно ли с уверенностью утверждать, что приведенные наименования затрагивают именно предмет кодификационной практики, а не другие ее стороны? Исследуемый в статье вопрос преломляется и через научную биографию ее автора, который в 2012 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную историческим аспектам кодификации трудового законодательства России [2]. По прошествии времени представляется важным вернуться к наименованию диссертации с целью его перепроверки на предмет соответствия канонам теории кодификации.

Ретроспективный анализ отечественной правовой литературы показывает, что в дореволюционный (имперский) период в центре внимания доктрины была кодификация права [3–4]. В советский (социалистический) период кодифицируемым предметом чаще стало указываться законодательство [5–6] что в целом характерно и для современного (постсоветского) периода развития юридической науки [7–8]. Здесь можно обратить внимание и на государственную правовую политику, в рамках которой в связи с кодификацией говорится именно о законодательстве. Так, в настоящее время при Президенте РФ функционирует Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [9].

Вместе с тем и в советский, и в современный периоды публиковалось достаточно работ с указанием на кодификацию права, а не законодательства [10–11]. Таким образом, неопределенность в исследуемом вопросе имеет место, начиная с советской эпохи. Например, крупный отечественный ученый-трудовик И. С. Войтинский заявлял о необходимости «тщательно продуманной и авторитетной кодификации нашего трудового права» [12, с. 25]. Позднее не менее известный специалист в той же области – К. П. Горшенин констатировал, что «кодификация законодатель-

ства... – продукт определенной исторической эпохи, выражающий определенные классовые цели» [13, с. 20].

В 1957 г. на волне активизировавшихся в СССР кодификационных работ крупными научными и образовательными центрами страны были опубликованы сборники статей, посвященные теоретическим и практическим проблемам кодификации. Первый сборник, изданный в Москве под эгидой Академии наук СССР и Института права, получил наименование «Вопросы кодификации» [14]. Второй, опубликованный сотрудниками Свердловского юридического института, был назван «Вопросы кодификации советского законодательства» [15], а третий, вышедший в издательстве Ленинградского государственного университета, – «Вопросы кодификации советского права» [16]. Предмет исследования последних двух сборников, если исходить из их названий, нельзя признать тождественным.

При ознакомлении с публикациями по теме иногда создается впечатление, что авторы делают акцент лишь на слове «кодификация», в понимании которого у них нет существенных расхождений. Тогда как слово (словосочетание), указывающее на то, что кодифицируется, как бы отходит на второй план, ему не придается принципиального значения. Когда в юридической среде обсуждается, к примеру, разработка нового Семейного кодекса, для участников дискуссии по сути неважно, о чем пойдет речь – о кодификации семейного законодательства или о кодификации семейного права. Главное, что у всех есть примерное общее понимание того, что в рамках этой деятельности должно происходить. С научной же точки зрения обсуждение одного и того же события, явления или процесса с использованием разной терминологии по меньшей мере некорректно. Конечно, законодательство и право тесно связаны друг с другом, но это вовсе не слова-синонимы.

Иногда в публикациях формулировки «кодификация законодательства» и «кодификация права» просто чередуются, чтобы избежать тавтологии. Так, в середине 1960-х гг. крупный теоретик права С. С. Алексеев писал, что в СССР «проводится большая работа по кодификации советского права... Обновлены и кодифицированы уголовное и уголовно-процессуальное, гражданское и гражданское процессуальное законодательство; ведутся работы по кодификации трудового, семейного, земельного и других отраслей права» [17, с. 345]. Вряд ли можно согласиться с подходом данного исследователя, согласно которому сама кодификация затрагивает сферу права, а кодифицированным становится уже законодательство. Другой видный ученый-юрист С. А. Иванов, говоря о российском трудовом праве, отмечал, что, «поскольку его сердцевину всегда составляли кодексы, историю трудового права и проблемы современности целесообразно рассматривать в связи с его кодификацией». Однако уже в следующем предло-

жении автор констатировал: «за последние восемьдесят лет в России было проведено три кодификации законодательства о труде» [18, с. 36].

В последнее время в литературе можно встретить формулировки, носящие юридически нейтральный характер без указания на предмет кодификационной деятельности. К их числу, в частности, относятся «кодификация» и «юридическая (правовая) кодификация» [19, с. 247]. В целом такой подход допустим, однако применим он лишь в общетеоретическом контексте. Для отражения отраслевой составляющей кодификации невозможно обойтись без указания на предметную область. Важно еще помнить, что «кодификация» не только юридический термин (он, в частности, распространен в лингвистике) и поэтому должен употребляться в сочетании с иными словами, направляющими его в область права. Таким образом, в правовой доктрине есть актуальная проблема, связанная с использованием в увязке с кодификацией различных терминов в одинаковом контексте (право, законодательство, нормы права и нормы законодательства). Ее решение устранил отдельные противоречия в теории кодификации, улучшит понятийный аппарат юриспруденции, окажет позитивное влияние на практику кодификационной деятельности, позволит лучше разобраться в тонкостях права студентам средней и высшей школы.

Для того чтобы ответить на вопрос о смысле формулировок «кодификация законодательства», «кодификация права» и т. д. прежде всего важно раскрыть юридическую природу самого термина «кодификация». В юриспруденции этот термин используется в связи с исследованием проблем систематизации и законотворчества. При этом он может употребляться в разных значениях. Так, А. Л. Маковский называет «по меньшей мере» три его известных интерпретации: для обозначения *процесса работ* по кодификации права (1), как название *результата* этих работ, то есть как синоним слова «кодекс» (2), и в качестве общей характеристики значительного *этапа законопроектных работ*, завершившихся созданием кодекса (3) [11, с. 9]. Также доктриной кодификация определяется как «оптимальная форма совершенствования законодательства», «путь упорядоченного и сбалансированного развития законодательства» (4) [7, с. 6, 7]. В таком контексте можно говорить о «кодификации» и как о «реформе законодательства». Порой приведенные значения термина смешиваются, что осложняет проблему. К примеру, вот как пишет Л. В. Головкин: «Кодекс есть результат кодификации, а не наоборот. В России, к сожалению, данная аксиома понятна не всем, в силу чего многие кодексы... перестали быть кодификациями. Титул «кодекса» превратился в вопрос престижа. Кодификация представляет собой тяжелейший, кропотливый и подчас неблагодарный труд, в результате которого рождается кодекс» [20, с. 20]. Нетрудно заметить, что в этой фразе смешиваются значения кодификации как процесса работ

(«тяжелейший... труд») и как их результата («кодексы... перестали быть кодификациями»).

Использование термина «кодификация» в значении, тождественном слову «кодекс», едва ли можно считать целесообразным. Такая трактовка приведет к тому, что результат правовой реформы будет обозначаться двумя различными терминами – «кодекс» (точнее, «кодификационный» или «кодифицированный» акт¹) и «кодификация», и первое понятие станет подменяться вторым. Известно, что «издание кодекса... важная веха в развитии данной отрасли права, поскольку кодекс (а не кодификация. – А. И.) – это результат кодификации этой отрасли права» [17, с. 178–179]. Что касается понимания кодификации как «значительного этапа законопроектных работ», то оно видится чрезмерно узким, так как отражает лишь правотворческую природу этого феномена, оставляя без внимания его «правосистематизирующую» сторону. В данном контексте предпочтительнее рассматривать кодификацию не как этап законопроектных работ, а как этап в развитии законодательства, которое в итоге предстает в усовершенствованном (систематизированном и обновленном) виде.

Представляется, что сущность юридической кодификации в полной мере раскрывает ее понимание как процесса работ или деятельности (практики). В этом контексте кодификация является высшей формой (видом) юридической систематизации в определенной области правового регулирования, предполагающей коренную переработку и обновление нормативного материала с последующим его упорядочением в новом сводном законодательном акте. Кодификация считается одной из форм (видов) юридической систематизации наряду с учетом, консолидацией и инкорпорацией². В силу того что результат кодификации выражен в новом нормативном правовом (как правило, законодательном) акте, особенность данной формы (вида) юридической систематизации будет заключаться в ее правотворческой природе. Оправданно поэтому рассматривать кодификацию в качестве «правосистематизирующего правотворчества», то есть смешанного типа юридической практики [19, с. 247].

Определяя предмет кодификационной деятельности, следует сделать выбор в пользу права, а не законодательства. Другими словами, кодифицируется право, а совершенствуется в результате кодификации законодательство.

¹ В литературе для обозначения результата кодификации используются два термина: кодифицированный акт и кодификационный акт, что, конечно, неправильно. На практике, в силу сложившейся традиции, чаще говорят про «кодифицированный акт». По всей видимости, более точно природу юридической кодификации раскрывает второе название, ведь кодифицированным является право, а не законодательный акт.

² Наличие именно этих четырех видов (форм) юридической систематизации признается большинством ученых, хотя есть и другие точки зрения на данную проблему.

В научной литературе обращается внимание на неточность формулировки «систематизация законодательства», на ее широкое использование лишь в силу «традиционности». «В качестве предмета систематизации (упорядочения), – отмечает, например, В. А. Сивицкий, – указываются, как правило, нормативные правовые акты, однако необходимость в систематизации возникает, если из-за неупорядоченности в массиве нормативных правовых актов становится неудобным пользование правовыми нормами... Даже, если упорядочивается система правовых актов, все равно преследуется цель *обеспечить удобство пользования нормами*» [21, с. 748]. В полной мере данная позиция применима и к кодификации как одному из видов (форм) юридической систематизации.

«Всякая кодификация, – пишет французский ученый Р. Кабриак, – исходно представляет собой юридико-технический ответ на потребность в правовой определенности, порожденную кризисом источников права, связанных с их беспорядочным разрастанием, с трудностями постижения... разрозненных правовых норм, со стремительной законодательной инфляцией. Нагромождение правовых предписаний различной юридической природы... влечет за собой правовую неопределенность, с которой сперва сталкиваются попадающие в орбиту судопроизводства частные лица, а затем – правоприменители..., более *неспособные распутать клубок норм права*, дабы найти те, что подлежат применению в соответствующем деле» [22, с. 114, 115]. По словам Л. В. Головки, при кодификации неопределенность устраняется путем «приведения в единое целое рассеянных по разным источникам правовых норм» [20, с. 18].

Если обратиться к дореволюционной российской доктрине, то все ученые говорили именно о праве как предмете кодификационной деятельности. Так, Е. Н. Трубецкой, считал кодификацией «*обработку действующего права*» [23, с. 126], П. И. Люблинский рассматривал ее как «один из видов законодательной деятельности, состоящий в издании законов, систематизирующих... какую-либо часть *положительного права* страны» [24, с. 414], В. М. Нечаев видел в ней «законодательную деятельность, направленную на... систематическое объединение и выражение в виде общего закона *права страны* в целом его объеме или важнейших частях» [25, с. 537].

Даже в советский период многие авторы одновременно с использованием формулировки «кодификация законодательства» указывали на нормы права (нормативно-правовой материал, нормативные предписания) как на то, что представляет главный интерес для кодификатора. К примеру, предметом исследования К. П. Горшенина являлась «кодификация законодательства о труде», которую он называл «высшей формой систематизации законов и других нормативных актов, регулирующих трудовые отношения рабочих и служащих». Вместе с тем ученый писал о том, что во время кодификации происходит

поиск «оптимальных правовых норм для кодификационных актов», что из «*существующих законоположений*» происходит отбор, обработка, создаются новые нормы, восполняющие пробелы и развивающие правовое регулирование общественных отношений» [13, с. 7, 190]. Примечательно, что в ряде публикаций советского периода кодексы характеризовались как «своды основных систематизированных норм» [26, с. 188]. Таким образом, основным объектом внимания участников кодификации являются бессистемно «разбросанные» по различным источникам нормы права (нормативно-правовые предписания), которые следует привести «к общему знаменателю» – устранить коллизии и дублирование, отказаться от устаревших положений, восполнить пробелы и т. д. Именно нормы права, а не содержащее их законодательство и другие источники права подвергаются кодификационной обработке, являются основным предметом кодификации³. В этой связи с научной точки зрения правильно говорить о кодификации норм права (правовых) норм⁴. Так как право представляет собой совокупность (систему) правовых норм, то корректно будет указывать в качестве предмета кодификации и право в целом.

Возможно, законодательство стало ошибочно признаваться предметом кодификации при следующих обстоятельствах. До революции 1917 г. в юридической литературе термин «закон» зачастую употреблялся в значении, тождественном современному термину «правовая норма». «Под именем закона, – заключал Г. Ф. Шершеневич, – понимается норма права, исходящая непосредственно от государственной власти в установленном заранее порядке... прежде всего закон есть норма права, т.е. общее правило, рассчитанное на неограниченное число случаев» [27, с. 15]. Закон, констатировал Н. М. Коркунов, в широком смысле есть «всякая устанавливаемая органами государственной власти юридическая норма» [28, с. 362]. Поэтому когда результат кодификации – кодекс определялся как «систематизированное собрание законов» [24, с. 413] или как «систематический сборник законов» [25, с. 535], подразумевалось «собрание» именно правовых норм. «Кодексом, – писал Е. Н. Трубецкой, – является систематический сборник, в котором все приведено в полное согласие, и законы не только собраны, но и переработаны соответственно определенным началам, благодаря чему сборник составляет нечто логически целое» [23, с. 126]. Поэтому и когда речь шла о «кодификации законов» (к примеру, «военных законов»

³ По большому счету, предметом кодификации являются не только нормативно-правовые, но и иные правовые предписания, носящие нормативный характер (юридические решения, разъяснения и т. д.), которые закреплены в источниках (формах) права и других содержащих юридическую информацию документах (актах правоприменения, актах официального толкования и т. д.).

⁴ Одна из первых публикаций с указанием такого предмета кодификации (см.: Лопашенко Н. А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989).

[25, с. 551]), имелось в виду упорядочение регулирующих соответствующие отношения норм права.

В советский период слово «закон» постепенно утратило значение нормы права и стало пониматься лишь как форма права – официальный акт-документ. Однако определенное время в него продолжал вкладываться и прежний смысл. Так, в учебнике по «Теории государства и права» за 1940 год закон рассматривался как «правовая норма, установленная высшим органом государственной власти», а кодекс – как «сборник законов по отдельным отраслям права» [29, с. 174, 179]. Совокупность «законов» (как законодательных актов) в советское время стало охватываться понятием «законодательство». Так в итоге и получилось, что наука и практика перешла от кодификации законов как правовых норм к кодификации законов как законодательства.

В этой связи показательно неудачное «изобретение» советских юристов – «кодекс законов» (КЗоТ, КЗАГС, КЗоБСО), просуществовавшее вплоть до 2002 года [30, с. 9–10]⁵. Фактически оно означало «кодекс правовых норм», на что указывать в названии было излишне (очевидно, что содержанием любого законодательного акта, в том числе и кодекса, будут являться правовые нормы). Интересно, что даже в 1960–1970-е гг. советский Кодекс законов о труде в ряде работ характеризовался как «систематизированный свод законов, регулирующий труд лиц, работавших по найму» и даже как «систематизированный сборник законодательства о труде» [26, с. 187], хотя кодекс по своей правовой природе не является ни «сводом законов», ни «сборником законодательства».

Можно также допустить, что в формулировке «кодификация законодательства» проявляется определяющее значение нормативных правовых актов как объектов кодификационной практики. Доктрина относит «законодательство» к внешней форме выражения объективного права и понимает под ним либо «совокупность действующих законов государства в целом или в пределах отдельных отраслей права» (узкое значение), либо «весь комплекс издаваемых уполномоченными правотворческими органами нормативных правовых актов» [31, с. 102, 103] (широкое значение).

Действительно, практика отечественной кодификации показывает, что юридической основой для нее выступают положения нормативных правовых актов. Данное обстоятельство обусловлено принадлежностью России к романо-германской (континентальной) правовой семье, где нормативный правовой акт является основным формально-юридическим источником (формой) права. Прежде всего кодификационной обработке подвергаются положения действующих кодексов и других законодательных актов. Так, участники второй кодификации трудового права прямо

⁵ В феврале 2002 г. в связи с началом действия Трудового кодекса РФ утратил силу Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г.

указывали, что «Кодекс 1922 переработан из Кодекса 1918 г. и что он в своей основе сохранил то законодательство, которое было издано в первый – декларативный период» [32, с. 22]. Анализируя принятый в 2001 г. Трудовой кодекс РФ, А. М. Куренной обратил внимание на то, что в нем «революционных» норм «не так уж много, многие положения КЗоТа 1971 года, других законов, регулирующих трудовые отношения, полностью или частично инкорпорированы в ТК РФ» [33, с. 51]. Содержание принятой в 2008 г. части четвертой Гражданского кодекса РФ в основном базируется на положениях действовавших во время кодификации законов: «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «Патентного закона», «Об авторском праве и смежных правах». А в публикациях данная кодификация оценивается как знаковое событие, «поразившее весь мир инкорпорацией всех специальных законов в сфере интеллектуальной собственности в Гражданский кодекс» [34, с. 45].

Между тем «монополизация» законодательства как объекта, а его норм как предмета кодификации противоречит правовой природе данной юридической практики, предполагающей обработку широкого спектра источников права и других носителей правовой информации. Не зря говорится, что «в кодификации воплощается мечта людей об идеальном праве» [22, с. 73]. Упрощенно поэтому трактовать кодификацию лишь как «создание из нескольких нормативных правовых актов одного нормативного правового акта» [21, с. 749].

Дореволюционный правовед Н. М. Коркунов отмечал, что, поскольку кодификация не ограничивается только изменением формы, но и обеспечивает систематическое объединение содержания, ее участники должны получить широкий простор для поиска и отбора актуальных положений. «Кодификатор, – писал исследователь, не ограничивается одним действующим в момент создания кодекса законодательством. Он может черпать материал и из обычного права, и из судебной практики, и из иностранного права, и из научной литературы» [28, с. 308]. В целом можно согласиться с точкой зрения, согласно которой предметом кодификации «может быть любой нормативный материал, даже не имеющий правового характера» [35].

Практика кодификации наглядно показывает широкий спектр источников, являвшихся ее объектами. Известно, что в окончательные варианты первых кодексов законов труде (1918 и 1922 гг.) были включены отдельные положения крупных коллективных договоров [36, с. 19–20]. При создании действующего ТК РФ кодифицировались отдельные положения конвенций и рекомендаций Международной организации труда. Так, нормы ч. 3 ст. 131 ТК РФ о запрете выплаты заработной платы в бонах, купонах, в форме долговых обязательств, расписок, а также в виде предметов, запрещенных к свободному обороту, были заимствованы из статей 3 и 4

Конвенции МОТ № 95 «Об охране заработной платы» (1949 г.). Рекомендация МОТ № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе нанимателя» сыграла важную роль при кодификации положений, ограничивающих практику применения в России срочных трудовых договоров.

Правило ч. 2 ст. 35 КЗоТ 1971 г. о праве администрации расторгнуть трудовой договор не позднее одного месяца со дня получения согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза было сформулировано первоначально в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1967 г. [37, с. 39]. В другом постановлении Пленума данного судебного **органа** задолго до отражения в отраслевом кодексе был закреплен важный принцип уголовного процесса – презумпция невиновности⁶. Во время разработки действующего Уголовного кодекса РФ кодификатором была учтена правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ в постановлении от 20 декабря 1995 г., в соответствии с которой как форму государственной измены (измены Родины) нельзя квалифицировать бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы, так как это противоречит положению Конституции РФ, закрепляющему право гражданина на свободный выезд за пределы России и на возвращение в Россию (ч. 2 ст. 27)⁷.

Правило о том, что первое заседание вновь избранного законодательного органа должен открывать старейший по возрасту депутат до его кодификации во время конституционной реформы начала 1990-х гг. действовало как правовой обычай. Юридическая доктрина, выступая генератором идей, вырабатывает положения, которые впоследствии могут быть закреплены в кодифицированном акте, становясь тем самым общеобязательными правилами поведения. Так, Л. С. Талем были сформулированы все главные положения теории трудового договора. Во всяком случае, две характерные особенности трудового договора, выделенные исследователем (личное выполнение работником работы, подчинение работника хозяйской власти работодателя), вошли в легальные определения трудового договора, закрепленные в КЗоТ 1922 г. (ст. 27), 1971 г. (ст. 15) и ТК РФ (ст. 56). Заслуга Л. С. Таля состоит и в том, что для обозначения сторон трудового договора он использовал термины «работник» и «работодатель», к которым российское законодательство пришло только в конце XX в. [38, с. 14].

Таким образом, если говорить о кодификации как о деятельности, то формулировка «кодификация законодательства» будет искажать сущность этой юридической практики, предполагающей обработку не только

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений п. «а» ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» // Российская газета. 1996. 18 янв.

нормативных правовых актов, но и других объектов – «носителей» правовой информации.

В целом ответ на вопрос о правильности выбора между формулировками «кодификация законодательства» и «кодификация права» будет зависеть от того, какой смысл вкладывается в сам термин «кодификация». Полагаем, что следует указывать «право» (правовые нормы) если трактовать его в контексте того, «что кодифицируется», «кодификация чего» осуществляется. То есть если идет речь о предмете кодификации и работе с ним. Ведь кодифицируется именно право как совокупность правовых норм, а не законодательные акты, именно право является основным предметом кодификационной обработки. Если понимать термин в контексте того, «что есть кодификация» (реформа, усовершенствование и т. д.), «какова цель кодификации», то необходимо использовать термин «законодательство», так как именно оно реформируется (совершенствуется), а не право. Представляется, что формулировка «кодификация права», отражающая предмет деятельности, более точно показывает сущность данного вида (формы) юридической систематизации (отбор правовых норм из неупорядоченных многочисленных источников, их согласование, обновление и закрепление в новом кодифицированном акте). Совершенствовать же законодательство можно не только посредством кодификации. Чтобы преодолеть неопределенность при использовании слова «кодификация» в увязке с указанными выше терминами, возможно, следует заменить формулировку «кодификация законодательства» на «реформу законодательства» («совершенствование законодательства»), в рамках которой уже осуществляется «кодификация права».

Ссылки

1. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. 1100 с.
2. Иванов А. Б. Кодификация советского трудового законодательства в 20-е годы XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 196 с.
3. Пахман С. В. История кодификации гражданского права: в 2 т. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. Т. 1. 472 с.
4. Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Типография императорского университета, 1898. 128 с.
5. Васильев Ю. С., Евтеев М. П. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 11–19.

6. Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Юрид. лит. 1968. 247 с.
7. Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М.: Юристъ, 2005. 141 с.
8. Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. 414 с.
9. Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (утв. Указом Президента РФ от 05.10.1999 (с изм. и доп.)) // СЗ РФ. 1999. № 41, ст. 4904.
10. Коренев А. П. Кодификация советского административного права. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1970. 134 с.
11. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
12. Войтинский И. С. Проект нового Кодекса законов о труде // Власть Советов. 1922. № 7-9. С. 5–14.
13. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. М.: Юрид. лит., 1967. 224 с.
14. Вопросы кодификации: сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Чхиквадзе, А. Н. Иодковский. М.: Госюриздат, 1957. 245 с.
15. Вопросы кодификации советского законодательства: сборник статей. Свердловск: б/и, 1957. 214 с.
16. Вопросы кодификации советского права: сб. статей. Вып. 1 / отв. ред. Д. С. Керимов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 120 с.
17. Энциклопедический словарь правовых знаний (советское право) / гл. ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1965. 512 с.
18. Иванов С. А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 36–45.
19. Карташов В. Н. Теория государства и права: учебник. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 360 с.
20. Головкин Л. В. Вступительная статья // Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 8–27.
21. Юридическая техника: курс лекций / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 830 с.
22. Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476 с.
23. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Едиториал УРСС, 2019 (репринт издания 1917 г.). 232 с.
24. Люблинский П. И. Кодификация // Энциклопедический словарь / под ред. Ю. С. Гамбарова, С. А. Муромцева [и др.] М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К^о», 1914. Т. 24. С. 413–432.

25. Нечаев В. М. Кодификация // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. Т. XV-а. С. 535–551.
26. Трудовое право. Энциклопедический словарь / гл. ред. С. А. Иванов. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 592 с.
27. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995 (репринт издания 1912 г.). Т. 2. 362 с.
28. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 (репринт издания 1914 г.). 430 с.
29. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1940. 304 с.
30. Иванов А. Б. Почему Кодекс законов о труде, а не Трудовой кодекс: к вопросу о форме и наименовании советских трудовых кодифицированных актов // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 1. С. 6–13. DOI 10.18255/2306-5648-2024-1-6-13
31. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.
32. Шмидт В. В. Советское трудовое законодательство и очередные задачи нашей трудовой политики // Вопросы труда. 1925. № 7-8. С. 21–32.
33. Куренной А. М. Трудовой кодекс Российской Федерации: преемственность и новизна // Законодательство. 2002. № 2. С. 46–53.
34. Еременко В. И. Завершение кодификации гражданского законодательства РФ // Государство и право. 2007. № 10. С. 44–55.
35. Щелокаева Т. А. Сколько нужно кодексов России? // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 102–108.
36. Горшенин К. П. 40-летие первого советского кодекса законов о труде // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 16–25.
37. Симорот З. К., Монастырский Е. А. Проблемы кодификации законодательства Союза ССР и Союзных республик о труде. Киев: Наукова думка, 1977. 432 с.
38. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.

On the subjects of misuse of state extra-budgetary funds (Article 285² of the Criminal Code of the Russian Federation)

A. V. Ivanchin¹, D. O. Karagina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-608-617

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to topical issues related to the characteristics of the subjects of the crime provided for in Article 285² of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the norms of criminal and budgetary legislation, as well as legislation on social insurance, mediating financial relations with the participation of state extra-budgetary funds. Attention is focused on the relationship between the subject of the crime provided for in Article 285² of the Criminal Code of the Russian Federation and its subject, the features of the subject of the crime due to the systemic relationship of the subject and the subject of the crime are established. Various views of scientists regarding the species diversity of the subjects of the crime under consideration are presented, examples from judicial practice are given. Based on the results of the analysis, the author formulates his own position regarding the identified legal and technical shortcomings of the structures of the composition of the investigated crime in terms of its subject, and suggests possible ways to optimize Article 285² of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: special subject; funds of state extra-budgetary funds; misappropriation of funds of state extra-budgetary funds; subject of misappropriation of funds of state extra-budgetary funds

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac
D. Sc. (Jurisprudence), Professor

Karagina, Daria O. | E-mail: ilfhmz@yandex.ru
Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

О субъектах нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов (статья 285² УК РФ)

А. В. Иванчин¹, Д. О. Карагина¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-608-617
УДК 343.35

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с характеристикой субъектов преступления, предусмотренного ст. 285² УК РФ. Авторы исследуют нормы уголовного и бюджетного законодательства, а также законодательства о социальном страховании, опосредующие финансовые отношения с участием государственных внебюджетных фондов. Акцентируется внимание на системной взаимосвязи субъекта преступления (ст. 285² УК РФ) и его предмета, установлены особенности субъекта преступления, обусловленные этой системной взаимосвязью. Представлены различные взгляды ученых относительно видового многообразия субъектов рассматриваемого преступления, приведены примеры из судебной практики. По результатам анализа формулируется собственная позиция относительно выявленных юридико-технических недостатков конструкций состава исследуемого преступления в части его субъекта, предлагаются возможные пути по оптимизации ст. 285² УК РФ.

Ключевые слова: специальный субъект; средства государственных внебюджетных фондов; нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов; субъект нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович | E-mail: ivanchin@uniyar.ac
Доктор юридических наук, профессор,
ректор, профессор кафедры уголовного права
и криминолог

Карагина, Дарья Олеговна | E-mail: ilfhmz@yandex.ru
Аспирант

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

Право на социальное обеспечение является правом, гарантируемым ч. 1 ст. 39 Конституции РФ¹. Реализация данного права тесно связана с формированием системы обязательного социального страхования через установление и взимание обязательных платежей – взносов, которые направляются в бюджеты государственных внебюджетных фондов и образуют собственность государства. Особый парафискальный характер данных платежей, публичный статус и их значимость в механизме реализации социальной политики государства обуславливают и особую защиту правовых отношений, связанных с управлением данными средствами. Речь идет об установлении уголовной ответственности за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов.

Кроме того, следует отметить объем средств, которые находятся в распоряжении государственных внебюджетных фондов. По данным Единого портала бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» в 2023 году было исполнено 17 044,2 млрд руб.² Колоссальное сосредоточение бюджетных ресурсов, а также важность обеспечения реализации конституционных прав обуславливают актуальность создания эффективного механизма уголовно-правовой защиты названных правоотношений.

Одним из необходимых элементов конструкции состава преступления является его субъект, поэтому исследование субъекта преступления составляет важную часть в разработке данного механизма. Именно субъекту преступления, предусмотренного статьей 285² Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ),³ будет посвящено настоящее исследование.

Традиционно характеристика данного понятия охватывается **триединством** признаков: физическим лицом, возрастом, вменяемостью [1, с. 103.]. В большинстве случаев для признания субъекта преступления достаточно установить, что физическое лицо достигло определенного возраста и является вменяемым. Однако в ряд статей Особенной части УК РФ вводятся дополнительные критерии, еще в большей степени сужающие круг лиц, подлежащих уголовной ответственности. В диспозициях таких норм описание субъекта преступления выходит за рамки классической триады и наполняется дополнительными критериями, обозначенными в законе, что позволяет говорить о наличии особого статуса субъекта преступления. Последний, наделенный такими специальными признаками, получил наименование специального.

Типичными примерами норм, содержащих дополнительные признаки, характеризующие субъект преступления, являются нормы главы 30 УК РФ [2, с. 92]. Классификационным критерием, идентифицирующим особенности лиц, подлежащих уголовной ответственности по статьям данной главы, является должностное или служебное положение, а субъект

¹ Российская газета. 1993. 25 дек.

² URL: <https://budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82>

³ Российская газета. 1996. 18–25 июня (с изм. и доп.)

преступления именуется должностным лицом [3, с. 420; 4, с. 181]. Однако видовое многообразие субъектного состава преступлений в рамках главы не ограничивается только служебным статусом лица. Законом предусмотрена более дробная дифференциация.

Так, например, по распространенному мнению субъектами преступления по ст. 285² УК РФ являются должностные лица, имеющие трудовую связь с государственным внебюджетным фондом и обладающие полномочиями по распоряжению его средствами. Это могут быть работники как центрального аппарата, так и территориальных подразделений [5; 6, с. 179; 7; 8, с. 98].

Однако в значительной степени не наличие трудовых отношений, а именно корреляционная зависимость с предметом исследуемого преступления предопределяет специфику его субъекта. Эта особенность базируется на межотраслевой связи уголовного права с бюджетным и отсылает к такой бюджетно-правовой категории, как средства государственных внебюджетных фондов. Таким образом, фокус рассмотрения проблемы смещается в сторону установления круга лиц, имеющих право «определять юридическую судьбу» именно средств государственных внебюджетных фондов. Содержание данного термина омрачено молчанием законодателя. Однако законом разграничены средства государственных внебюджетных фондов и средства из бюджетов государственных внебюджетных фондов – ст. 164, ст. 266¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ⁴). «Водоразделом» между этими категориями является факт нахождения средств на едином счете бюджета соответствующего фонда. Это означает, что для идентификации субъекта преступления ключевым становится установление полномочий по принятию управленческих решений, следствием которых является списание средств со счета соответствующего фонда.

Таким образом, для установления субъекта преступления по ст. 285² УК РФ необходимо определить: 1) соответствие общим требованиям; 2) наличие статуса должностного лица; 3) наличие компетенции на принятие решения о расходовании средств государственного внебюджетного фонда.

Круг государственных внебюджетных фондов очерчен в ст. 144 БК РФ. К ним относятся Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, Федеральный и территориальные фонды обязательного медицинского страхования.

Согласно ч. 21 ст. 2 Федерального закона от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» органами управления Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР) являются председатель СФР и правление СФР⁵. На основании ст. 6 данного закона председатель СФР – единоличный орган

⁴ Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3823.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2022. № 29, ч. I, ст. 5203.

управления фонда, а соответственно, в его руках сосредоточены функции финансового управления, он же возглавляет и правление СФР. Председатель СФР имеет первого заместителя и заместителей, которым может делегировать отдельные полномочия, а значит, они также могут быть субъектами преступления, сконструированного в ст. 285² УК РФ, в случаях использования средств вопреки целевому режиму.

СФР имеет двухуровневую структуру и образует территориальные органы⁶. При наличии соответствующих полномочий у руководителей территориальных подразделений и лиц, выполняющих функции главных бухгалтеров, данные лица при несоблюдении целевого назначения средств также подлежат ответственности по ст. 285² УК РФ [2, с. 738].

До объединения фондов в Пенсионном фонде Российской Федерации функции управления аккумулировались в полномочиях исполнительной дирекции во главе с исполнительным директором. Последний осуществлял распоряжение финансами и нес ответственность за их использование по целевому назначению⁷. Кроме того, были созданы управления в федеральных округах, возглавляемые начальниками⁸. В Фонде социального страхования Российской Федерации подобные функции выполнял председатель фонда и управляющие в региональных отделениях⁹.

Следует отметить, что в науке существовало мнение, что за нецелевое расходование средств при финансировании отдельных мероприятий по социальному страхованию к уголовной ответственности по данной норме может быть привлечена и администрация страхователей (руководитель, главный бухгалтер) [9, стр. 133]. В настоящее время порядок социально-страховых выплат изменен и выплата социальных пособий осуществляется страховщиком¹⁰. Однако и до передачи функций по перечислению выплат

⁶ Ст. 8 Федерального закона от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29, ч. 1, ст. 5203.

⁷ См.: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 2122-1 «Положение о Пенсионном фонде Российской Федерации (России)» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 5, ст. 180.

⁸ См.: Постановление Пенсионного фонда Российской Федерации от 09.10.2000 № 118 «О создании управлений Пенсионного фонда Российской Федерации в федеральных округах» // Вестник Пенсионного фонда России. 2001. № 1.

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 12.02.1994 № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. 1994. № 35.

¹⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 21.04.2011 г. № 294 «Об особенностях финансового обеспечения, назначения и выплаты в 2012–2020 годах территориальными органами Фонда социального страхования Российской Федерации застрахованным лицам страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, осуществления иных выплат и возмещения расходов страхователя на предупредительные меры по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний работников, а также об особенностях уплаты страховых взносов по обязательному социальному страхованию

по социальному страхованию страховщику ответственность страхователей за нецелевые расходы также находилась за гранями ст. 285² УК РФ. Дело в том, что средства внебюджетных фондов в период нахождения на едином счете бюджета государственного внебюджетного фонда являются частью финансовой системы государства, после списания они утрачивают статус публичных финансов. Эта сентенция имеет решающее значения для дифференциации уголовной ответственности.

Системная детерминация предмета и субъекта рассматриваемого преступления также раскрывается сквозь призму анализа специфики источников доходов СФР.

Одним из звеньев доходной части бюджета СФР являются взносы на накопительную пенсию граждан, сознательно определивших формирование накопительной части трудовой пенсии через СФР или умолчавших о своем выборе. В целях инвестирования пенсионных накоплений в соответствии со ст. 10, 18 Федерального закона от 24.07.2002 № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ)¹¹ СФР обязан заключить договор доверительного управления с управляющими компаниями. Это означает, что в финансовые правоотношения включается еще один субъект, причем необязательно причастный к государству, осуществляющий владение средствами, переданными из бюджета. В этой связи рождается вопрос: являются ли лица, принимающие управленческие, в том числе и финансовые, решения в управляющих компаниях субъектами преступления, очерченного в ст. 285² УК РФ.

В науке фигурируют две основные точки зрения. Приверженцы первой отвечают на данный вопрос отрицательно. Согласно их мнению эти лица в случаях нецелевого использования переданных им в доверительное управление средств несут ответственность по ст. 201 УК РФ [10, с. 72; 11, с. 91]. Вторая точка зрения содержит противоположные утверждения: руководители таких организаций относятся к должностным лицам и осуществляют распоряжение средствами СФР, поскольку переданные в управление средства не переходят в собственность доверительного управляющего [12, с. 282].

Данный вопрос нуждается в двухаспектном рассмотрении. Первый – подпадают ли лица, руководящие финансово-хозяйственной деятельностью управляющих компаний, под понятие должностного лица, содержащееся в статье 285² УК РФ? Второй – осуществляют ли они распоряжение средствами пенсионного фонда?

на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 18, ст. 2633.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3028.

В ст. 22 Федерального закона от 24.07.2002 № 111-ФЗ установлены требования к управляющим компаниям, к числу которых относятся:

- наличие лицензии;
- страхование риска ответственности;
- поддержание достаточности собственных средств по отношению к общей сумме активов;
- соблюдение требований по раскрытию информации о структуре и составе акционеров или участников;
- отсутствие аффилированности со специальным депозитарием и его аффилированными лицами;
- принятие и соблюдение кодекса профессиональной этики;
- отсутствие процедур банкротства;
- отсутствие применения санкции по аннулированию лицензии в течение двух последних лет.

Кроме конституированных законом действует дополнительное требование, установленное Центральным банком Российской Федерации¹². Оно касается стоимости чистых активов.

Как видим, между признаками понятия должностного лица в примечании 1 к ст. 285² УК РФ и требованиями к управляющим компаниям нет совпадений. А соответственно, управляющая компания не всегда может находиться под управленческим контролем государства.

По данным СФР на конец 2023 года это 12 организаций. В их числе государственная корпорация «ВЭБ.РФ», а также акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью¹³. Причем не все организации прямо или опосредованно принадлежат государству. Соответственно, представители руководящего состава лишь некоторых управляющих компаний будут иметь статус должностного лица в трактовке ст. 285² УК РФ.

Раскроем второй вопрос. Пенсионные накопления входят в бюджет СФР и непосредственно принадлежат РФ. Согласно п. 1 ст. 13, п. 3 ст. 18 Федерального закона от 24.07.2002 № 111-ФЗ передача средств управляющей компании осуществляется путем зачисления на ее отдельный бан-

¹² См.: Положение Банка России от 01.03.2017 № 580-П «Об установлении дополнительных ограничений на инвестирование средств пенсионных накоплений негосударственного пенсионного фонда, осуществляющего обязательное пенсионное страхование, случаев, когда управляющая компания, действуя в качестве доверительного управляющего средствами пенсионных накоплений, вправе заключать договоры репо, требований, направленных на ограничение рисков, при условии соблюдения которых такая управляющая компания вправе заключать договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, дополнительных требований к кредитным организациям, в которых размещаются средства пенсионных накоплений и накопления для жилищного обеспечения военнослужащих, а также дополнительного требования, которое управляющая компания обязана соблюдать в период действия договора доверительного управления средствами пенсионных накоплений для финансирования накопительной пенсии» // Вестник Банка России. 2017. № 56.

¹³ URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/workers/pens_nak/perech_npf_uk/ (дата обращения: 25.05.2024).

ковский счет. При этом средства пенсионных накоплений остаются собственностью государства, а соответственно, не утрачивают характеристик публичных финансов. Важно констатировать, что, поскольку правовая природа данных средств не меняется вне зависимости от того, в чьем владении они находятся, отношения по их использованию должны подлежать одинаковой правовой охране.

Продемонстрированная диспропорциональность подхода законодателя к защите отношений по распоряжению государственными финансами, предназначенными для обеспечения реализации социальных прав, вряд ли оправдана. Чтобы воссоздать необходимый уровень защиты целесообразно предусмотреть ответственность управленческого персонала всех управляющих компаний за нецелевое расходование средств пенсионных накоплений вне зависимости от их принадлежности к государственно-правовому сектору. Это возможно путем корректировки понятия должностного лица или путем формулирования нового понятия.

Важно осветить еще один аспект в исследуемой тематике. Он обусловлен отказом законодателя от патернализма в вопросах социального страхования и включением в систему обязательного пенсионного страхования негосударственных субъектов – негосударственных пенсионных фондов, которым также отведена роль страховщиков, как и СФР¹⁴. Имущество данных организаций складывается из собственных средств, пенсионных резервов и пенсионных накоплений, образующих их собственность¹⁵. Передача пенсионных накоплений из государственного фонда в негосударственный знаменует и переход права собственности. Данные средства выбывают из бюджетной системы и перестают быть средствами СФР. В этой связи представляется совершенно обоснованным утверждение о неприменимости ст. 285² УК РФ к должностным лицам негосударственных пенсионных фондов [12, с. 283].

Из положений ст. 33, 34 Федерального закона 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», п. 21 Устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29.07.1998 № 857¹⁶, следует, что должностным лицом фонда обязательного медицинского страхования (далее – ФОМС), в чью компетенцию входит принятие решений о распоряжении средствами ФОМС, является Председатель ФОМС, в территориальных ФОМС – директор. Также субъектами являются лица, выполняющие функции главных бухгалтеров.

¹⁴ Ст. 5 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

¹⁵ Ст. 3, 16 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

¹⁶ Собрание законодательства РФ. 1998. № 32, ст. 3902.

В науке отмечается, что руководители и главные бухгалтеры муниципальных медицинских учреждений тоже могут быть привлечены к ответственности по ст. 285² УК РФ [10, с. 73; 13, с. 190]. Исследование судебной практики по ст. 285² УК РФ показало, что преобладающее число случаев привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за нецелевое расходование средств ФОМС приходится на преследование руководителей учреждений здравоохранения (главных врачей)¹⁷. Однако имеются случаи рассмотрения уголовных дел в отношении иных лиц: руководителя централизованной бухгалтерии учреждений здравоохранения, оплатившего труд работников централизованной бухгалтерии, за счет средств, предоставленных территориальным ФОМС¹⁸, а также в отношении министра финансов субъекта РФ в связи с подписанием расходных расписаний по финансированию текущих расходов подведомственных распорядителей и получателей бюджетных средств за счет средств фонда, предназначенных на финансирование строительства перинатального центра¹⁹.

Мы склонны согласиться с утверждением, что подобные случаи представляют правоприменительные ошибки, поскольку данные организации не обладают средствами государственного внебюджетного фонда. Таким образом, состав преступления, обрисованный в ст. 285² УК РФ, в вышеприведенных примерах отсутствует [12, с. 272–273].

Итак, проведенное исследование позволило дать характеристику субъектам преступления, зафиксированного в ст. 285² УК РФ, и продемонстрировать изъяны в юридико-техническом оформлении уголовных предписаний о нецелевом расходовании средств государственных внебюджетных фондов. К их числу относятся:

- фрагментарность, в результате которой часть должностных лиц, расходующих средства внебюджетных фондов, не являются субъектами преступления по данной норме;
- недостаточная точность и ясность регламентации, порождающие противоречивую судебную практику;
- отсутствие ответственности лиц, которым предоставлены средства из бюджета и которые не являются должностными лицами государственных внебюджетных фондов.

Выявленное законодательное несовершенство актуализируют вопрос о корректировке диспозиции и расширении субъекта преступления, опи-

¹⁷ См.: приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 10.07.2012 по делу № 1–593/2012. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.08.2023); приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 04.06.2018 по делу № 1–20/2018; приговор Каякентского районного суда Республики Дагестан от 07.02.2019 по делу № 1-17/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.08.2023).

¹⁸ См.: Постановление Майкопского городского суда Республики Адыгея от 15.09.2016 по делу 1-358/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.08.2023).

¹⁹ См.: приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 15.08.2019 по делу № 1-547/2017 (1–690/2018; 1–41/2019) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.08.2023).

санного в ст. 285² УК РФ. Для достижения желаемого результата требуется и пересмотр понятия должностного лица. Это позволит усилить охрану бюджетных правоотношений и повысить уровень ответственности должностных лиц, оперирующих средствами, предоставленными из бюджетов государственных внебюджетных фондов..

Ссылки

1. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2014. 352 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс: учебник / науч. ред. Е. В. Благов. М., 2019. 880 с.
3. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2001. 576 с.
5. Минькова А. М. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Российская юстиция. 2006. № 2. С. 33-35.
6. Нудель С. Л. К вопросу о квалификации нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов // Пробелы в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 1. С.177–180.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : Учебник / А. А. Бимбинов, С. А. Боженко, Ю. В. Грачева [и др.] ; Под ред. И. Э. Звечаровского. Москва: Проспект, 2020. 688 с. DOI 10.31085/9785392308095-2020-688.
8. Фазылов Р. Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 179 с.
9. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 558 с.
10. Соловьев О. Г., Авдеев О. Ю. Характеристика специальных признаков субъекта нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ) // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 71–74.
11. Русакова О. С. Уголовная ответственность за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 186 с.
12. Ляскало А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 650 с.
13. Карпов А. Г. Нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 254 с.

Problems of public danger of crime

V. N. Kufleva¹

¹Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-618-627

Research article
Full text in Russian

In the study of social danger, it is necessary to distinguish a triad of objects that claim to be considered dangerous: human behavior in general, an individual behavioral act, a specific action or inaction; the physical and social scope of these objects is different, as are the criteria that allow them to be assessed in terms of danger. In this triad of objects, only the danger of the act and the danger of the crime are subject to criminal-legal assessment, while the danger of the crime is a complex object, the assessment of which consists of an assessment of the danger of the act and the danger of the person who committed this act. The danger of an act as a sign of a crime is determined by its objective and subjective features (guilt, motive and purpose), which, expressing the attitude of a person to the values protected by law, ensure a meaningful connection between the personal characteristics of the guilty party and the act he or she has committed. A differentiated assessment of the danger of an act and the danger of a crime is necessary to resolve the fundamental issue of the basis for criminal liability; Only a socially dangerous act can act as such, while the combined assessment of the danger of the act and the personality of the perpetrator serve as the basis for determining the content and form of implementation of criminal liability.

Keywords: crime; socially dangerous act; social danger of crime; social danger of personality; structure of social danger; basis of criminal liability

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kufleva, Valentina N. | E-mail: val_swatch@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Проблемы общественной опасности преступления

В. Н. Куфлева¹

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-618-627
УДК 343.23

Научная статья
Полный текст на русском языке

В исследовании общественной опасности необходимо различать триаду объектов, претендующих на то, чтобы считаться опасными: поведение человека в целом, отдельный поведенческий акт, конкретное действие или бездействие; физический и социальный объем этих объектов различный, равно как различны и критерии, позволяющие оценивать их с точки зрения опасности. В этой триаде объектов уголовно-правовой оценке подлежит только опасность деяния и опасность преступления, при этом опасность преступления являет собой комплексный объект, оценка которого складывается из оценки опасности деяния и опасности личности, это деяние совершившей. Опасность деяния как признак преступления определяется его объективными и субъективными признаками (виной, мотивом и целью), которые, выражая отношение лица к охраняемым законом ценностям, обеспечивают содержательную связь личностных особенностей виновного и совершенного им поступка. Дифференцированная оценка опасности деяния и опасности преступления необходима для решения принципиального вопроса об основании уголовной ответственности; в качестве такового может выступать исключительно общественно опасное деяние, в то время как совокупная оценка опасности деяния и личности виновного выступают основой для определения содержания и формы реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление; общественно опасное деяние; общественная опасность преступления; общественная опасность личности; структура общественной опасности; основание уголовной ответственности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куфлева, Валентина Николаевна	E-mail: val_swatch@mail.ru
	Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Общественная опасность преступления – фундаментальная категория уголовного права, одновременно и основа всего российского уголовного права, и главный объект критики. В восприятии и оценке опасности мнения исследователей расходятся – от ее категорического отрицания как лишнего

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

(по крайней мере, для решения прикладных уголовно-правовых задач) признака преступления, доставшегося в наследство от эпохи советского уголовного права, до безусловной апологетики в качестве единственного надежного критерия обособления преступления от иных деяний. Острота и значимость проблемы общественной опасности, с особенной силой проявляющие себя в современный период нарастающей криминализационной практики, возвращения в уголовный закон конструкции административной преюдиции, переоценки роли и значения опасности личности в уголовном праве, актуализируют рассмотрение данного вопроса.

Приступая к анализу проблемы, полагаем необходимым определиться с исходным вопросом, об опасности чего именно должна идти речь. Традиционно в рамках исследования опасности различают общественную опасность преступления и общественную опасность личности преступника. По этому вопросу сформировался вполне устойчивый дискурс. Однако, включаясь в него, необходимо предварительно обсудить, что в данном случае понимается под термином «преступление».

Преступление, гласит закон, – это деяние. Однако термин «деяние» употребляется в УК РФ в двух значениях: и для обозначения преступления как такового, и для характеристики одного из признаков объективной стороны преступления в качестве родового понятия, охватывающего действие и бездействие как внешние формы проявления деяния. Эта полисемия, давно отмеченная в науке, дополнительно осложняется еще одним обстоятельством, связанным с тем, что деяние – это внешне обособленный акт поведения человека, имеющий пространственно-временные, психологические и иные границы, на основании которых необходимо вычленить его из иных актов поведенческой активности человека. В итоге перед исследователем общественной опасности возникает триада объектов, претендующих на то, чтобы считаться опасными: поведение человека в целом, отдельный поведенческий акт, конкретное действие или бездействие. Должно быть очевидным, что физический и социальный объем этих объектов различный, равно как различны и критерии, позволяющие оценивать их с точки зрения опасности.

Самое широкое понятие здесь – «поведение». В современной литературе поведение трактуется как мотивированная социальными побуждениями и опосредованная мыслительными процессами целенаправленная форма активности человека, выстраиваемая в зависимости от ожиданий человека и ценности подкрепления, возможности реализации своих талантов, способностей и потенциала личности [1, с. 257]. В целом можно говорить о том, что поведение есть определенный сложившийся образ взаимодействия человека с окружающей средой, который проявляет себя в устойчивой линии или системе определенных поступков.

Уголовное право, не рискуя встать на позиции общественно опасного состояния личности, которая обнаруживается среди прочего «деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7 УК РСФСР 1922 г.), не может иметь предметом своей оценки поведение

как таковое. Анализ и оценка поведения – удел социологической и криминологической науки. Именно здесь активно используются понятия «механизм преступного поведения», «предкриминальное поведение», «посткриминальное поведение» и т. п. Право вынуждено искусственно вычленять из общей линии поведения отдельные поступки человека (преступление, совершение административного правонарушения, явка с повинной, возмещение ущерба и т. п.) и делать их предметом своей оценки и реагирования. Для права поведение – всегда и только конкретный поведенческий акт. Не случайно, например, криминологическое законодательство определяет антиобщественное поведение как не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия (выделено нами. – В. К.) физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц»¹.

По этой причине категорию общественно опасного поведения следует использовать весьма осторожно и в точном соответствии с ее правовым смыслом. Глубокой разработке она была подвергнута в работах В. В. Мальцева [2]. Однако в некоторых источниках апеллирование к его идеям, полагаем, не вполне корректно. Так, В. В. Хилюта, например, со ссылкой на работы В. В. Мальцева пишет: «Определяющим в понимании внешней стороны преступления является не деяние, а поведение»; «общественно опасное поведение обуславливает структуру и содержание уголовного права»; «и в этой плоскости деяние является элементом структуры общественно опасного поведения» [3, с. 139]. В этих рассуждениях остается загадкой, в каком именно смысле термин «поведение» использовал автор. Между тем В. В. Мальцев, критикуя выражение «общественная опасность преступления» с логической и лингвистической точек зрения (как допускающее существование свойства – общественной опасности – отдельно от его предмета – преступления) и призывая к использованию термина «общественно опасное поведение» (как связывающее воедино предмет и его свойство), говорил лишь о том, что именно опасное поведение и может считаться преступлением. Преступление не может не быть опасным, поэтому общественная опасность преступления – логически неточный термин. Преступление есть общественно опасное поведение. Но под поведением В. В. Мальцев понимал строго обособленный акт, никак ни систему поступков человека или образ его взаимодействия со средой [4, с. 62–63].

Весьма четко разграничивал понятия «поведение» и смежные с ним В. Н. Кудрявцев, который, отталкиваясь от широкого понимания поведения как категории, охватывающей различные формы и виды человеческой деятельности, выделял три уровня поведения: телодвижение, действие, операцию. При этом каждый из этих уровней, согласно его мысли, мог претендовать на то, чтобы именоваться поступком. Поступок – «это не следующий уровень поведения, а социальная характеристика уже перечисленных уров-

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 2) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ч. I, ст. 3851.

ней, при условии, что они имеют общественную значимость», – писал автор [5, с. 9].

Однако, даже ограничивая понятие поведения в праве только отдельными поступками, надо учитывать, что правовое поведение – весьма неоднородный по своей социальной характеристике феномен. Во-первых, с точки зрения уголовного права поведенческий акт (поступок) может быть правомерным и неправомерным. А во-вторых, преступление – лишь один из вариантов неправомерного поведения в уголовном праве (наряду с массой иных, например уклонением от уплаты штрафов, неисполнением обязанностей условно осужденными и пр.) [6, с. 63–68]. В связи с этим из общей массы неправомерных уголовно-правовых поступков следует выделить именно преступления. Единственный внутриотраслевой критерий в данном случае – соответствие совершенного поступка составу преступления, закрепленному в уголовно-правовой норме, и прежде всего наличие в нем признаков описанного в статье действия или бездействия.

Действие или бездействие как признаки объективной стороны преступления (деяние) и преступление как поступок (деяние) – связанные, но не совпадающие полностью феномены. В силу чего закономерным образом не совпадают полностью и параметры их общественной опасности.

Решение вопроса о соотношении преступления-поступка и деяния как части объективной стороны преступления предопределяется общим пониманием состава преступления. В науке, как известно, противостоят друг другу две базовые концепции состава: реальная (объективная) и формальная (нормативистская) [7, с. 70–89]. Не углубляясь в их детальный анализ, заметим, что в интересующем нас аспекте корректное сравнение поступка и деяния возможно лишь при условии, что под деянием как элементом объективной стороны будет пониматься именно структурная часть преступления как элемент его состава в концепции реального состава или как некая фактическая реальность, соответствующая признаку состава в рамках нормативистской концепции состава, иными словами, в любом случае поступок и деяние – это часть и целое. Отсюда закономерный вывод, что общественная опасность преступления и общественная опасность деяния как его части не совпадают полностью; опасность преступления определяется опасностью деяния, но не исчерпывается ею.

Этот тезис, вытекающий по итогам логического анализа, как представляется, не в полной мере учитывается в большой дискуссии относительно критериев оценки общественной опасности. Полагаем, что он в значительной степени игнорируется теми специалистами, которые усматривают такие критерии исключительно в объективных характеристиках совершенного деяния. К примеру, В. С. Прохоров последовательно отстаивал взгляд на общественную опасность как на исключительно объективную характеристику преступления, выражающую, прежде всего, ущерб, причиняемый деянием общественным отношениям [8, с. 23; 9, с. 335–337]. Признак общественной опасности самого действия или бездействия, определяемый его объективными свойствами, а также конкретными условиями места, времени и окружа-

ющей обстановки, действительно необходим. Но не столько для того, чтобы выразить весь масштаб опасности преступления, сколько для того, чтобы подчеркнуть социальное значение этого действия. Одно и то же действие (например, выстрел из пистолета) может иметь статус и подвига, и учебного упражнения, и необходимой обороны, и преступления. «Различное социальное содержание внешне одних и тех же действий приводит ... к различным, подчас противоположным, моральным и правовым оценкам» [10, с. 69].

Вместе с тем общественная опасность деяния – действия или бездействия, будучи принципиально важным его социальным признаком, не исчерпывает представлений об опасности самого этого деяния, ни тем более об опасности преступления в целом. Представление о деянии как исключительно об объективном признаке преступления является условным, искусственно адсорбирующем его от субъективного содержания действия или бездействия. Не случайно, к примеру, Н. С. Таганцев, разделяя идею трехэлементной структуры преступления (объект, субъект, деяние), писал: «При современной конструкции уголовного права, преступление предполагает не только фактическое посягательство на норму в ее реальном бытии, но и выразившуюся в этом посягательстве известную виновность лица. Поэтому, учение о преступном деянии включает в себе два отдела: учение о виновности или о внутренней стороне преступления, и учение о самом преступном действии» [11, с. 1]. Поскольку деяние есть всегда единство его объективных и субъективных признаков, его опасность не может не определяться субъективными характеристиками – мотивом, целью и др. По этой причине убедительной выглядит позиция юристов, которые признают опасность деяния объективно-субъективной характеристикой.

Но даже при таком подходе возникает существенный риск отождествления общественной опасности деяния и общественной опасности преступления как такового. Попыткой устранить такой риск служит подход, который фиксируется в большей части учебных и научных изданий по уголовному праву и согласно которому опасность преступления определяется не только объективными и субъективными признаками собственно действия или бездействия, но и всеми признаками состава преступления. К примеру, Л. А. Прохоров пишет, что общественная опасность преступления есть объективная категория, содержание которой определяют все элементы состава преступления (объект, особенности объективной и субъективной стороны, свойства субъекта) [12, с. 113].

Существенный пафос позиции, связывающей опасность преступления с опасностью деяния (действия или бездействия) либо с наличием в поведении лица всех признаков состава преступления, заключается в том, что из критериев оценки общественной опасности преступления всецело исключается личность лица, совершившего преступление.

Специалисты прямо и отчетливо формулируют эту мысль. «В рассуждениях о критериях общественной опасности преступления, – пишет Ю. Е. Пудовочкин, – важно подчеркнуть, что она зависит от объективных и субъективных признаков самого деяния и обстановки, в которой оно совершается.

Не могут отражаться на содержании и уровне опасности деяния те или иные свойства личности человека, его осуществляющего» [13, с. 26]. «Хотя мотивы и цели лица играют большую роль при оценке общественной опасности совершенного деяния, этого нельзя сказать о личности преступника, – вторит ему Е. В. Елифанова, – характеристики личности преступника влияют на назначенное ему наказание, но не на оценку общественной опасности содеянного им» [14, с. 38].

Эти тезисы прочно закрепились в дискурсе об общественной опасности, которые в известной мере построены на основе идеи противопоставления опасности преступления и опасности личности преступника. Следуя ему, особенности личности преступника не участвуют в формировании общественной опасности преступления.

Между тем этот постулат уголовно-правовой доктрины всегда находился под прицелом критики, а современная законотворческая и правоприменительная практика (в части криминализации деяний с административной преюдицией, установления рецидива преступления в качестве квалифицирующего признака состава преступления) эту критику только актуализирует.

В отечественной науке высказываются суждения о том, что общественная опасность как признак преступления не может быть адекватно понята и оценена вне учета данных о лице, совершившем преступление. При этом отчетливо выделяются три подхода к обоснованию такого решения.

В рамках первого из них опасность личности рассматривается как неотъемлемая предпосылка в механизме совершения преступления, связанная с опасностью преступления через категорию «генезиса». Так, А. И. Марцев писал: «Общественная опасность преступления в значительной мере определяется личностью правонарушителя. ... Главенствующим в образовании и развитии общественной опасности деяния является человек, в сознании которого сформировалась идея о возможности совершения преступления и который предпринимает усилия для реализации этой возможности. ... В основе механизма образования общественной опасности преступления лежит общественная опасность лица, готового совершить преступление. Опасность объекту, на который осуществляется посягательство, опасность деяния (способы, орудия и т. д.) предопределяются субъектом преступления и, как правило, зависят от него. Кроме того, нужно понимать всегда, что общественная опасность преступления есть социальное явление, как и само преступление. А в социуме всегда действуют люди, и развитие социальных явлений, как правило, зависит только от людей, от их воли и сознания» [15, с. 11–12]. Склонялся к этой мысли В. Д. Филимонов, связывая сущность общественной опасности преступления с сущностью его генезиса, который выражается в готовности лица противопоставить свои интересы интересам других лиц, общества или государства, определяющейся и качествами личности, и ее структурой, и мотивами деятельности [16, с. 59–60]. «Деяние, поведение служат только показателем общественной опасности индивида», – заключает И. Гонтарь [17, с. 16–17].

Второй подход заключается в инкорпорации данных об опасности личности в представления об опасности преступления с использованием категории «структура». Так, В. В. Мальцев включал в структуру общественно опасного поведения общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного с ее общественно опасными свойствами [18, с. 9–10]. Равным образом Ю. А. Демидов «складывает» общественную опасность преступления из общественно опасного деяния (действия или бездействия), общественно опасного последствия и общественной опасности личности виновного [19, с. 68].

Наконец, третий подход основывается на традиции анализа качественных и количественных параметров общественной опасности преступления. В частности, А. В. Бриллиантов пишет, что характер общественной опасности преступления – это свидетельство факта вредоносности и уголовной противоправности самого деяния, а степень опасности – совокупность обстоятельств, ее характеризующих, относящихся к самому деянию, совершившему его лицу, обстоятельствам совершения деяния, причем как тех, что повышают, так и тех, что понижают эту степень. «С данной позиции можно сказать, что свойство вредоносности является объективным свойством правонарушений, в том числе и преступлений, а степень опасности – собирательный объективно-субъективный фактор» [20, с. 23].

Стоит однозначно согласиться с тем, что опасность лица, совершившего преступление, не может и не должна игнорироваться законодателем и судом при разработке и реализации средств уголовно-правового регулирования, поскольку, как известно, в конечном итоге такое регулирование направлено именно на лиц, совершивших преступление. Уголовный закон не просто содержит массу подтверждений этого тезиса, но и возводит его в разряд принципиальных положений, закрепляя принципы гуманизма и справедливости.

Однако едва ли это дает основания включать данные об опасности личности в структуру опасности совершенного ею деяния и признавать на этой основе опасность личности частью признака общественной опасности преступления и тем более обосновывать само понятие преступления ссылками на общественную опасность личности. Между тем именно такой подход, как представляется, был предложен С. А. Пашиным, который, отрицая объективность свойства общественной опасности преступления, выделяет особую роль суда в определении преступления. Он пишет: «Преступление – это признанное судом в соответствии с материальным или процессуальным правом нарушение, когда суд находит целесообразным возложить на нарушителя специфические меры ответственности, позволяющие лишь при условии признания лица преступником» [21, с. 87]. Если первая часть определения («преступление есть признанное судом нарушение») хотя и дискуссионная, но укладывается в рамки представленного ранее подхода к пониманию преступления, сформулированного И. Я. Гонтарем, то вторая его часть – «преступление есть нарушение, за которое суд возлагает ответственность» не только не укладывается в общую логику права (сначала – преступление, затем – ответственность), но и подрывает сами основы

правового регулирования и принципы взаимодействия законодательной и судебной власти. По сути, предлагается считать преступлением только то деяние, которое заслуживает наказания по мнению суда. Но такое мнение основывается не только на данных об опасности деяния, но и данных об опасности личности. Тем самым личность инкорпорируется в структуру опасности преступления и, как следствие, в структуру основания уголовной ответственности. Совершенно справедливо Т. В. Кленова, критикуя такой подход, пишет: «Абсолютизация формально-юридической трактовки преступления приводит сначала к признанию приоритетного значения признаков запрещенности и наказуемости в определении преступления, потом наказуемость наделяется самостоятельным значением и «переворачивается» ряд фундаментальных понятий уголовного права: преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, – с установлением исходным понятием не преступления, а уголовного наказания. Таким образом, создается концептуальная основа для признания уголовного наказания субъективным основанием как криминализации, так и квалификации преступлений, что снимает барьеры для судейского усмотрения и сопряжено с эффектом исчезающей достоверности решений по уголовным делам» [22, с. 22].

Возвращаясь к выделенной ранее триаде – опасность поведения, опасность преступления, опасность деяния, стоит подчеркнуть, с учетом проведенного анализа, что в качестве признака преступления наука и практика должны рассматривать не общественную опасность вообще, без указания на ее источник (а именно в этом, на наш взгляд, кроется источник всех теоретических споров), а только общественную опасность совершенного лицом деяния, определяемую его объективными и субъективными признаками. Именно общественная опасность деяния – признак преступления и суть основание уголовной ответственности. То, что в науке традиционно именуется общественной опасностью преступления, на самом деле следует воспринимать как комплекс «опасность деяния + опасность личности», необходимый для справедливого разрешения уголовно-правового конфликта. Важно подчеркнуть, что это именно комплекс самостоятельных (хотя и связанных друг с другом) видов опасности, каждому из которых присуща своя функция в механизме уголовно-правового регулирования: опасность деяния формирует основание уголовной ответственности; опасность деяния в совокупности с опасностью личности определяет содержание и форму таковой. Попытки интегрировать данные об опасности личности в структуру опасности деяния методологически несостоятельны, приводят к смешению источников опасности и вносят путаницу в рассуждения о механизме уголовно-правового регулирования.

Ссылки

1. Давлетбаева З. К. Теоретические взгляды зарубежных авторов на понятие «поведение» // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 249–258.
2. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014. 646 с.

3. Хилюта В. В. Общественная опасность деяния и деятеля в административной преюдиции // *Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права* (М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 30 –31 мая. 2024 г.). М.: Юрлитинформ, 2024. С. 138–143.
4. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Т. 3: Преступление. Книга 1: Категория «преступление» в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.
5. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое поведение и общественные отношения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 1984. № 2. С. 63–68.
7. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352 с.
8. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1984. 136 с.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во Юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 1064 с.
10. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1960. 244 с.
11. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1: Учение о преступлении. Вып. 2. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1878. 324 с.
12. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. 560 с.
13. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: Избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2009. 224 с.
14. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
15. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 75 с.
16. Филимонов В. Д. Генезис преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 144 с.
17. Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // *Уголовное право*. 2007. № 1. С. 16–19.
18. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 184 с.
19. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1993. 39 с.
20. Бриллиантов А. В. Об общественной опасности деяния и судимости // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова*. М.: РГУП, 2018. С. 17–26.
21. Пашин С. А. Понимание преступления // *Уголовное право*. 2000. № 3. С. 81–89.
22. Кленова Т. В. О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 2. С. 19–27.

Ostap Bender and the Criminal code of the RSFSR 1926. Part II

R. G. Oganesyanyan¹

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-628-637

Research article
Full text in Russian

This article continues to explore the activities of one of the most famous scammers in Russian fiction – Ostap Bender. Considering the second novel by Ilya Ilf and Evgeny Petrov "The Golden Calf", the author notes not only the transformation of the image of the "great combinator", but also the commission of new crimes by him from the standpoint of Soviet criminal law in the early 30s of the XX century – the period of large-scale socialist construction in the USSR.

Keywords: scam; the great combinator; robbery; Koreiko A. I.; socialism; criminal code

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oganesyanyan, Roman G. | E-mail: rgo1994@mail.ru

Остап Бендер и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть II

Р. Г. Оганесян¹

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-628-637
УДК 340.15, 343.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья продолжает исследовать деятельность одного из самых известных аферистов в отечественной художественной литературе – Остапа Бендера. Рассматривая второй роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», автор отмечает не только преобразование образа «великого комбинатора», но и совершение им новых преступлений с позиции советского уголовного законодательства в начале 30-х гг. XX в. – периода масштабного социалистического строительства в СССР.

Ключевые слова: афера; великий комбинатор; грабеж; Кореико А. И.; социализм; уголовный кодекс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оганесян, Роман Геворгович | E-mail: rgo1994@mail.ru
Младший научный сотрудник Центра научных исследований

Продолжая исследовать уголовную деятельность «великого комбинатора», необходимо подчеркнуть, что между событиями двух романов проходят три года. По завершении новой экономической политики (НЭП) Советское государство совершило поворот в сторону развития социалистической индустриализации, а также расширения колхозного движения. Успехи социалистической экономики позволяли все больше вытеснять эксплуататоров в городах и деревнях [1, с. 238]. Также оно неуклонно боролось за укрепление социалистической законности. Это не могло не отразиться на уголовном законодательстве. На XVI съезде партии отмечалось, что социалистическое преобразование страны должно было дать отпор кулац-

Публикация является продолжением статьи Оганесян Р. Г. Остап Бендер и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 3. С. 448-457. DOI 10.18255/1996-5648-2024-3-448-457.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ко-капиталистическим элементам, тесно связанным с зарубежным капиталом. Особое внимание уделялось борьбе с бюрократизмом. Раскрыв новые формы сопротивления со стороны лиц, не принявших советскую власть, правительство потребовало от всех граждан усиления бдительности и неустанной борьбы с преступными посягательствами [2, с. 245; 3, с. 45–46].

С принятием постановлений ВЦИК и СНК РСФСР (в дальнейшем – СНК СССР) от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения»¹ и от 06 ноября 1929 г. «Об изменении ст. ст. 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» [4, с. 43–49; 5, с. 238–239] в 1929–1930 гг. был поднят вопрос о реформе Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [6–19]. Результатом реформы стал новый проект Уголовного кодекса, разработанный в мае 1930 г. [20]. Несмотря на его положительные стороны, дефекты проекта привели к тому, что он не получил законодательной санкции и кодекс редакции 1926 г. продолжал действовать вплоть до принятия нового в 1960 г. [21, с. 130–132]².

Говоря об Остапе Бендере, чудом оставшемся в живых от удара бритвой по горлу, нанесенного ему обезумевшим Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым в московской комнатухе Иванопуло холодной ночью октября 1927 г., стоит напомнить, что на этот раз он преследовал совершенно иную цель. Это хрустальная мечта его детства – город Рио-де-Жанейро, где *«главные улицы города по богатству магазинов и великолепию зданий не уступают первым городам мира... Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах»*. Чтобы ее реализовать, Бендеру необходимо было достать деньги, причем в размере не менее пятисот тысяч рублей. Он полагал, что такая сумма поможет ему уехать, т. к. у него *«за последний год с советской властью возникли серьезнейшие разногласия по вопросу построения социализма»* [22, с. 30]. Отсюда главный вопрос – как он заполучил такую сумму?

Для начала необходимо вспомнить эпизод посещения кабинета председателя исполкома, где Остап представился сыном легендарного лейтенанта Шмидта и попросил пятьдесят рублей в качестве помощи. Имев очень ограниченный бюджет, председатель *«смог дать только восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой “Бывший друг желудка”»* [22, с. 12–14]. Этот эпизод однозначно можно квалифицировать по ст. 169 УК РСФСР 1926 г. («мошенничество»)³. Как мы видим, в обоих романах Бендер в сравнении с другими комбинациями, отдавал мошенничеству большее предпочтение. В кабинете предисполкома Бендер впервые встретил своего *«молочного брата»* и мелкого жулика Шуру Балаганова, позже рас-

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 302–305.

² В отличие от УК РСФСР 1922 г. и последующих редакций, в данный кодекс было внесено большое количество изменений и дополнений.

³ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. С. 43.

сказавшего ему о подпольном миллионере Александре Ивановиче Корейко – счетоводе треста «Геркулес», проживавшего в Черноморске.

Интересным эпизодом в романе представляется движение из Арбатова в Черноморск экипажа автомобиля «Антилопа-Гну» в составе Остапа Бендера – командующего парадом, Козлевича Адама Казимировича – шофера, Балаганова Шуры – бортмеханика и Паниковского Михаила Самюэлевича – прислуги за все и их мнимое участие в «официальном автопробеге»:

«Остап вынул из кармана “Известия” и громким голосом прочел экипажу “Антилопы” заметку об автомобильном пробеге Москва–Харьков–Москва.

– Сейчас, – самодовольно сказал он, – мы находимся на линии автопробега, приблизительно в полтораста километрах впереди автомашины... Первое: крестьяне приняли «Антилопу» за головную машину автопробега. Второе: мы не отказываемся от этого звания, более того – мы будем обращаться ко всем учреждениям и лицам с просьбой оказать нам надлежащее содействие, напирая именно на то, что мы головная машина... Совершенно ясно, что некоторое время мы продержимся впереди автопробега, снимая пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высококультурного начинания» [22, с. 70–71].

Что в результате «антилоповцы» и сделали. Остап в дополнение к этому «... на длинной полоске желтоватой бязи... вывел печатными буквами коричневую надпись»:

АВТОПРОБЕГОМ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ И РАЗГИЛЬДЯЙСТВУ

Этот плакат, прикрепленный на «Антилопу», был выполнен Бендером с одной лишь целью: ввести в заблуждение мирных советских служащих и крестьян. Добавим сюда также эпизод в городе Удоеве, где на летучем трехчасовом митинге Бендер элегантно и непринужденно выдал себя за руководителя автопробега [22, с. 77–79].

Не забудем также и плоды комбинации:

«Пока толпа...внимала словам командора, Козлевич развил обширную деятельность. Он наполнил бак бензином, который, как и говорил Остап, оказался высшей очистки, беззастенчиво захватил в запас три больших бидона горючего, переменял камеры и протекторы на всех четырех колесах, захватил помпу и даже домкрат. Этим он совершенно опустошил как базисный, так и операционный склады удоевского отделения Автодора. Дорога до Черноморска была обеспечена материально... В Удоеве путешественники прекрасно пообедали...

Вот уже сутки они мчались впереди автопробега. Их встречали музыкой и речами. Дети били для них в барабаны. Взрослые кормили их обедами и ужинами, снабжали заранее заготовленными авточастями, а в одном посаде поднесли хлеб-соль... Ночь антилоповцы провели в деревушке, окруженные заботой деревенского актива. Они увезли оттуда большой

кувшин теплого молока и сладкое воспоминание об одеколонном запахе сена, на котором спали» [22, с. 79, 81].

Данную комбинацию, совершенную преступной группой, также можно оценивать по ст. 169 Уголовного кодекса, но уже по ч. 2. («мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению»), за совершение которого устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества⁴.

Пропустив окончание лжепробега в городке Лучанске, где экипажу удалось избежать народного возмездия, перейдем к анализу деяний Бендера и его компании по заполучению миллиона у гражданина Корейко. Для начала комбинатор подослал к нему нахального нищего-полуидиота («*Дай миллион, дай миллион!*»), роль которого блестяще исполнил Паниковский; затем отправил «абсурдные» телеграммы, имевшие тактический смысл: «*Графиня изменившимся лицом бежит пруду*», «*Заседание продолжается зпт миллион поцелуев*», «*Грузите апельсины бочках братья Карамазовы*» и т. п., оказав психологическое давление на оппонента. Вопреки всему этому Александр Иванович смог выстоять, и Бендер после встречи с ним сделал определенные выводы.

Спустя некоторое время «великий комбинатор» придумал новую аферу, очень интересную и юридически неоднозначную. Все довольно ясно. Бендер организовал ограбление Корейко, дав соответствующие указания своим людям, а Паниковский и Балаганов открыто похитили у него десять тысяч рублей в железной коробке от папирос. По советскому Уголовному кодексу данное преступление можно квалифицировать по ч. 2 и 3 ст. 165 («открытое похищение чужого имущества, совершенное группой лиц с применением насилия»⁵). Однако вспомним, какое решение принял Остап в отношении денег:

«Все эти деньги, – заключил он, – будут сейчас же возвращены потерпевшему гражданину Корейко... Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки. В мои четыреста честных способов отъема денег ограбление не входит...» [22, с. 166–167].

В итоге командор в качестве представителя органов правопорядка пришел к Корейко и долго уговаривал его взять деньги. Но гражданин Корейко не захотел брать их. Это уже нельзя отнести к грабежу. Также и Бендеру эти «копейки» не особо были нужны, так как он собирался заполучить миллион. Вся эта операция была проведена с одной целью – убедиться в том, что Корейко на самом деле являлся подпольным миллионером.

Не будем также забывать, на что были потрачены эти десять тысяч. На эти средства была создана «*липовая контора по заготовке рогов и копыт*», где вся троица получала зарплату. В общем, Остап использовал

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 42.

деньги по своему усмотрению и тратил их так, как ему было угодно. Таким образом, Бендера действительно можно привлечь к уголовной ответственности за ограбление Александра Ивановича. Это, пожалуй, самая сложная, с позиции юриспруденции, афера «великого комбинатора». Мнения юристов в данном эпизоде могут быть разными. Это связано с тем, что, хотя Остап и создал организацию, формально законную, но фиктивную по своему содержанию, на самом деле никакого ущерба гражданам, другим организациям, тем более государству она не причинила.

Поняв, что заполучить миллион с легкостью не получится, Бендер придумал четыреста первый способ, а именно: 25 июня 1930 г. началось следствие по «делу Александра Ивановича Корейко», которое было завершено 10 августа того же года. Удивителен тот факт, что по процессуальным срокам Остап успел вовремя собрать материалы, хотя он вел это дело без всяких на то полномочий и, судя по тексту романа, даже не пытался выдавать себя за представителя власти [23]. За гражданином Корейко числилось гораздо больше преступных деяний, чем можно было представить: данные о его спекуляции казенными лекарствами во время голода и тифа; данные о снабженческих операциях Александра Ивановича, исчезновение железнодорожного состава с продовольствием, направлявшегося в охваченное голодом Поволжье и т. д. За все эти преступления гражданина Корейко можно привлечь к ответственности по ст. 129 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. («расхищение государственного или общественного имущества»)⁶.

Теперь рассмотрим подробнее эпизод представления этих материалов гражданину Корейко. Предполагая, что у Александра Ивановича имеются семь-восемь миллионов, «великий комбинатор» предлагает ему купить собранную им папку всего за один миллион, чем показывает свое великодушие. В случае отказа от покупки сын турецко-подданного пригрозил Корейко отправкой папки соответствующим органам [22, с. 258–259].

Можно сказать, что «великий комбинатор» вне всяких сомнений шантажировал подпольного миллионера (ст. 174)⁷. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. определял шантаж как одно из разновидностей вымогательства и понимал под ним требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного характера под страхом насилия над личностью, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества [24, с. 66]. Стоит отметить, что законодатель откорректировал диспозицию вымогательства в части указания на то, что вымогатель требовал от потерпевшего совершения не любых действий, как было предусмотрено в УК РСФСР 1922 г., а действий именно имущественного характера. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что прежняя редакция вымогательства позволяла привлекать к уголовной ответственности по данной статье за широкий круг

⁶ Там же. С. 35–36.

⁷ Там же. С. 44.

действий. Санкция за совершение данного преступления – лишение свободы на срок до трех лет [25, с. 27–28].

Не касаясь эпизодов по сочинению за ночь киносценария «Шея» и его продажи местной кинофабрике; представление Бендера корреспондентом «Черноморской газеты»; кражи курицы у литработника Гарантюа в поезде и хулиганских действий в отношении корреспондента Льва Рубашкина, проанализируем деяния Остапа Ибрагимовича уже в качестве миллионера.

После того как Бендер заполучил свой долгожданный миллион, он всеми возможными способами пытался избавиться от него: тратил на дорогие вещи, оставлял на улице свой чемодан, пытался сжечь данную сумму в камине, учредить стипендию имени Балаганова для студентов радиотехнического техникума, из пятидесяти тысяч серебряных ложек отлить конную статую Паниковского, украсить «Антилопу» перламутром и т. д. В какой-то момент Остап чуть не отправил свой миллион в качестве посылки народному комиссару финансов в Москву. Однако после случайной встречи с Зосей Синицкой он решил бежать за границу:

«Великий комбинатор готовился всю зиму. Он покупал североамериканские доллары с портретами президентов в белых буклях... Валюты, в том числе каких-то сомнительных польских и балканских денег, удалось достать только на пятьдесят тысяч...» [22, с. 405].

В данном эпизоде речь идет о валютно-обменных операциях. Первые ограничения на данные операции вводились в России в начале 20-х гг. прошлого столетия. Декрет СНК РСФСР от 18 ноября 1921 г. «О сделках с иностранной валютой и драгоценными металлами» предоставлял Государственному банку РСФСР исключительное право покупки и продажи иностранной валюты и драгоценных металлов в монетках и слитках на территории республики⁸. Наказание за его несоблюдение было не столь суровым – до шести месяцев лишения свободы и полностью отменено через несколько лет с развитием НЭПа в СССР. Новые серьезные ограничения валютно-обменных операций в Советском союзе были реализованы в период сталинского социализма. Кроме того, вопрос запрета сделок с валютой был напрямую связан с безопасностью СССР. Основная идея заключалась в создании альтернативной мировой валюты, способной противостоять американскому доллару, который после Второй мировой войны окончательно закрепился в данном статусе [26]. С позиции советского уголовного законодательства нарушение правил о валютных операциях считалось государственным преступлением (ст. 59¹² УК РСФСР 1926 г.)⁹, но и наказание также устанавливалось гораздо мягче – до трех лет лишения свободы с конфискацией всего или части имущества, однако на момент

⁸ Декрет СНК РСФСР от 18 ноября 1921 г. «О сделках с иностранной валютой и драгоценными металлами» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего крестьянского правительства за 1921 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР. 1944. № 80, ст. 698.

⁹ Указ. соч. С. 22.

принятия кодекса для частных лиц устанавливался штраф до трех тысяч рублей.

Помимо этого, стоит разобрать эпизод покидания комбинатором Советской России и перехода румынской границы:

«Странный человек шел ночью в приднестровских плавнях. Он был огромен и бесформенно толст... Он нес на себе семнадцать массивных портсигаров... по карманам были рассованы бубличные связки обручальных колец, перстней и браслетов. На спине в три ряда висели на крепких веревочках двадцать пар золотых часов... Бриллиантов великий комбинатор достал только на четыреста тысяч...»

В три часа ночи строптивый потомок янычаров ступил на чужой заграничный берег... Он обернулся к советской стороне и, протянув в тающую мглу толстую котиковую руку, промолвил:

– Все надо сделать по форме. Форма номер 5 – прощание с родиной. Ну что, адье, великая страна...» [22, с. 405, 408].

В данном случае Остапа Бендера можно привлечь к ответственности по ст. 84 УК РСФСР 1926 г. («выезд за границу или въезд в Союз ССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей»), за совершение которого устанавливалось наказание в виде принудительных работ до одного года или штраф до пятисот рублей¹⁰.

В чем также можно обвинить Остапа, так это по ст. 83 («простая контрабанда»), которая каралась всего лишь штрафом до одной тысячи рублей, налагаемым в административном порядке¹¹. В советском уголовном праве контрабанда делилась на два вида: простую и квалифицированную (ст. 59⁹). В отличие от простой за квалифицированную контрабанду, осложненную признаками, перечисленными в статье 261 Таможенного устава СССР, наказание определялось в виде лишения свободы со строгой конфискацией специальных орудий контрабанды, транспортных средств и части имущества, при отягчающих обстоятельствах – с повышением вплоть до расстрела¹². Объективная сторона контрабанды заключалась в перемещении через таможенную границу СССР товаров и других предметов. Под таможенной границей ранее понималась юрисдикционная территория СССР, территориальные и внутренние воды и воздушное пространство страны; под товаром – любое движимое имущество, продукты и промтовары, валюта, ценности, транспортные средства и другое оборудование [27, с. 75]. Стоит подчеркнуть, что данное законодательство о борьбе с контрабандой оставалось практически неизменным на протяжении трех десятков лет – до принятия Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления»¹³.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же.

¹³ Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 39–40.

Как мы помним, роман завершается встречей Остапа с румынскими пограничниками. После «потрошения» комбинатора и его возвращения обратно в СССР, главный персонаж решил переквалифицироваться в управдомы. Автор полагает, что это решение было принято целенаправленно, поскольку во времена Бендера управдом считался значительной фигурой и достаточно обеспеченным человеком, так как получал взятки.

Подводя итог большому исследованию, автор утверждает, что Остап Бендер является двойственным персонажем с позиции советского уголовного права. С одной стороны, он совершал противоправные деяния ради достижения конкретной цели, однако его жертвами становились либо неприятные люди (Альхен, Изнуренков), либо негодяи (Корейко), либо доверчивые (васюкинские шахматисты, предисполком Арбатова, члены «Союза меча и орала» и др.). С другой стороны, сын турецко-подданного обладал человеческими качествами: делился с Кисой Воробьяниновым деньгами по результатам афер, заботился о беспомощном старике Паниковском, отдал последние пятнадцать рублей Козлевичу и без денег смог «поймать» Корейко, вручил Шуре Балаганову пятьдесят тысяч рублей в качестве царского подарка и т. д. Трагикомедия «великого комбинатора» заключается в том, что в условиях жизни при советской власти он не смог продемонстрировать свои способности в легальной сфере.

Заседание считаю закрытым! Спасибо за внимание!

Ссылки

1. История государства и права СССР. Ч. 2 / под ред. О. И. Чистякова и Ю. С. Кукушкина. М.: Юридическая литература, 1971. 432 с.
2. Одесский М. П., Фельдман Д. М. История романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в политическом контексте 1920–1930-х годов // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания: сборник статей. М., 2001. С. 236–252.
3. Ястребов А. В. История уголовного права в России (1917–1993 гг.). М., 1997. 74 с.
4. Эстрин А. Я. Уголовное право СССР и РСФСР. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1931. 136 с.
5. Эстрин А. Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933. 244 с.
6. Беляков Г. К пересмотру основных принципов Уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 2. С. 99–110.
7. Беспалько. К вопросу о принципах переработки Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 48. С. 1223–1224.
8. Болтинов С. К предстоящему пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 2. С. 37–41.

9. Винокуров А. О реформе Уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 1. С. 11–12.
10. Крыленко Н. В. Реформа Уголовного кодекса (основные принципы пересмотра Уголовного кодекса): Доклад на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников. М.: Гособриздат РСФСР, 1929. 64 с.
11. Крыленко Н. В. Три проекта реформы Уголовного кодекса // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 81–110.
12. Крыленко Н. В. К критике недавнего прошлого (проект Уголовного кодекса 1930 г.) // Проблемы социалистического права. 1937. № 1. С. 6–24.
13. Мерен Г. К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 8. С. 173–176.
14. Немцев Е. К переработке Уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 1. С. 7–11.
15. Полевой-Генкин М. Реформа советского уголовного права. Итоги дискуссии по реформе Уголовного кодекса // Революция. 1929. № 5. С. 3–11.
16. Сенюк А., Немченков И., Попов Н. Принципы пересмотра Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 17. С. 380–383.
17. Строгович М. С. На путях к уголовному праву (к реформе Уголовного кодекса РСФСР) // Рабочий суд. 1929. № 9. С. 653–668.
18. Яковченко Н. Нужна ли реформа Уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 2. С. 85–90.
19. Янушевич В. К пересмотру Уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 25. С. 85–90.
20. Нахимсон Ф. М. Проект Уголовного кодекса РСФСР // Рабочий суд. 1930. № 33–34.
21. Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Вып. 1: Основы и истории уголовного права. М., 1935. 152 с.
22. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.
23. Остап Бендер // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Остап_Бендер
24. Тагиев Т. Р. Шантаж как способ совершения вымогательских действий // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Юриспруденция). 2006. Вып. 11. С. 65–68. EDN JUDFWP.
25. Тагиев Т. Р. Вымогательство по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 211 с.
26. Ермоленко А. Как и почему в СССР запрещали иностранную валюту // Москва онлайн: сетевое издание. 2022. URL: <https://msk1.ru/text/politics/2022/03/23/70524860/>
27. Глушаченко С. Б. , Жаркой М. Э. Уголовно-правовая характеристика контрабанды по законодательству Союза ССР 1920-х гг // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 1. С. 74–79. EDN EMZKYQ.

Financial legal relations in cyberspace as an object of criminal law protection

N. V. Gladych¹

¹Far Eastern Institute (branch) RSUJ (Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-638-645

Research article
Full text in Russian

According to the author, the current trend of digitalization of relations in the field of finance, which is observed today, entails the need to revise approaches to the essence of financial legal relations. Public relations on the formation, distribution and use of financial assets should be regarded as financial and subject to criminal law protection. At the same time, these legal relations do not necessarily develop with the participation of the state and are characterized as public law and state power.

The expansion of the list of financial assets fixed by the author allows substantiating the conclusion that in the conditions of the modern information society in cyberspace, not only redistribution takes place, but also the creation of a social product.

At the same time, the current legislation in this area lags behind the dynamically developing social relations. In support of this, the author cites a technology for creating digital documents that has not yet been formalized by law through the use of the capabilities of non-fungible NFT tokens.

The author emphasizes that the opportunities provided by cyberspace are actively used by attackers for criminal purposes. Documents that define the strategy for the development of the Russian state and ensuring national security, as well as the doctrine of criminal law, adequately assess the threat of financial crimes in cyberspace.

The tasks of the criminal law protection of financial legal relations outlined in the criminal law, contrary to the positions expressed in the scientific literature, also quite fully reflect the role of criminal law in combating crime of this type.

Contrary to the approach prevailing in the doctrine of criminal law, whose supporters focus on the method of committing financial crimes, the author connects the prospects for studying the identified issues with an analysis of the specifics of cyberspace as a special area for committing such crimes. In this regard, the scientific article highlights the signs of financial legal relations in cyberspace.

Keywords: financial legal relations; finance; cyberspace; financial assets; digital currencies; tokens; criminal law protection

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gladych, Natalya V. | E-mail: 89244081100@mail.ru

Финансовые правоотношения в киберпространстве как объект уголовно-правовой охраны

Н. В. Гладыч¹

¹Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия,
Хабаровск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-638-645
УДК 343.359

Научная статья
Полный текст на русском языке

По мнению автора, наблюдаемая сегодня тенденция цифровизации отношений в области финансов влечёт за собой необходимость пересмотра подходов к сущности финансовых правоотношений. Как финансовые и подлежащие уголовно-правовой охране должны расцениваться общественные отношения по образованию, распределению и использованию финансовых активов. Данные правоотношения не обязательно складываются с участием государства и характеризуются как публично-правовые и государственно-властные. В условиях современного информационного общества в киберпространстве происходит расширение перечня финансовых активов, а также не только перераспределение, но и создание общественного продукта. При этом действующее в данной сфере законодательство отстаёт от динамично развивающихся общественных отношений. В подтверждение этого автор приводит так и не оформленную законодательно технологию создания цифровых документов посредством использования возможностей невзаимозаменяемых NFT-токенов. Автор подчёркивает, что предоставляемые киберпространством возможности активно используются злоумышленниками в преступных целях.

Обозначенные в уголовном законе задачи уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений, вопреки высказываемым в научной литературе позициям, также достаточно полно отражают роль уголовного права в противодействии преступности данного вида.

Вопреки господствующему в доктрине уголовного права подходу, сторонники которого акцентируют внимание на способе совершения финансовых преступлений, перспективы изучения обозначенных вопросов автор связывает с анализом специфики киберпространства как особой сферы совершения подобных преступлений. В этой связи в научной статье выделены признаки финансовых правоотношений в киберпространстве.

Ключевые слова: финансовые правоотношения; финансы; киберпространство; финансовые активы; цифровые валюты; токены; уголовно-правовая охрана

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладыч, Наталья Васильевна | E-mail: 89244081100@mail.ru
| Старший преподаватель

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Одной из доминирующих тенденций общественного развития в последние годы выступает перемещение социальной жизни в виртуальное пространство, созданное при помощи информационно-телекоммуникационных сетей. Не исключение и экономические отношения, важной составляющей которых являются отношения в области финансов. Информационные технологии активно используются не только для обмена финансовыми активами, но и для создания подобных активов.

Современные технологии значительно упростили многие бизнес-процессы, сделав их при этом весьма уязвимыми для преступных посягательств. Складывающиеся в данной сфере отношения характеризуются рядом принципиально новых явлений, требующих осмысления с позиций науки уголовного права.

В науке представлены два основных подхода к сущности финансовых отношений, которые обычно именуется узким и широким (В. Ф. Лапшин) [1, с. 47–53]. В литературе преобладает узкое понимание финансовых правоотношений как имеющих публично-правовой и государственно-властный характер. Сторонники этого подхода ограничивают их лишь отношениями «по образованию, распределению и использованию государственных денежных фондов (финансовых ресурсов)» (Э. Д. Соколова, А. Ю. Ильин) [2, с. 49]. Вместе с тем выделяются децентрализованные финансы, под которыми, как пишет Е. В. Ваймер, «понимают денежные отношения, опосредующие кругооборот денежных фондов частных лиц» [3, с. 8].

Наиболее соответствующим новейшим тенденциям эволюции финансов представляется широкий подход. В его рамках как финансовые и подлежащие уголовно-правовой охране расцениваются общественные отношения по образованию, распределению и использованию финансовых активов, в том числе складывающиеся и без участия публично-правовых субъектов. Отсутствие в денежных отношениях подобных субъектов (государства, муниципальных образований, государственных внебюджетных фондов и т. п.) ни в коем случае не нивелирует их финансовую природу. Финансовые правоотношения складываются в связи с оборотом таких высоколиквидных активов, как денежные средства, в том числе выраженные в дебиторской задолженности, ценные бумаги, производные финансовые инструменты и проч. Ключевой признак финансового актива состоит в его денежной природе. Он либо выражен в денежных средствах, либо сравнительно легко конвертируется в денежные средства или же в иной финансовый актив¹.

Следует согласиться с О. В. Болотовой в том, что «перечень активов, которые могут быть квалифицированы как финансовые, не является исчерпывающим» [4, с. 29]. Подтверждением этого тезиса служит наблюдаемое последние годы появление в киберпространстве целого ряда категорий цифровых объектов, которые как сами представляют несомненную матери-

¹ «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление»» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

альную ценность, так и активно используются для осуществления финансовых операций. Речь идёт прежде всего о различного рода цифровых валютах и токенах. В связи с этим в пересмотре нуждается господствующий в науке взгляд на финансовые отношения как исключительно распределительные. В условиях современного информационного общества в киберпространстве происходит не только перераспределение, но и создание общественного продукта.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² разграничен правовой статус цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Если первыми признаются выраженные в цифровой форме обязательственные и иные права, то цифровая валюта понимается как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения)», в отношении которых отсутствует обязанное перед их обладателем лицо.

Законодательство во многом отстаёт от потребностей развития общественных отношений в рассматриваемой сфере. Так, вплоть до настоящего времени не урегулированы вопросы оборота цифровых документов, созданных посредством использования возможностей невзаимозаменяемых NFT-токенов (non-fungible token), которые представляют собой «уникальный набор метаданных, криптографически преобразованных в блокчейн-системе, идентифицирующих определенный объект либо какую-то информацию» (А. В. Мазеин, А. К. Кожевников) [5, с. 36]. Преимущество данной технологии состоит в том, что она позволяет создавать уникальные цифровые образы, подделка которых исключена в силу особенностей, лежащих в их основе блокчейн-систем. Небезынтересным в этой связи видится предложение А. В. Мазеина и А. К. Кожевникова «о переводе привычных документов на физических носителях (бумажный паспорт, пластиковое удостоверение) в форму NFT» [5, с. 36–37]. В качестве одного из позитивных последствий этого решения авторы называют снижение числа преступлений, квалифицируемых по ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ³ (далее – УК РФ) [5, с. 37].

Заслуживает упоминания и предложение В. А. Садкова внедрить в оборот термин «оцифрованные права», при этом понимать под ним «имущественные права, принадлежность которых правообладателю фиксируется посредством особых информационно-коммуникационных технологий» [6, с. 11].

Думается, что всё же широкое распространение NFT-документов – это довольно отдалённая перспектива. Однако необходимость создания нор-

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5018.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

мативно-правовой базы их оборота давно назрела, на что следует обратить внимание законодателя.

Представляется возможным говорить о формировании цифровой финансовой системы, которая носит наднациональный и экстерриториальный характер, что затрудняет как регулирование складывающихся в этой связи общественных отношений, так и их уголовно-правовую охрану. Следует согласиться с А. В. Токоловым, что «создание правил, учитывающих интересы государства, бизнеса и физических лиц в рассматриваемой сфере, не может носить исключительно суверенный, внутринациональный характер» [7, с. 11].

При этом предоставляемые киберпространством возможности активно используются злоумышленниками в преступных целях. Так, в частности, по оценке А. О. Андриановой такое преступление, как финансирование терроризма «в большинстве случаев осуществляется с использованием современных цифровых технологий, игнорируя государственные границы» [8, с. 158].

Общественная опасность финансовых преступлений в киберпространстве особо отмечена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 4004. В документе, в частности, верно подчёркнуто, что позволяющие злоумышленникам сохранять свою анонимность информационно-коммуникационные технологии стали лёгким способом совершения таких преступлений, как финансирование терроризма и легализация доходов, полученных преступным путем (п. 54). В связи с этим подп. 11 п. 47 Стратегии национальной безопасности РФ достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности, наряду с прочим, связывается с решением задачи противодействия совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий преступлениям, в том числе таким, как финансирование терроризма, легализация преступных доходов и использование в противоправных целях цифровых валют. В свою очередь, в ряду задач, решение которых направлено на достижение целей обеспечения экономической безопасности страны, подп. 17 п. 67 названо «противодействие незаконным финансовым операциям» в п. 14 утверждённой Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 6465 Доктрине информационной безопасности Российской Федерации выделена тенденция возрастания масштабов компьютерной преступности в кредитно-финансовой сфере.

В уголовно-правовой науке финансовая безопасность также традиционно расценивается как часть национальной безопасности (О. В. Моргун)

⁴ Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

[9, с. 49–50, 73], что связывается, в частности, с угрозой «кибератак в целях приостановки, блокировки и нарушения функционирования национальной платежной системы» (О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремева и др.) [10, с. 237].

Наличие общественных опасных угроз финансовым правоотношениям и, соответственно, обоснованность противодействия им уголовно-правовыми средствами не вызывают сомнений. Так, С. Л. Нудель и О. А. Зайцев исходят из того, что «охрана финансовых отношений как задача уголовного закона состоит в обеспечении их защищенности от преступных посягательств путем криминализации общественно опасных деяний» [11, с. 75].

Эта, казалось бы, вполне азбучная формулировка нуждается в комментарии. А именно при обращении к ч. 1 ст. 2 УК РФ, в которой перечисляются задачи данного кодекса (а им, согласно ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство и исчерпывается), видно, что в ней задача охраны финансовых отношений не упоминается. Более того, ничего в этой норме не сказано и о необходимости уголовно-правовой охраны экономических отношений, частью которых выступают финансовые отношения. В отличие, скажем, от задачи охраны окружающей среды, которую законодатель счёл целесообразным выделить отдельно. Разумеется, это не означает, что финансовые отношения не поставлены под защиту уголовного закона. Обязательность их уголовно-правовой охраны прямо следует из таких обозначенных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач, как охрана от преступных посягательств конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, а также собственности. Поэтому нельзя согласиться с высказываемой С. Л. Нудель позицией, в соответствии с которой финансовые отношения «не попадают ни в одну из установленных категорий» объектов уголовно-правовой охраны [12, с. 87]. Избыточным следует признать предложение учёного дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ указанием на экономические отношения и финансовые как их часть [12, с. 87].

Гарантии свободного перемещения финансовых средств и свободы экономической деятельности являются неотъемлемой частью основ конституционного строя нашей страны (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ⁶). В свою очередь, право свободного осуществления не запрещенной законом экономической деятельности, а также право частной собственности закреплены в ст. 34 и 35 Конституции РФ соответственно. Тем самым законодателем поставлены задачи уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений:

– складывающихся в связи с реализацией закреплённых в Главе 1 Конституции РФ основ свободного перемещения финансовых средств и свободы экономической деятельности;

– складывающихся в связи с осуществлением не запрещённой законом экономической деятельности в сфере финансов, а также реализацией прав

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

иметь в собственности финансовые активы, владеть, пользоваться и распоряжаться ими.

Нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение преступлений в киберпространстве, правомерно оценить «в качестве важнейшего элемента реализации государственной политики Российской Федерации в области информационной безопасности» (Н.А. Голованова, А. А. Гравина, О.А. Зайцев и др.) [13, с. 71].

Задача уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений решается не только посредством криминализации посягающих на них общественно опасных деяний. Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 2 УК РФ отмечает, что на осуществление решения задач Уголовного кодекса РФ направлены как криминализация деяний, так и их пенализация, а также установление основания и принципов уголовной ответственности. Так, в частности, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев включают в объём понятия «криминализация» не только процесс выявления, описания и фиксации тех или иных форм индивидуального поведения, но и процесс пенализации [14, с. 36].

Не следует также забывать о задаче предупреждения финансовых преступлений, которая следует из ч. 1 ст. 2 УК РФ. Причём предупредительный потенциал уголовно-правовых норм об ответственности за финансовые преступления в киберпространстве довольно велик. Совершение таких посягательств на финансовые правоотношения требует от злоумышленников определённых специальных познаний в области экономики, программирования и юриспруденции. В силу этого обстоятельства можно предположить, что подобные лица, как правило, отслеживают изменения и дополнения уголовного законодательства и немалая часть из них, несомненно, воздерживается от совершения преступлений из-за опасения уголовного преследования.

В науке уголовного права при анализе посягательств интересующей нас группы, как правило, делается акцент на способе совершения преступления. Так, по мнению З. И. Хисамовой, «способ совершения преступных посягательств в финансовой сфере – использование информационно-телекоммуникационных технологий, выступает ключевым звеном» [15, с. 41]. Вопреки этому суждению думается, что прогресс указанных технологий привёл к появлению особого киберпространства. Финансовым правоотношениям в киберпространстве свойственны, в частности, следующие признаки:

- наличие особых, не имеющих аналогов объектов – финансовых активов (таких, как цифровые валюты и NFT-токены);
- специфика субъектного состава, обусловленная множественностью участников правоотношений и трудностями их деанонимизации;
- наличие особых инструментов образования, распределения и использования финансовых активов (криптовбирж, P2P-платформ и т. п.);
- значительная степень децентрализации финансовых процессов;
- наднациональный и экстерриториальный характер правового режима.

Представленный подход к анализу юридической сущности финансовых правоотношений в киберпространстве и особенностям их уголовно-правовой охраны видится наиболее перспективным и нуждающимся в дальнейшей разработке.

Ссылки

1. Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ...д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. 446 с.
2. Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э. Д. Соколовой; отв. ред. А. Ю. Ильин. М.: Проспект, 2019. 592 с.
3. Ваймер Е. В. Понятие, сущность и современное назначение финансов // Финансовое право. 2020. № 12. С. 7–11.
4. Болотова О. В. Понятие и виды финансовых активов. Особенности квалификации // Финансовое право. 2022. № 2. С. 29–32.
5. Мазеин А. В., Кожевников А. К. Основания и правовой механизм цифровой трансформации выдачи официальных документов с использованием NFT в России // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2023. № 1. С. 30–44.
6. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2022. 29 с.
7. Токолов А. В. Правовое регулирование информационных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с.
8. Андрианова А. О. Уголовно-правовое противодействие финансированию терроризма в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 287 с.
9. Моргун О. В. Криминологические аспекты мер безопасности в финансовой системе: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 265 с.
10. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремеева [и др.]; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП; НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 304 с.
11. Экономическая безопасность (уголовно-правовой формат): монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: Юридическая фирма Контракт, 2021. 320 с.
12. Нудель С. Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 81–93.
13. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]. М.: ИЗиСП; Юридическая фирма Контракт, 2019. 212 с.
14. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: Лаборатория «Sapientia», 2020. 256 с.
15. Хисамова З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.

The Systemic Organization of the Operational Set of Thinking

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-646-661

Research article
Full text in Russian

The article presents materials of a theoretical, methodological and empirical-phenomenological nature, revealing and explaining the fundamental pattern of the organization of the most important cognitive process – the essence and structure of its operational set. It is shown that the basic mental operations, which are the operations of analysis and synthesis, abstraction and concretization, comparison and generalization, reproduce in their content and composition the most important principles and patterns, means and mechanisms of system organization. Because of this, there are homomorphism relations between the set of operations and the mechanisms of the system organization. The significance of this pattern also lies in the fact that it is thinking that largely represents and embodies the procedural content of the psyche as a whole and, consequently, itself.

Keywords: thinking, cognitive hierarchy, system mechanisms, mental operations, operational set

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-4547-2848
D. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member
of RAO

Funding: Russian Science Foundation (grant 21-18-00039, <https://rccf.ru/project/24-18-00675/>)

Системная организация операционного состава мышления

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-646-661
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены материалы теоретико-методологического и эмпирико-феноменологического характера, раскрывающие и объясняющие основополагающую закономерность организации важнейшего когнитивного процесса – сущности и структуры его операционного состава. Показано, что базовые мыслительные операции, в качестве которых выступает анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, сравнение и обобщение, воспроизводят в своем содержании и составе важнейшие принципы и закономерности, средства и механизмы системной организации. На основании этого сделан вывод, согласно которому между совокупностью операций и механизмами системной организации существуют отношения гомоморфизма. Значимость этой закономерности состоит и в том, что именно мышление во многом репрезентирует и воплощает процессуальное содержание психики в целом и, следовательно, ее саму.

Ключевые слова: мышление; когнитивная иерархия; системные механизмы; мыслительные операции; операционный состав

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович	E-mail: anvikar56@yandex.ru ORCID iD: 0000-0003-4547-2848 Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО
--------------------------------	---

Финансирование: Российский научный фонда (грант № 21-18-00039, <https://rscf.ru/project/24-18-00675/>).

I

Среди всего многообразия подходов к исследованию процесса мышления особое место принадлежит двум из них, являющимся не только объективно наиболее значимыми, но и столь же традиционными. Первый из них направлен на исследование *операционного состава* этого процесса,

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

то есть того, что составляет качественную определенность любого психического процесса, в особенности когнитивного. Действительно, положение, согласно которому сама суть любого процессуально-психологического образования, а также его содержание, взятое и в качественной определенности, и в качественной специфичности, атрибутивно сопряжено именно с его операционным составом и фактически детерминировано им, является одним из основных в теоретическом плане [1, 2]. Известно также, что особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. Так, полагается (причем совершенно обоснованно), что сама суть любого психического процесса в целом, равно как и специфика каждого из них в отдельности, определяется его собственно операционным составом. О психических процессах как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если в предмете того или иного психологического исследования феноменологически зафиксирован операционный состав как таковой. И наоборот, наличие операционного состава является критически значимым атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования именно к категории психических процессов. Именно наличие операционного состава – объективная представленность и специфичность самих операций – как раз и составляет сущность любого психического процесса. Операционный состав вообще в решающей степени конституирует качественную определенность содержания любого психического процесса. Он же обуславливает и качественную специфичность любого психического процесса по отношению ко всем иным процессам. Отсутствие этого атрибута является наиболее надежным индикатором не-принадлежности того или иного предмета исследования к категории психических процессов.

Второй основной и столь же традиционный, а одновременно широко представленный подход включает различные варианты реализации по отношению к исследованию мышления методологии *системности*. Это также вполне закономерно и обусловлено в конечном счете следующим основным обстоятельством. Именно мышление, локализуясь на высшем уровне всей когнитивной иерархии, синтезирует, в силу этого, в себе все иные ее уровни – другие основные когнитивные процессы. Поэтому оно воплощает в своем структурно-уровневом строении главный принцип системной организации в целом – иерархический, что и делает наиболее конгруэнтной его исследованию аналогичную, то есть также системно-ориентированную, методологию. При реализации каждого из этих подходов, как известно, получен большой объем данных самого разного плана – и теоретико-методологических и эмпирико-экспериментальных, что демонстрирует конструктивность каждого из них.

Вместе с тем оба этих подхода, являясь, безусловно, продуктивными сами по себе, до настоящего времени разрабатывались вне должной связи друг с другом. Данная ситуация является не только не вполне естественной, но и отчасти парадоксальной. Дело в том, что и операционный состав,

и системность организации составляют не просто какие-либо рядовые особенности процесса мышления, а его определяющие атрибутивные свойства и, следовательно, они объективно взаимополагают друг друга. В связи с этим возникает необходимость перехода от их автономного по отношению друг к другу изучения к попыткам реализации их синтеза и раскрытия тех закономерностей, которые им обусловлены. Именно это и выступило основной *целью* данной работы.

Действительно, исходя из сказанного, можно предположить, что в функциональной организации и процессуальной динамике мышления должны быть с достаточно явной степенью представлены средства и механизмы собственно системного типа. Это означает, что в том «самом главном», что составляет сущность любого процесса, в том числе и мышления, в его операционном составе также должны быть воплощены и реализованы именно эти средства и механизмы. Кроме того, по нашему мнению, можно сделать и еще более «сильное» предположение, состоящее в том, что сам операционный состав мышления является производным от этих средств и механизмов, а они, в свою очередь, лежат в его основе и детерминируют его. Если это предположение подтвердится, то появятся необходимые и во многом достаточные аргументы для того, чтобы объяснить состав и содержание, а также сущность и организацию всего операционного состава мышления; дать более детализированную интерпретацию его важнейших средств – самих мыслительных операций, причем не только по отдельности, но и в их общей совокупности.

II

Переходя к рассмотрению данного предположения, прежде всего обратим внимание на следующее обстоятельство принципиального плана. Оно состоит том, что в операционном составе мышления предельно отчетливо и комплексно эксплицируются две наиболее базовые и, по существу, фундаментальные категории средств и механизмов собственно системного типа – *интеграционные* и *дифференциальные*. Более того, значимость и широкая распространенность роли этих средств и механизмов позволяет предположить, что они не просто представлены в организации мышления, но и лежат в его основе, а точнее, определяют его сущностные черты и принципы организации. Мышление, с одной стороны, объективно базируется на заложенных в этих средствах как специфически системных, а с другой – активно использует их же в своей организации и порождает осознаваемый контур его регуляции. Наконец, данное предположение допускает и еще более конкретизированную формулировку. По-видимому, между базовыми механизмами, лежащими в основе системной формы организации, с одной стороны, и операционными средствами организации процесса мышления – с другой, должно существовать не только атрибутивное сходство, но и отношения более глубокого плана – генеративно-порождающие, де-

терминационные. Их сущность, по всей вероятности, в том и заключается, что первые выступают по отношению ко вторым как базовые и наиболее значимые детерминанты их конституирования и функционирования.

Действительно, наиболее очевидным и общим является то, что *анализ* и *синтез* как базовые операции мышления – это и есть проявления на уровне психического в целом и мышления в особенности двух важнейших средств – двух операционных механизмов самой системности, то есть того, что лежит в основе организации систем и их динамики. Более того, это не только их проявления, но и воплощения: анализ и синтез как базовые операции потому и существуют, конституируя сущность мышления, что они являются конкретными средствами – операционными модулями двух базовых механизмов собственно системного плана – механизмов интеграции и дифференциации. Мышление уже в этом плане предстает как то, что не только характеризуется системными закономерностями, но и как то, что эти закономерности, а также принципы и механизмы активно использует в своей организации.

III

Далее, следует констатировать и еще одно показательное в этом плане обстоятельство. Какими бы основополагающими и фундаментальными ни были механизмы и принципы интегративного и дифференциального типа, они все же не являются так сказать «корневыми» и предельными по степени своей имплицитности и детерминационной роли в организации систем в целом и мышления в частности. Дело в том, что наряду с ними, точнее, до них и в их основе существует еще и такой аспект, принцип организации систем, который, с одной стороны, является, достаточно очевидным, а с другой – настолько общим и само собой разумеющимся, что он перестал замечаться, осознаваться и учитываться. Действительно, и интеграция, и дифференциация вообще реализуемы только в том случае, если существует нечто такое, что делает возможным своего рода контакты между частями интегрируемого и дифференцируемого – взаимодействия и взаимосвязи между ними. Иными словами, должно быть обеспечено базовое условие – условие возможности их взаимодействия, контактов между ними. Только при этом условии может возникнуть все иное – те следствия, которые порождаются в его результате. Неслучайно поэтому именно *отношение* как категория системного подхода, а также понятие связи (и зафиксированная в нем реальность) рассматривается в системном подходе как базовая единица важнейшего аспекта конституирования систем – того, что обеспечивает их структурообразование, выступающее, в свою очередь, основой для всей системы. Структура даже по определению – это и есть совокупность связей внутри какой-либо целостности.

Однако в этом плане опять-таки трудно не видеть прямой и атрибутивной сопряженности этого так сказать протомеханизма системообразования

с аналогичной по степени имплицитности и обобщенности сферы ее действия мыслительной операцией – *сравнением*. И хотя именно эта операция нередко упускается из виду в исследованиях операционного состава мышления, в действительности она является базовой и важнейшей. На это обращали внимание многие крупнейшие исследователи мышления, начиная с И. М. Сеченова, указывавшего именно на сравнение как на важнейшее условие мышления и как на один из основополагающих «элементов мысли» [3]. Сравнение – это и есть установление отношения, что является объективным условием для всего дальнейшего развертывания процесса переработки информации в целом и мышления как ведущего реализатора этой переработки в частности [4].

Поэтому операция сравнения как наиболее фундаментальная из всех когнитивных операций находится в основании установления отношений между любыми сущностями. Выделяя отношения посредством сравнения, познающий субъект конституирует и конструирует сами объекты познания, а затем и их структуру посредством синтезов ряда отношений. Способность психики к структурированию реальности как раз и базируется на этой операции, поскольку «единицей» структуры является отношение между объектами. Однако именно установление отношений как таковых и лежащая в его основе способность представлять и/или выделять из окружающей среды несколько объектов в виде одной совокупности предполагает наличие между объектами связей (взаимодействий). Эта когнитивная активность по объединению объектов на основе обнаружения у них неких общих характеристик порождает новый мыслительный объект, который обозначается понятием множества, включающего несколько объектов, объединенных, во-первых, хронологически, а во-вторых, хотя бы одним общим признаком. Тем самым операция построения отношений выступает не только как базовый механизм структурирования реальности, но и как основной механизм репрезентации психикой внешней среды, а также аналогичный важнейший механизм конституирования внутренней среды и ее репрезентации на уровне сознания.

IV

Несколько более имплицитный, но не менее показательный характер носит соответствие принципов и механизмов системной формы организации и еще двух основных мыслительных операций, поскольку они сами также являются более сложными, чем базовые операции сравнения, анализа и синтеза, производными от их взаимодействия и потому – вторичными. В этом плане следует иметь в виду и одно из основных положений психологии мышления, сформулированное именно при раскрытии его операционного состава. Оно состоит в том, что базовые – первичные мыслительные операции могут комплексироваться, а в результате их синтеза складываются операционные образования более сложного плана – вторичные операции.

Классическим примером и наиболее показательным проявлением этого выступает, разумеется, та операция, которую впервые описал С. Л. Рубинштейн – *анализ через синтез*¹. Данная операция тесным образом не просто сопряжена с еще одним важным механизмом системной динамики в целом и системных качеств в частности, но и выступает его воплощением в мышлении. Этот механизм, как известно, заключается в том, что, наряду с системными качествами собственно интегративного плана, существуют и дифференциальные системные качества. Их сущность в том и состоит, что нечто может обретать все новые качества посредством включения в разные контексты, целостности, обретая в них все новые качественные спецификации. Можно видеть также, что именно это как раз и составляет сущность операции анализа через синтез: тот или иной компонент его содержания – та или иная субъектная репрезентация последовательно включается в разные контексты. Эти контексты выступают в функции системы по отношению к ним, в силу чего в контексте этих целостностей у самих компонентов – репрезентаций – эксплицируется новое содержание, генерируется новое знание, что и является сутью самого мышления.

Очевидна также связь данного механизма с еще одной, но более традиционной мыслительной операцией – *конкретизацией*. Дело в том, что, включаясь в ряд сменяющих друг друга контекстов, выступающих в функции систем по отношению к той или иной репрезентации, последние обретают то, что в системной методологии обозначается понятием *внутри-системного*, то есть конкретного бытия. В результате этого они обретают каждый раз новые спецификации. В более общей формулировке это обозначается понятием механизма «удвоения качеств» – порождения, наряду с качественной определенностью, еще и качественной специфичности. Следовательно, сама классическая, традиционно выделяемая операция конкретизации, с одной стороны, и зафиксированная С. Л. Рубинштейном операция «анализа через синтез», с другой стороны, эксплицируются фактически как во многом подобные или даже тождественные. Их общность как раз и состоит в том, что в них представлена и воплощена еще одна фундаментальная и в принципе хорошо известная закономерность и, более того, механизм системного типа. Он, как отмечалось, обозначается и как механизм «удвоения качеств» и, что еще более показательно, как обретение некоторой сущностью внутрисистемного бытия, которое фиксируется также в понятии конкретного бытия. Подчеркнем, что в этом плане понятия внутрисистемного и конкретного бытия вообще являются синонимичными. За счет этого и достигается обретение некоторыми сущностями

¹ Она состоит в следующем. «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [2]

все новых и новых качественных характеристик, за счет этого же в них эксплицируются все новые свойства – генерируется знание как таковое.

V

Далее, как показано в исследованиях последнего времени [5], существует еще одна важная и как бы симметричная предыдущей мыслительная операция, обозначаемая понятием *синтеза через анализ*. Она состоит в том, что какой-либо компонент мышления – некоторое локальное знание или же концептуальная, понятийная репрезентация, – выступающий исходно именно как компонент в связи с его включенностью в контексты ситуации, представления, условия, посылки, может автономизироваться. Он выделяется из них – из контекста этой исходной целостности и предстает тем самым уже не как часть целого, а как само это целое. В итоге складываются необходимые предпосылки для экспликации у него и таких особенностей, которые характеризуют его именно как целостность системных качеств. Эти качества были редуцированы и не представлены в очевидном виде, когда он выступал в качестве компонента целостности, а не самой этой целостности. Тем самым в этом случае имеет место перевод компонента из статуса части целого в статус условно полагаемого, но все же некоторого целого. Сам анализ предстает достаточно неожиданной гранью: он не только расчленяет что-либо, но и позволяет представить каждый компонент как относительно автономное образование и отнестись к нему как к целому, а тем самым распознать в нем новые качества, которые по своей сути являются системными. Однако они носят противоположный характер по отношению к тем, которые были присущи предыдущей операции – анализу через синтез. Если в ее результате порождались дифференциальные системные качества, то в результате этой операции порождаются *интегральные* системные качества.

Вместе с тем очень показательно, что именно сквозь призму этой особенности оказывается возможным выявить еще одну очень важную грань операционного состава мышления, еще одну его операцию, в которой также находит свое воплощение важная закономерность системного типа. Дело в том, что именно представление некоторой части исходной целостности в качестве самой хотя и условно полагаемой, но все же целостности как раз и позволяет эксплицировать у него качества, присущие целостности; эксплицирует воплощенность в операционном составе мышления базовых принципов и механизмов системного типа. По самой своей сути собственно системные качества, будучи объективно присущие ему, оставались, однако, в латентной – виртуальной форме тогда, когда оно было представлено именно как часть целого.

Кроме того, они же трансформируются из статуса виртуальных в статус актуальных при том условии, что нечто автономизируется и предстает уже не как часть целого, а как само это целое, так как системные качества

являются именно «функцией от целостности». Феноменологически данная операция и процесс, лежащий в ее основе, представлены очень явно; настолько очевидно и понятно, что фактически перестают замечаться и, соответственно, рассматриваться как мыслительная операция, полагаясь как «само собой разумеющаяся» данность. Эта данность представлена в самом акте, точнее, процессе *осознания* как таковом. Именно осознание чего-либо как раз и является феноменологическим эквивалентом и опять-таки механизмом «выделения» какой-либо части целого в качестве самого целого. Как принято выражаться в подобных случаях, «внимание концентрируется на том или ином аспекте, части». Они выступают как целенаправленно дифференцируемые в том или ином контексте, в той или иной концептуальной «сетке». Однако тем самым осознание как операция фактически сближается или даже отождествляется с еще одним, пожалуй, наиболее баковым и специфически системным механизмом. Это, разумеется, тот механизм, который состоит в реализации целью функций именно *системообразующего фактора* для конституирования той или иной целостности. Постановка цели и, следовательно, производный от нее феномен осознания чего-либо в качестве условно дифференцированной целостности – это и есть ключевое средство обретения частью целостности статуса системного образования.

VI

В связи с этим возникают весьма важные, но одновременно и трудные вопросы: когда и почему, в силу каких причин нечто вообще начинает осознаваться? Что переводит регуляцию поведения и переработки информации на осознаваемый уровень? Какие детерминанты лежат в основе процесса осознания? Когда цель начинает реализовывать функции системообразующего фактора? По нашему мнению, можно предложить следующий вариант их решения. Как известно, в основе функциональной организации психики в целом и всех ее парциальных аспектов в частности лежит именно принцип системности, поскольку она разворачивается на основе тех или иных психологических функциональных систем. В свою очередь, это означает, что в ней воплощен и такой важнейший принцип, как принцип «кольцеобразности», принцип обратносвязевой регуляции. Он, прежде всего, предполагает атрибутивную связь двух важнейших компонентов регуляции – цели и результата. Цель, собственно говоря, это и есть антиципируемый результат, представленный исходно в идеальной форме. Вместе с тем если поставленная цель, соотношенная с конкретными условиями, приводит к тому, что эти условия оказываются достаточными для ее реализации, то становится непосредственно возможным и достижение самого результата. Здесь не требуется фактически никаких специальных, развернутых операций для перехода от цели к результату, от ее формулировки к ее же достижению. Как говорится в таких случаях, этот переход осуществляется

автоматически. Но это же означает, что он реализуется без и вне подключения механизмов и других средств осознаваемого уровня регуляции. Если это невозможно и переход от сформулированной цели к ее достижению не реализуем автоматически, то возникает иная ситуация. Она как раз и является наиболее специфичной по отношению к мышлению – оно активируется именно при этом условии: поставленная цель недостижима в данной ситуации по причине недостаточности знаний, существующей неопределенности, которую и необходимо преодолеть с его помощью. Однако за счет этого уже сама по себе такая невозможность является необходимым и достаточным условием для активации осознания как такового, для того чтобы возник сам феномен осознания, то есть для перевода регуляции на осознаваемый уровень.

В связи с этим можно констатировать также, что порождение осознания, активация сознания как таковая носят совершенно объективный характер. Более того, как это ни непривычно звучит, но в свете сказанного становится очевидным, что сама активация сознания – акт осознания – носит неосознаваемый характер. Эта активация, повторяем, выступает необходимой реакцией и ответом на то, что переход от цели к ее достижению невозможен в тех или иных условиях. В противном случае такая активация не требуется и необходимость в осознании не возникает. Следовательно, можно видеть, что осознание, являющееся непосредственной функцией от механизма целеобразования, фактически тождественно подключению всего арсенала средств, заложенных в системной форме организации. Цель начинает выступать в качестве системообразующего фактора, что и приводит к их подключению. Можно сказать, что осознание как функция от отсутствия результата активирует системность как таковую. Само же осознание предстает очень важной гранью: оно выступает как феноменологический эквивалент системности как таковой. Только там, где активируется сознание, а именно в акте осознания, регуляция активности, в том числе и когнитивной, начинает строиться на основе принципов и механизмов системного типа. Осознание – это и есть феноменология системности. В этом свете еще более явно предстает тезис, давно и прочно вошедший в психологию сознания, согласно которому, как отмечал Л. С. Выготский, «системность есть критерий сознания» [6]. Более того, данный тезис не только эксплицируется, но и в определенной степени объясняется, раскрывается на основе сформулированных выше заключений.

В итоге всего этого дифференцированный в качестве условно полагаемой целостности – квазисистемы – тот или иной компонент, скажем, та или иная субъектная репрезентация эксплицирует те свойства, которые были представлены у него лишь в латентной форме, когда он выступал именно как компонент целостности, но не сама эта целостность. Обратим внимание и на очень показательное, даже этимологическое, тождество понятий цели и целостности. Именно цель – осознать что-либо – это и есть

средство придания ему статуса целостности, а перевод на осознаваемый уровень – фактически простое осознание чего-либо – это и есть вещающее условие экспликации новых системных качеств. Причем очень характерно и то, что сам процесс мышления характеризуется и перманентной сменой таких «фокусов осознания» и, следовательно, постоянно сопровождается генерацией все новых системных качеств, соответствующих тому или иному осознанию. Тем самым осознание как таковое выступает относительно простейшим и одновременно базовым актом генерации системных качеств: осознать что-либо означает представить его как целостность, пусть и условно полагаемую, но все же систему, а это необходимо и достаточно для экспликации у него системных качеств как таковых.

Несмотря на свой фундаментальный характер, все это не эксплицировано пока именно как следствие и воплощение закономерностей и принципов системного типа. Однако именно в этом они как раз и проявляются и, более того, составляют сущность не какой-либо рядовой из них, а базовой – объективно основной. Ей и выступает воплощенность в операционном составе мышления критически важного механизма системного типа, который вообще конституирует системность механизма, состоящего в том, что именно цель выступает системообразующим фактором [7]. К сожалению, до настоящего времени эта глубинная связь не была эксплицирована и реализована в исследованиях мышления и, как следствие, сама эта операция не получила пока терминологического оформления. В связи с этим для ее фиксации, по-видимому, целесообразно сохранить хотя и не вполне строго передающий ее сущность, но привычный и достаточно общий термин осознания. Однако оно должно быть понято не в общем и абстрактном плане, не как просто перевод чего-либо на осознаваемый уровень, а в плане того, что за ним – осознанием – стоит и что оно означает именно с позиций механизмов системного типа. Стоит же за ним, вернее, воплощается в нем именно базовый механизм системообразования – реализация целью функций системообразующего фактора как основы для конституирования системности как таковой.

VII

Вместе с тем воплощенность в операционном составе мышления базовых принципов и механизмов системного типа может реализовываться и по иному сценарию. Однако этот сценарий имеет существенно более имплицитный и трудный для обнаружения характер, в силу того что на первый взгляд он представляется не только несистемным, но и асистемным или даже антисистемным. Действительно, еще одна, также базовая, мыслительная операция, сущность которой полагается хорошо раскрытой – *абстрагирование*, в действительности должна быть понята и в несколько ином не вполне традиционном плане. В самом деле, абстрагирование как таковое именно по своей сути есть отвлечение от чего-либо, упрощение и схема-

тизация, преднамеренный неучет тех или иных сторон содержания мышления и т. д. Оно может осуществляться за счет придания тому или иному содержанию более простого вида путем отвлечения от каких-либо его сторон, то есть за счет снижения степени его комплексности и многоаспектности. Оно, однако, может осуществляться и за счет преднамеренного неучета связей содержания с другими контекстами, с другими целостностями, то есть фактически за счет деструкции его связей с другими сущностями. Однако можно видеть, что в этом как раз и проявляется одна из фундаментальных особенностей и закономерностей собственно системного типа, представленная, правда, в инверсионной форме (что, кстати говоря, как раз и блокирует ее распознавание именно в качестве системной). Это – механизм продуктивной асистемности: порождение, а затем преодоление асистемности является обязательным атрибутом сложноорганизованных систем и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового. Подчеркнем специально, что это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для обогащения системы новым содержанием. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью ее преодоления выступает тем самым мощным эмерджентным фактором продуктивного мышления. Осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности за счет операции абстрагирования позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность мышления и воплощенности в его операционном составе именно системных механизмов, равно как и принципов системной организации.

Вместе с тем воплощенность в операционном составе мышления базовых принципов и механизмов системного типа может реализовываться и по иному сценарию. Однако этот сценарий имеет существенно более имплицитный и трудный для обнаружения характер, в силу того что на первый взгляд он представляется не только несистемным, но и асистемным или даже антисистемным. Действительно, еще одна, также базовая, мыслительная операция, сущность которой полагается хорошо раскрытой – *абстрагирование*, в действительности должна быть понята и в несколько ином не вполне традиционном плане. В самом деле, абстрагирование как таковое именно по своей сути есть отвлечение от чего-либо, упрощение и схематизация, преднамеренный неучет тех или иных сторон содержания мышления и т. д. Оно может осуществляться за счет придания тому или иному содержанию более простого вида путем отвлечения от каких-либо его сторон, то есть за счет снижения степени его комплексности и многоаспектности. Оно, однако, может осуществляться и за счет преднамеренного неучета связей содержания с другими контекстами, с другими целостностями, то есть фактически за счет деструкции его связей с другими сущностями. Однако можно видеть, что в этом как раз и проявляется одна из фунда-

ментальных особенностей и закономерностей собственно системного типа, представленная, правда, в инверсионной форме (что, кстати говоря, как раз и блокирует ее распознавание именно в качестве системной). Это – механизм продуктивной асистемности: порождение, а затем преодоление асистемности является обязательным атрибутом сложноорганизованных систем и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового. Подчеркнем специально, что это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для обогащения системы новым содержанием. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью ее преодоления выступает тем самым мощным эмерджентным фактором продуктивного мышления. Осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности за счет операции абстрагирования позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность мышления и воплощенности в его операционном составе именно системных механизмов, равно как и принципов системной организации.

Безусловно, механизм продуктивной асистемности присущ не только и даже не столько мышлению. Он имеет достаточно общую сферу действия. Однако именно по отношению к нему эта действительно общая закономерность обретает новый статус. Она трансформируется из *закономерности* (то есть того, чему система объективно подчиняется) в *операционное средство* генезиса: система не только подчиняется этой закономерности, но и сама *порождает*, а затем *использует* ее в целях своего функционирования и генезиса. Следовательно, важной гранью воплощения в операционном составе мышления собственно системных механизмов является то, что одна из базовых операций – абстрагирование – является именно таковой, поскольку позволяет воплотить в нем важнейший механизм продуктивной асистемности, а тем самым выйти даже за пределы системности – преодолеть атрибутивно присущие ей ограничения. Абстрагирование – это своеобразный уход от системности; операция, противоположная по своей направленности системности как таковой и потому условно преодолевающая ее. Однако это осуществляется для того, чтобы в конечном итоге повысить потенциал самой системности. Системно-организованные процессы включают и такое операционное средство, которое позволяет им быть, хотя и условно, преднамеренно становящейся «не системой», расширяя, однако, за счет этого свои возможности.

VIII

Наконец, несколько более сложной и трудно распознаваемой, но важной является и сопряженность системных механизмов с еще одной традиционной и во многом определяющей мыслительной операцией – *обобщением*. Она также может быть понята как продукт и результат комплексирования

двух наиболее фундаментальных мыслительных операций (анализа и синтеза) и – в еще большей степени – как продукт дальнейшего усложнения взаимодействий, лежащих в их основе механизмов интеграционного и дифференциального типов. Поясним сказанное. Действительно, любой акт обобщения при ближайшем рассмотрении также эксплицируется как атрибутивно двухкомпонентный, двухфазный. С одной стороны, оно предполагает выделение в тех или иных сущностях – предметах мышления – наиболее важных и существенных общих его свойств. Именно они как раз и являются его обобщенными системными качествами. Иными словами, на первой фазе действует все тот же механизм системных качеств, но как операционных средств мышления. Однако затем и на базе этого происходит фиксация того, что у некоторого множества предметов эти общие для них свойства также являются общими, но уже для самого этого множества. Само обобщение производит не по второстепенным и несущественным так называемым латентным признакам, а по наиболее существенным общим и потому системным их свойствам. Обобщение – это синтез общих особенностей.

Следовательно, сама операция обобщения фактически выступает как суперпозиция двух актов синтеза – двух актов обобщения. Первый – это установление общих системных качеств, присущих каждому из «предметов мысли». Второй – это обнаружение и фиксация общности самих системных их качеств. Обобщение – это не просто синтез (и тем обобщение как операция отличается от синтеза как операции); это – «обобщение обобщений», то есть операция синтеза через синтез. Обобщение – это не просто синтез как объединение любых черт этих предметов, а именно главных, наиболее существенных, для них. Однако, чтобы обеспечить такой синтез, эти главные черты также должны быть установлены, что требует, разумеется, еще одного акта синтетического плана – сравнения и для этого объединения, совместного рассмотрения и сопоставительной оценки ряда сторон этих предметов. Для обобщения поэтому требуются также два этапа, но уже не анализа, а синтеза, в силу чего его следует эксплицировать как «синтез через синтез», синтез (вторичный) на основе первичного синтеза. Причем здесь мы сталкиваемся с еще одной важной системной закономерностью – с открытостью тех процессов, которые разворачиваются на их основе. Действительно, первичное обобщение дает на выходе порождение системных качеств, присущих каждому из предметов в отдельности. Однако на втором этапе сами эти системные качества как общие также подвергаются синтезу, что приводит к «вторичным» системным качествам. Они, в свою очередь, означают генерирование нового знания, могут затем фиксироваться и использоваться как содержательные послышки для последующего разворачивания мышления – они из статуса результата трансформируются в статус компонентов содержания. Тем самым мышление, генерируя посредством операции обобщения все новые результаты – системные качества, использует их же для своего осуществления. Это позволяет более полно понять

свойства продуктивности и эмерджентности – самообогащения и «само-строительства» мышления. Не случайно в связи именно с этим данная операция нередко рассматривается как наиболее важная и максимально специфичная мышлению и она отражена даже в его определении (мышление – это обобщенное, опосредствованное познание действительности).

Можно видеть, что четыре последние операции, являясь в действительности закономерным эффектом комплексирования двух базовых операций – анализа и синтеза, одновременно эксплицируют в новом свете сами традиционные мыслительные операции. Так, анализ через синтез в новом свете раскрывает операцию конкретизации, синтез через анализ – операцию осознания, анализ через анализ также в дополнительном плане эксплицирует операцию абстрагирования, синтез через синтез – столь же очевидно сопряжен с операцией обобщения, Тем самым не только дополняются, но и углубляются традиционные представления об операционном составе мышления. Однако, по нашему мнению, еще более существенно, что сами традиционные операции эксплицируются в новом свете. Они раскрываются как воплощение принципов и механизмов системности и в конечном итоге базируются на наиболее фундаментальных из них – механизмах *интегративного* и *дифференциального* типа. Анализ и синтез выступают базовыми операциями, а посредством их комплексирования, то есть без выхода за пределы их содержания, а только на основе заложенного в них потенциала, конституируются все иные операции. Так, анализ через синтез приводит к конституированию дифференциальных системных качеств, синтез через анализ приводит к конституированию интегральных системных качеств. Вместе с тем анализ через анализ также приводит к еще одному специфически системному, но представленному в инверсионном виде механизму – механизму продуктивной асистемности. Операция синтеза через синтез выступает основным средством и механизмом другой основной операции – обобщения. Кроме того, в операционном составе мышления находят свое воплощение и три базовых механизма системного типа. Во-первых, механизм *«удвоения качеств»*, представленный в обретении посредством операции анализа через синтез некоторыми сущностями своего конкретного внутрисистемного бытия. Во-вторых, механизм *продуктивной асистемности*, представленный в операции абстрагирования. В-третьих, представленный в операции осознания ключевой механизм системного типа, в качестве которого выступает реализация целью процесса функций его *системообразующего фактора*. Кроме того, в основе всех этих операций и их сопряженности с системными принципам и механизмами лежит наиболее базовая операция – сравнение и ее системный эквивалент, точнее, основа – онтологически представленные, а затем гносеологически дифференцируемые связи, взаимодействия между частями целого, совокупность которых образует структуру целого и, следовательно, основу системности как таковой.

Итак, исходя из всего изложенного, эксплицируется обстоятельство, которое до сих пор парадоксальным образом не осознавалось и не фиксировалось, хотя оно является и достаточно важным, и весьма общим. Оно вытекает и из самой сути системной методологии в целом и ее реализации по отношению к исследованию мышления в особенности и заключается в следующем. В том самом главном, что составляет сущность, качественную определенность любого психического процесса и обуславливает его специфичность по отношению к иным процессам (операционном составе), находит очень явное и полное, фактически атрибутивное воплощение вся совокупность основных механизмов и принципов, лежащих в основе системной формы организации в целом. В самом деле, пора со всей отчетливостью осознать тот основополагающий факт, что базовые мыслительные операции, в качестве которых обычно рассматриваются операции анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации и др. воспроизводят в своем содержании и составе важнейшие принципы и закономерности системной организации, являются их воплощением. Между ними, с одной стороны, и совокупностью базовых мыслительных операций – с другой, существуют отношения если не изоморфизма, то, по крайней мере, гомоморфизма. Несколько схематизируя это положение, можно сказать и так: по-видимому, само мышление в его процессуальной организации и операционной динамике – это и есть своего рода «системность в действии». Важность этого состоит и в том, что именно мышление во многом репрезентирует и воплощает процессуальный аспект психического в целом и, следовательно, его само.

Ссылки

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1978. 380 с.
2. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: АН СССР, 1958. 147 с.
3. Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: АН СССР, 1952. Т. 1. 771 с.
4. Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань», 2022. 816 с. EDN PTNMWV.
5. Карпов А. В. Структура и сущность субъективной реальности : В 2 томах. Том 1. Ярославль: Филигрань, 2021. 627 с. EDN UJCNSV.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 376 с.
7. Анохин П. К. Избранные труды. М.: Наука, 1978. 399 с.

Structural features of the mechanisms of psychological protection and coping strategies for people from large and single-parent families

S. A. Trifonova¹, M. V. Galmak²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²ABC Behavioral Analysis Center, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-662-671

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of coping behavior and psychological defense mechanisms in people from single-parent and large families. Respondents who grew up in families with different numbers of children demonstrate the specific features of their intrapersonal structures of coping behavior. The structural organization of ways of coping behavior of a person for people from single-parent and large families differs, in addition, the structures of ways of coping behavior of a person are heterogeneous in terms of the content of relationships within them for people from families with different numbers of children.

Keywords: coping behavior strategies; psychological defense mechanisms; structure of coping behavior methods

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Galmak, Maria V | E-mail: masha_galmak@mail.ru
Graduate

Структурные особенности механизмов психологических защит и копинг-стратегий у выходцев из многодетных и однодетных семей

С. А. Трифонова¹, М. В. Гальмак²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Центр Поведенческого Анализа «АВС», Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-662-671
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования копинг-поведения и психологических механизмов защиты у выходцев из однодетных и многодетных семей. Респонденты, выросшие в семьях с разным количеством детей, демонстрируют специфические особенности сложившихся у них внутриличностных структур способов совладающего поведения. Структурная организация способов совладающего поведения личности для выходцев из однодетных и многодетных семей различается, кроме того, структуры способов совладающего поведения личности являются разнородными по содержанию взаимосвязей внутри них для выходцев из семей с разным количеством детей.

Ключевые слова: стратегии совладающего поведения; механизмы психологических защит; структура способов совладающего поведения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифонова, Светлана Алексеевна

E-mail: sv-trif@mail.ru

Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и политической психологии

Гальмак, Мария Васильевна

E-mail: masha_galmak@mail.ru

Магистр психологии

Введение

Одним из важнейших условий, которое влияет на формирование суверенности психологического пространства личности, является семья, в том числе такие её характеристики, как количество детей в ней, порядок их рождения, а также стили воспитания в семье. Кроме того, дружественная домашняя среда может давать человеку силы противостоять стрессам и сложным ситуациям: она способствует тому, чтобы человек, желая

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

справиться со стрессовыми ситуациями, выбирал наиболее адаптивные для этого способы защитного поведения, среди которых выделяют бессознательные механизмы психологической защиты и сознательные стратегии совладания со стрессом (копинг-стратегии); они не противостоят друг другу, но в своём функционировании дополняют друг друга. Недружественная домашняя среда связывается с выбором неадаптивных способов совладающего поведения для преодоления трудных жизненных ситуаций [1]. Отношения внутри семьи есть одно из важнейших условий возникновения, формирования и последующего развития не только психологического пространства личности, но и внутриличностной системы способов совладающего (защитного) поведения.

Таким образом, в качестве объекта нашего эмпирического исследования выступают совладающее поведение и механизмы психологических защит у выходцев из однодетных и многодетных семей; предмет нашего изучения – специфика структурной организации механизмов психологической защиты и копинговых стратегий у выходцев из однодетных и многодетных семей. Нами была выдвинута гипотеза, что респонденты, выросшие в семьях с разным количеством детей, продемонстрируют специфические особенности сложившихся у них внутриличностных структур совладающего поведения: структурная организация способов совладающего поведения личности для выходцев из однодетных и многодетных семей различается; кроме того, структуры способов совладающего поведения личности являются разнородными по содержанию взаимосвязей внутри них для выходцев из семей с разным количеством детей.

В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 17 до 23 лет, из них 30 – единственные дети в семье, 30 – выходцы из многодетных (трёхдетных) семей. В каждой из двух исследуемых групп респондентов – 15 мужчин и 15 женщин.

Методическое обеспечение исследования

Опросник «Индекс личностного стиля» Р. Плутчика – Г. Келлермана – Г. Конте (Life Style Index) (в адаптации Е. С. Романовой, Л. Р. Гребенникова), «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой), методы математической статистики.

Результаты исследования

Мы установили наличие общих значимых положительных связей между функционированием отдельных механизмов психологической защиты для респондентов – выходцев из однодетных и многодетных семей. Для обеих групп респондентов характерна положительная взаимосвязь между показателями проекции, компенсация и гиперкомпенсации как механизмов психологической защиты; правда, для выходцев из многодетных семей связь между проекцией и гиперкомпенсацией более явная и однозначная, что может быть связано с психологическими качествами, присущими вы-

ходцам из больших семейств и особенностями обстановки воспитания таких детей. Возможно, компенсация в своём функционировании просто дополняет активизирующуюся проекцию, которая сдерживает чувство неприятия индивидом самого себя через приписывание окружающим в том числе тех качеств, которые он в себе и не принимает; соответственно, компенсация (и гиперкомпенсация как идеальная её форма) как механизм преодоления чувства собственной неполноценности предполагает попытки работы над собой через исправление как раз того, что человек в себе не принимает, того, что заставляет его чувствовать себя неполноценным [2].

Весовые коэффициенты каждого из механизмов психологической защиты в исследуемых группах респондентов показывают нам, что в группе выходцев из многодетных семей базовым качеством для структуры механизмов психологической защиты становится гиперкомпенсация, а у единственных детей в семье – замещение. Дети из многодетной семьи, считающие себя частью большого коллектива, воспринимающие себя в его рамках и потому не осознающие ценности собственного личностного «Я», с возрастом могут начать самоутверждаться в попытках доказать уникальность или неповторимость собственной личности, что соответствует как раз описанию действия защитного механизма гиперкомпенсации. Единственный же ребёнок в семье, по ходу взросления и личностного развития, взаимодействует в рамках семейной системы преимущественно с родителями, чье отвержение несёт в себе опасность, т. к. ему будет тяжело выжить без помощи со стороны взрослого.

У выходцев из многодетных семей есть такие механизмы психологической защиты, которые в своём функционировании никак не связаны с другими; у единственных же детей в семье, напротив, практически нет такого защитного механизма, который не подкреплялся бы активностью функционирования других.

Количественные характеристики структурограмм механизмов психологической защиты выходцев из многодетных семей и однодетных дают нам основания утверждать, что наибольшая организованность системы механизмов психологической защиты прослеживается в группе респондентов – единственных детей в своих семьях.

Далее мы проанализировали, какими являются системы индивидуального копинга у респондентов из исследуемых нами групп. Мы обнаружили общую для респондентов – выходцев из однодетных и многодетных семей статистически значимую положительную связь между показателями степени активности функционирования таких копинговых стратегий, как планирование решения проблемы и положительная переоценка, при этом для единственных детей в семье эта связь сильнее. Судя по всему, планирование решения проблемы и положительная переоценка, будучи высокоэффективными копинговыми стратегиями, работают в своём функционировании вместе, усиливая конструктивное влияние друг друга.

Если стратегия планирования решения нацелена на преодоление проблемы в настоящем моменте времени за счёт анализа сложившейся ситуации и возможных вариантов поведения в ней, выработки оптимального способа разрешения проблемы, планирования собственных действий (с учётом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся в наличии ресурсов), то стратегия положительной переоценки позволяет преодолеть негативные переживания, связанные с возникшей проблемой, за счёт взгляда в будущее и рассмотрения её как стимула для личностного роста [3]. Взаимодействуя друг с другом, эти стратегии мобилизуют индивида в проблемно-ориентированном и эмоционально-ориентированном плане, что способствует более эффективному разрешению субъектом той личностной проблемы, с которой он столкнулся.

Выходцы из многодетных и однодетных семей демонстрируют специфические особенности сложившихся у них внутриличностных структур индивидуального копинга. В целях описания качественного своеобразия получившихся структур мы переходим к анализу содержания базовых для каждой из них качеств – тех элементов структуры, которые имеют максимальное число связей с другими элементами, то есть обладают наибольшими структурными весами [4].

В группе выходцев из многодетных семей базовыми качествами для структуры интраиндивидуального копинга становятся планирование решения проблемы и принятие ответственности, а у выходцев из однодетных семей – планирование решения проблемы и положительная переоценка. Взрослые респонденты – выходцы из семей с разным количеством детей, зрелые по своему личностному развитию ориентированы на то, чтобы при столкновении с проблемой обдумывать возможные способы её разрешения. Однако для тех, кто был единственным ребёнком в семье, важен также эмоциональный аспект, поэтому целенаправленный анализ проблемной ситуации они сочетают с преодолением негативных эмоций, этой ситуацией вызванных, за счёт положительного её переосмысления. Можно предположить, что выходцы из однодетных семей привыкли ощущать эмоциональное напряжение, поэтому направляют все энергетические ресурсы на его преодоление и сознательные стратегии работы с ним. Тогда как выходцы из многодетных семей ориентированы сугубо на разрешение самой проблемной ситуации, поэтому работают исключительно с ней и своей ролью в этой ситуации. Тем самым они компенсируют тенденцию избегать прямого столкновения с проблемой и её разрешения, подавляя в себе такое стремление. Это делает структуру индивидуального копинга выходцев из многодетных семей более организованной, что показывают нам количественные характеристики структурограмм копинговых стратегий выходцев из многодетных семей и однодетных.

Выходцы из многодетных семей, взрослея, ориентируются на то, чтобы продемонстрировать уникальность своего личностного «Я», скомпенсировать

ощущение собственной неполноценности. Поэтому они не могут позволить себе избегать проблемных ситуаций при столкновении с ними; напротив, им важно разрешать их, доказывая себе и другим, что они это могут. Кроме того, у выходцев из многодетных семей сверхсуверенность психологического пространства личности выше, чем у тех, кто рос и воспитывался единственным ребёнком в семье [5]. Скорее всего, детям из больших семейств приходилось отстаивать своё право на то, чтобы иметь личные границы, в связи с чем они привыкли к психологическому преодолению: не к снижению психического дискомфорта и подготовке к разрешению проблемы, а к прямому столкновению с ней и её разрешению, что и отличает их от респондентов – единственных детей в семье.

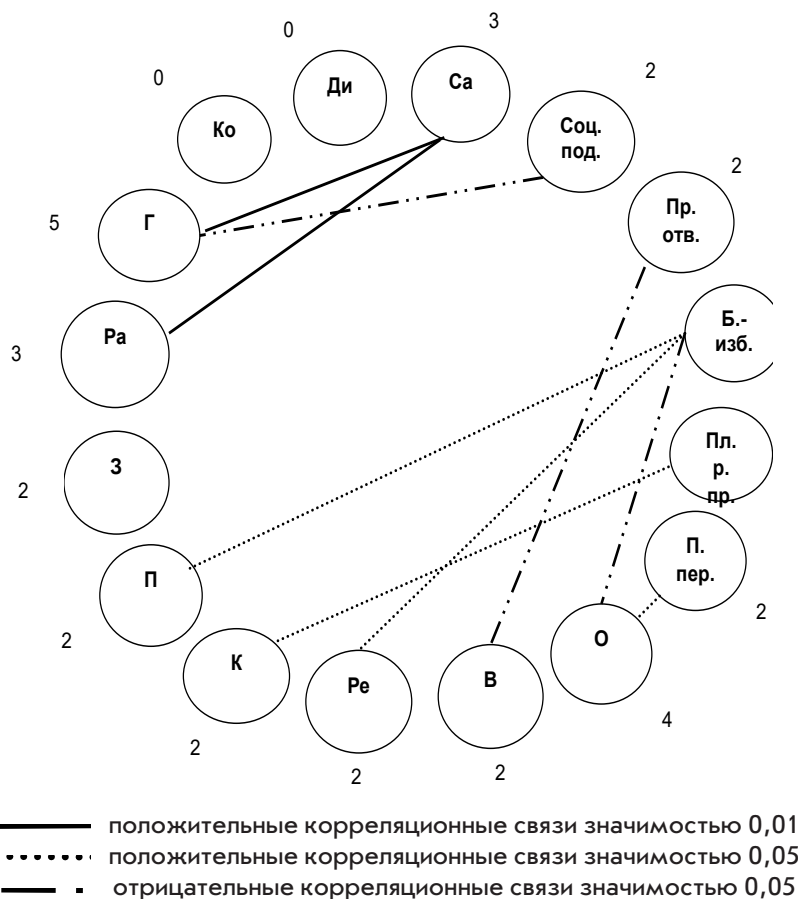
Мы также проанализировали взаимосвязи между показателями механизмов психологической защиты и копинговых стратегий для респондентов – выходцев из многодетных и однодетных семей.

На рис.1 представлена структурограмма способов совладающего поведения и механизмов психологических защит у респондентов, родившихся в многодетной семье.

На рис. 2 представлена структурограмма способов совладающего поведения и механизмов психологических защит у респондентов, родившихся в семье, где они были единственным ребенком.

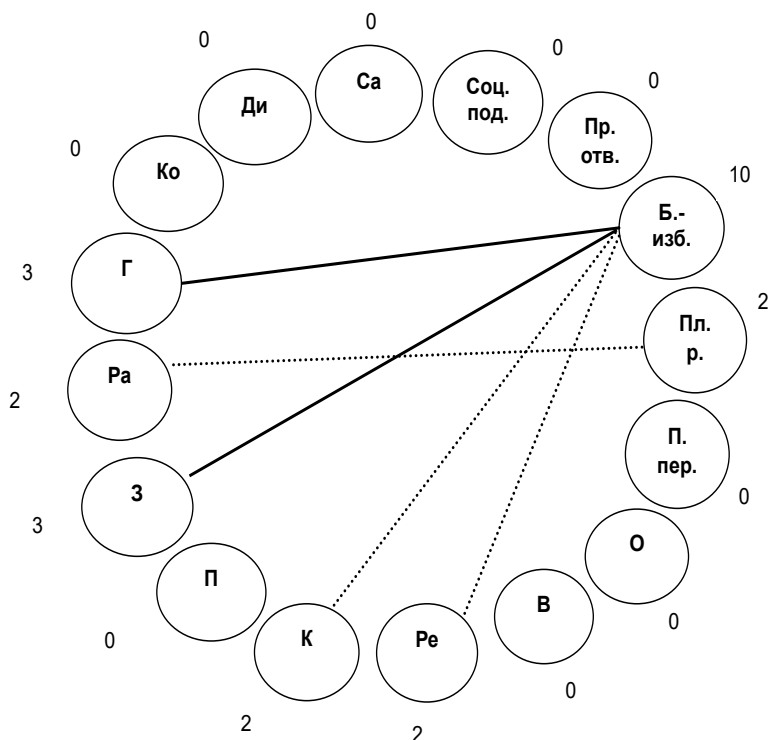
Для респондентов – выходцев из однодетных семей и многодетных присущи статистически значимые положительные связи между показателями таких защитных механизмов, как замещение и регрессия, и такой копинговой стратегией, как бегство-избегание. Общность данной связи для респондентов – выходцев из семей с разным количеством детей указывает на сходное содержание конструкторов, отражающих выявленную взаимосвязь. Многие исследователи указывают, что копинговая стратегия бегства-избегания не отличается высокой эффективностью [6]. Если стратегия совладания с проблемой по типу бегства-избегания подразумевает уход от этой самой проблемы, то и такие защитные механизмы, как замещение и регрессия, предполагают сдерживание неприятных для индивида переживаний, иначе говоря, отказ от этих эмоций, отстранение от них. Регрессия функционирует для сдерживания чувства неуверенности в себе [2, 7]: она как механизм психологической защиты личности характеризуется тем, что в тревожной для него ситуации, сталкиваясь с конфликтом, человек, пытаясь защитить себя, прибегает к менее зрелым из известных ему методам реагирования, которые, однако, кажутся ему, в субъективном восприятии, безопасными, обеспечивающими желанную для индивида защиту. Используя эту защитную реакцию, личность под воздействием фрустрирующих её стимулов отказывается от решения более сложных (на субъективном уровне восприятия) задач, заменяя их более простыми, отдавая предпочтение тем, что кажутся более доступными при сложившейся ситуации [8]. При замещении же индивид снимает напряжение, обращая агрессию

с объекта, непосредственно её вызвавшего, на более слабый одушевлённый или неодушевлённый объект или на самого себя [9].

Ко – конфронтация; Ди – дистанцирование; Са – самоконтроль; Соц. под. – поиск социальной поддержки; Пр. отв. – принятие ответственности; Б.-изб. – бегство-избегание; Пл. р. – планирование решения проблемы; П. пер. – положительная переоценка; О – отрицание; В – вытеснение; Ре – регрессия; К – компенсация; П – проекция; З – замещение; Ра – рационализация; Г – гиперкомпенсация; значения, указанные рядом с элементами структурограммы, обозначают их структурный вес.

Рис. 1. Структурограмма способов совладающего поведения и механизмов психологической защиты у выходцев из многодетных семей

————— положительные корреляционные связи значимостью 0,01
 положительные корреляционные связи значимостью 0,05

Ко – конфронтация; Ди – дистанцирование; Са – самоконтроль; Соц. под. – поиск социальной поддержки; Пр. отв. – принятие ответственности; Б.-изб. – бегство-избегание; Пл. р. – планирование решения проблемы; П. пер. – положительная переоценка; О – отрицание; В – вытеснение; Ре – регрессия; К – компенсация; П – проекция; З – замещение; Ра – рационализация; Г – гиперкомпенсация; значения, указанные рядом с элементами структурограммы, обозначают их структурный вес

Рис. 2. Структурограмма способов совладающего поведения выходцев из однодетных семей

При этом, что касается качественных различий, которыми обладают структуры способов совладающего поведения выходцев из многодетных и однодетных семей, здесь имеет смысл отметить тот факт, что базовым качеством в группе единственных в своих семьях детей становится бегство-избегание. Одним из базовых качеств для структуры способов совладающего поведения в группе выходцев из многодетных семей также стала копинговая стратегия бегства-избегания. Однако она в своём функционировании не так сильно выражена, кроме того, она «подстёгивается» гиперкомпенсацией – ещё одним базовым качеством структуры способов совладающего поведения для выходцев из многодетных семей.

Очевидно, что семьи с разным количеством детей обладают собственным своеобразием внутрисемейных отношений, обуславливающим особенности жизнедеятельности этих семей. Выходцы из многодетных семей обладают более организованной структурой способов совладающего поведения по сравнению с той, которая формируется внутри личностей выходцев из однодетных семей.

В структуре способов совладающего поведения выходцев из однодетных семей наблюдаются многочисленные положительные корреляции между копинговой стратегией бегства-избегания и другими копинг-стратегиями и механизмами психологической защиты – это и делает её базовым качеством описываемой структуры, что увеличивает функциональность той роли, которую играет бегство-избегание в данной системе способов совладающего поведения выходцев из однодетных семей. Та модель поведения, которая повторялась в ответ на включённость единственных в своих семьях детей в те внутрисемейные отношения, которые складывались в рамках семейной системы, присущей семьям с одним ребёнком, закрепились у выходцев из однодетных семей в конечном итоге как стилевая характеристика их личностей. Тогда как большое количество связанных между собой всевозможными взаимосвязями параметров в структуре способов совладающего поведения выходцев из многодетных семей сделало характеризующую систему более интегрированной, целостной и высокоорганизованной. У выходцев из многодетных семей имеется потому в наличии больше различных моделей поведения, они не склонны к тому, чтобы так явно уходить от столкновения с проблемной ситуацией, как это делают выходцы из однодетных семей; хотя такая тенденция присуща и детям из больших семейств. Однако в попытках скомпенсировать ощущение собственной неполноценности они не могут позволить себе избегать проблемных ситуаций при столкновении с ними; напротив, им важно разрешать их, доказывая себе и другим, что они на это способны. Для этого выходцам из многодетных семей и необходима высокая мобилизация компонентных элементов их системы способов совладающего поведения, что в том числе может свидетельствовать о наличии кризиса, для разрешения которого и пригождается столь мощная актуализация наличных у индивида ресурсов совладания.

Таким образом, проведённое нами эмпирическое исследование способов совладающего поведения у выходцев из однодетных и многодетных семей позволяет нам сделать следующие **выводы**.

Для выходцев из многодетных и однодетных семей существуют общие статистически значимые положительные взаимосвязи между функционированием отдельных механизмов психологической защиты (проекция и компенсация) и копинговых стратегий (планирование решения).

У выходцев из многодетных семей базовым качеством для структуры механизмов психологической защиты выступает защитный механизм гиперкомпенсации, а у единственных в своих семьях детей – замещение. При этом наибольшая организованность системы механизмов психологической защиты прослеживается именно у выходцев из однодетных семей.

У выходцев из многодетных семей базовыми качествами для структуры индивидуального копинга являются копинг-стратегии планирования решения проблемы и принятия ответственности, а у выходцев из однодетных семей – планирование решения проблемы и положительная переоценка. При этом структура индивидуального копинга выходцев из многодетных семей более организованная по сравнению с той, которой обладают выходцы из однодетных семей.

У выходцев из однодетных семей базовым качеством для общей структуры способов совладающего поведения становится копинг-стратегия бегства-избегания, а у выходцев из многодетных семей – копинговая стратегия бегства-избегания и механизм психологической защиты – гиперкомпенсация. При этом выходцы из многодетных семей обладают более организованной структурой способов совладающего поведения по сравнению с той, которая формируется внутри личностей выходцев из однодетных семей.

Респонденты, выросшие в семьях с разным количеством детей, демонстрируют специфические особенности сложившихся у них внутриличностных структур способов совладающего поведения. Структурные организации способов совладающего поведения личности для выходцев из однодетных и многодетных семей различаются: кроме того что отличаются структуры способов совладающего поведения личности, они также являются различными по содержанию взаимосвязей внутри них.

Ссылки

1. Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Резниченко С. И., Хачатурова М. Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование / отв. ред. С. К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 293 с.
2. Долгова В. И., Кондратьева О. А. Психологическая защита: монография. М.: Перо, 2014. 160 с.
3. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. Р. Исаева [и др.]. СПб: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 38 с.
4. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 644 с. EDN XDXBXV.
5. Гальмак М. В., Трифонова С. А. Суверенность психологического пространства личности в семьях с разным количеством детей // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2. С. 179–187. EDN JNCCSA.
6. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлёва, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. С. 55–65.
7. Субботина Л. Ю., Юркова М. В. Психология защиты личности: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 104 с.
8. Субботина Л. Ю. Психология защитного поведения: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 220 с.
9. Субботина Л. Ю. Психологическая защита и стресс. М.: Гуманитарный центр, 2013. 300 с.

Analytical skill as a catalyst for the formation of psychological insight of psychology students

M. A. Kudaka¹, E. M. Kotik¹

¹Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-672-683

Research article
Full text in Russian

The socio-psychological competence of psychologists provides the opportunity for specialists to realize their potential and increase the efficiency and success of professional activities, and is also directly related to such a concept as psychological insight.

The study compared the characteristics of psychological insight (objectivity-subjectivity of psychological insight) of psychology students with the level of development of their analytical skills, since they act as a catalyst for the formation of correct inferences and conclusions.

The results obtained can be taken into account when building educational work at a university, as well as when developing individual programs and courses for the development of psychological insight among psychology students..

Keywords: educational psychology; socio-psychological competence; psychological insight; features of psychological insight; analytical skills; development of psychological insight

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kudaka, Marina A. | E-mail: makudaka@chsu.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Kotik, Ekaterina M. | E-mail: emkrasavtceva@chsu.ru

Аналитический навык как катализатор формирования психологической проницательности студентов-психологов

М. А. Кудака¹, Е. М. Котик¹

¹Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-672-683
УДК 378; 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Социально-психологическая компетентность психологов обеспечива-ет возможность реализации специалистами своего потенциала и повыше-ния эффективности и успешности профессиональной деятельности, явля-ется непосредственно связанной с таким понятием, как психологическая проницательность.

В ходе исследования были сопоставлены особенности психологической проницательности (объективность-субъективность психологической прони-цательности) студентов-психологов с уровнем развития их аналитического навыка, поскольку именно он может выступать катализатором для форми-рования верных умозаключений, выводов.

Полученные результаты могут быть учтены при выстраивании учебно-воспитательной работы в вузе, а также при разработке отдель-ных программ и курсов по развитию психологической проницательности у студентов-психологов.

Ключевые слова: педагогическая психология; социально-психологическая компетентность; психологическая проницательность; особенности психологической проницательности; аналитический навык; развитие психологической проницательности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудака, Марина Александровна | E-mail: makudaka@chsu.ru
Кандидат психологических наук, доцент,
заместитель ректора, директор института
педагогики и психологии, заведующий кафедрой
психологии

Котик, Екатерина Михайловна | E-mail: emkrasavtceva@chsu.ru
Старший преподаватель кафедры психологии

Введение

Под компетентностью специалиста понимают интегральное свойство его личности, обеспечивающее возможности реализовать свой потенциал, применить знания, навыки и опыт для повышения эффективности и успешности профессиональной деятельности. Вопросами изучения компетентности не раз занимались исследователи в области психологической науки, в том числе и ее отдельных видов: профессиональной, социальной, индивидуальной, психолого-педагогической компетентности (А. К. Маркова, И. А. Зимняя, Г. И. Егорова, Н. А. Падерина, С. С. Рачева, З. И. Кольчева, М. Кяэрст). Безусловно, компетентность специалиста важна в любой сфере профессиональной деятельности, но в зависимости от профессиональной области раскрываться она будет по-своему. Так, для профессий группы «человек-человек» особое значение приобретает социально-перцептивная компетентность, поскольку благодаря ей специалист может с большей успешностью познавать социальные объекты, лучше их понимать [1–2].

Особенно это актуально для психологов и педагогов, поскольку для большей результативности и эффективности своей профессиональной деятельности им необходимо быть готовыми оперативно и точно осуществить оценку эмоционального состояния другого, попытаться понять его, с высокой степенью объективности предположить возможные причины его поведения или состояния и на основании этого последующее поведение и действие другого, выстроить свою адекватную этому стратегию поведения.

Исследованием специфики, содержания понятия, особенностей, структуры социально-психологической компетентности занимались Б. А. Барбанчиков, А. А. Бодалев, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, З. И. Кольчева, В. Н. Воронин, В. Н. Князев и др. [3–4].

В целом изучение феномена социально-психологической компетентности рассматривается больше как область именно психологических исследований, где рассматриваются процессы, механизмы восприятия, понимания и оценки людьми социальных объектов. Также, согласно взглядам большинства исследователей, социально-психологическая компетентность непосредственно связана с таким понятием, как психологическая проницательность [5–6].

Термин «психологическая проницательность» введен Н. П. Ерастовым [7]. В психологии под психологической проницательностью понимают целостное, интегративное и системообразующее свойство личности, которое включает в себя набор качеств, с помощью которых проницательный человек может успешно познавать внутренний мир других [8–10]. Как указывал автор, это «... умение понимать человека и его характер, а также прогнозировать возможные изменения в поведении» [7].

Н. П. Ерастов не только ввел термин «психологическая проницательность», но и отметил ее зависимость от склада ума человека. В свою очередь, исследователь В. Г. Зазыкин определяет психологическую проницатель-

ность как качество личности человека, которое связано с мыслительными навыками; в качестве значимого аспекта проницательности автор выдвигает развитие умения формировать адекватный образ другого человека на основе осуществления различных мыслительных операций [6].

Анализ ряда научных исследований в данной области (А. А. Бодалевым, Г. Л. Андреевой, В. С. Агеевой, В. Н. Кунициной, С. В. Кондратьевой, С. Л. Рубинштейн, В. Виттрайхом, К. Готтшальдом и др.) также позволяет нам заключить, что успешность осуществления процесса психологической проницательности хотя и зависит от личностных особенностей человека, но при этом сопровождается серьезными интеллектуальными и мыслительными процессами. Это и определило цель данного исследования – выявление взаимосвязи особенностей психологической проницательности студентов-психологов и уровня развития их аналитического навыка.

Понимание аналитического навыка выходит далеко за рамки традиционного определения аналитических умений, охватывая более широкий спектр когнитивных навыков и компетенций, необходимых для успешного обучения и адаптации к динамично меняющемуся миру. Схожим понятием является понятие «аналитические умения», а у ряда исследователей (Н. Л. Дмитриева, И. А. Попов, И. Я. Каплунович, С. М. Каплунович) данные понятия представляются идентичными. Однако, Н. С. Глуханюк, И. А. Зимняя, Е. А. Климов, О. К. Тихомиров в рамках именно аналитических умений выделяют ряд конкретных мыслительных операций, а именно: анализ, сравнение, сопоставление, классификацию, обобщение, структурирование, рефлекссию, моделирование, прогнозирование и др. [11].

Согласно же исследованиям Л. А. Саенко и Г. Н. Соломатиной, а также А. О. Келдибековой, чьи позиции нам близки, мы определяем, что аналитический навык представляет из себя системный комплекс различных мыслительных операций, благодаря которым индивид может осуществлять поиск и получение информации, а в дальнейшем систематизировать и обобщать ее; данный навык помогает осуществить перевод полученных знаний в новое качественное образование, необходимое для решения конкретной задачи [12–13]. В целом аналитический навык может выступать некоторым показателем уровня владения совокупностью вышеперечисленных интеллектуальных действий [14]. Н. А. Бушмелева отмечает, что аналитический навык является частью аналитической компетенции, напрямую связанной с мыслительными, исследовательскими, поисковыми процессами познания [15], а посредством аналитического навыка индивид способен выделять отдельные значимые элементы в познаваемой реальности, с опорой на которые может быстро и объективно оценивать реальность, полностью и достоверно познавать объекты и явления [16–17].

Методы исследования

В исследовании приняли участие 74 студента-психолога, обучающихся с 1 по 4 курс в Череповецком государственном университете

(студенты-психологи 1 года обучения – 20 испытуемых, студенты-психологи 2 года обучения – 19, студенты-психологи 3 года обучения – 19, студенты-психологи 4 года обучения – 16).

Общей гипотезой нашего исследования является предположение о том, что особенности психологической проницательности студентов-психологов определяются уровнем развития их аналитического навыка, а именно высокий уровень развития аналитического навыка определяет большую объективность психологической проницательности, и наоборот.

В качестве методик исследования выступили следующие: тест-опросник «Самооценка студентами-психологами своей психологической проницательности» Н. Е. Есманской, метод «Игра в портреты» И. С. Тургенева, методика «Сравнение понятий» С. Я. Рубинштейн.

Одним из способов сбора данных об особенностях психологической проницательности студентов мы выбрали «Игру в портреты», разработанную И. С. Тургеневым. Данная игра содержит 182 портрета, которые нарисовал сам писатель. Портреты демонстрируют внутреннее состояние и личностные особенности изображенных на них людей. Автор игры также предоставил характеристику к каждому портрету, данные характеристики являются эталонными. И. С. Тургенев выступает в роли эксперта. Стоит отметить, что данный метод не раз был выбран для изучения психологической проницательности рядом исследователей (Е. А. Корсунским, Н. Е. Есманской и др.), показав свою эффективность при изучении особенностей данного феномена у психологов и педагогов [8, 18].

Результаты исследования

Эмпирический материал был получен в ходе психологической диагностики 01.09.2023–01.10.2023 г. Обработка результатов проводилась с использованием методов математической статистики, использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Рассмотрим полученные результаты нашего исследования.

Сначала обратимся к данным, полученным с помощью теста-опросника «Самооценка студентами-психологами своей психологической проницательности» Н. Е. Есманской, позволяющего определить уровень психологической проницательности.

Согласно полученным результатам у студентов-психологов представлен в большей мере средний уровень психологической проницательности – 37 испытуемых или 50 % выборки. Данные испытуемые считают, что обладают способностью проникать во внутренний мир других и понимать их, пробовать познать их личностные особенности посредством восприятия и наблюдения за ними. Безусловно, такие испытуемые способны выделять, анализировать и делать заключения на основе полученных информативных признаков о других, но не в любом случае данные заключения являются точными и достоверными, соответствующими реальности.

У 21 испытуемого или 28,4% выборки преобладает низкий уровень психологической проницательности. Для данных испытуемых этот процесс представляется сложным, вызывает затруднения, а его эффективность является невысокой, т. к. такие испытуемые имеют склонность ошибаться в своих заключениях относительно другого, испытывая затруднения в выделении и анализе информативных признаков других. Высокий уровень психологической проницательности наблюдается у 16 испытуемых или 21,6% выборки. Такие испытуемые считают, что способны эффективно реализовать процесс психологической проницательности, познавать личность других, их внутренний мир. Они способны быстро и точно подмечать информативные признаки других, анализировать их, формулировать точные суждения о других, быстрее и точнее понимать и интерпретировать их поведение.

Далее обратимся к данным полученным с помощью метода «Игра в портреты» И. С. Тургенева. Данный метод позволил нам охарактеризовать психологическую проницательность студентов-психологов с позиции объективности-субъективности.

По результатам контент-анализа выделяемых испытуемыми психологических характеристик изображенного на портрете № 1 мужчины ответы были разделены на четыре группы: объективная, субъективная, объективно-субъективная и субъективно-объективная группа психологической проницательности. Параметром для такого разделения выступило наличие совпадений и противоречий качеств, приписываемых мужчине с портрета студентами-психологами и экспертом – И. С. Тургеневым. Количественные показатели всех четырех групп особенностей проявления психологической проницательности отражены в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение студентов-психологов
по группам психологической проницательности**

Группа психологической проницательности	Количество испытуемых
объективная	10 (13,5 %)
объективно-субъективная	19 (25,7 %)
субъективно-объективная	30 (40,5 %)
субъективная	15 (20,3 %)

К объективной группе было отнесено 10 испытуемых, или 13,5% выборки. Такие студенты-психологи дали характеристики мужчине с портрета, которые совпадают в большей мере с мнением эксперта, что свидетельствует об объективном понимании данными студентами-психологами изображенного на портрете человека и их психологической проницательности. Безусловно, всегда существует некоторая неадекватность восприятия других, при которой индивид следует своим субъективным впечатлениям о других, однако данная группа испытуемых в большей мере ориентирована на от-

ражение конкретной предметной стороны реальности, существующих взаимосвязей, а именно для построения адекватного представления о других испытуемые учитывают в большей степени объектные свойства человека, создается комплексная развернутая характеристика с учетом объективно существующих признаков в другом.

Приведем пример объективного понимания изображенного мужчины на портрете и психологической проницательности студентки-психолога:

«Мужчина выглядит очень жестоким, неприятным, грубым. Общаться с ним сложно, да и нет никакого желания, однако он точно найдет вас, если ему что-то от вас необходимо, идет напролом».

Такое описание дает этому же мужчине И. С. Тургенев:

«Натура жестокая, тяжелая, грубая, неистовая; деятельный и при всем своем неистовстве отлично понимает свою выгоду — может стать популярным; очень опасен во время революций; однако умный и смелый человек быстро может с ним справиться, так как ничего кроме дерзости в нем нет».

К группе субъективной психологической проницательности нами было отнесено 15 испытуемых или 20,3 % выборки. Для данных студентов-психологов свойственно приписывание мужчине с портрета положительных качеств, которые отсутствуют в характеристиках экспертов. Испытуемым данной группы свойственна ориентация на свои субъективные переживания. Так, при восприятии и понимании другого испытуемые приписывают такие характеристики человеку, изображенному на портрете, которые зачастую являются не свойственными для него, поскольку воспринятые информативные признаки в другом интерпретируются в большей мере через собственные переживания и впечатления, без ориентации на реально существующие объективные факторы.

Приведем пример субъективного представления об изображенном на портрете мужчине и психологической проницательности студентки-психолога:

«Внешность может быть обманчива, как в этом случае. Да, мужчина любит покушать, отсюда и полнота, второй подбородок, однако это не значит, что он неприятный в общении, он может быть весельчаком, душой компании, легко заводить знакомства».

К смешанным группам, а именно объективно-субъективной группе проявления психологической проницательности нами было отнесено 19 испытуемых или 25,7 % выборки, а к субъективно-объективной — 30 испытуемых или 40,5 % выборки. У представителей смешанных групп доминирует или объективная составляющая, при которой психологическая проницательность в количественном отношении в характеристиках больше качеств, эквивалентные качествам, названным экспертами, или субъективная, при которой, напротив, преобладают противоположные качества. То есть у представителей смешанных групп будут примерно в равной степени представлены адекватное восприятие и интерпретация информативных

признаков другого и в то же время будут накладываться на создание итогового представления о другом различные их личностные и субъективные факторы соответственно степени преобладания субъективного или объективного в понимании.

Далее мы сопоставили результаты, полученные с помощью этих методик, чтобы сформировать представление об особенностях психологической проницательности студентов-психологов (табл. 2).

Таблица 2

Особенности психологической проницательности студентов-психологов¹

Уровень психологической проницательности	Объективность – субъективность психологической проницательности			
	Объективная группа	Объективно-субъективная группа	Субъективно-объективная группа	Субъективная группа
Высокий	6 (8,1 %)	5 (6,8 %)	3 (4 %)	2 (2,7 %)
Средний	3 (4 %)	8 (10,8 %)	20 (27 %)	6 (8,1 %)
Низкий	1 (1,4 %)	6 (8,1 %)	7 (9,5 %)	7 (9,5 %)

В ходе корреляционного анализа между уровнями психологической проницательности, и степенью объективности-субъективности психологической проницательности студентов-психологов была установлена положительная взаимосвязь ($r = 0,343$, критическое значение корреляции Пирсона для нашей выборки (74 человека) $\alpha p 0,3$ на уровне значимости $p < 0,01$), что свидетельствует об объективном представлении у студентов-психологов относительно степени развитости их психологической проницательности.

Таким образом, как видно из таблицы 2, среди испытуемых с высоким уровнем психологической проницательности в большей степени представлены испытуемые объективной (8,1 %) и объективно-субъективной группы (6,8 %). Это говорит о том, что их заключения о других в процессе психологической проницательности носят выраженный объективный характер; характеристики, которые они дают другим, являются точными, отражая действительность. Среди испытуемых средней психологической проницательности наблюдается преобладание испытуемых субъективно-объективной группы (27 %). Их представления о других носят в большей мере субъективный характер, они склонны ошибаться и заблуждаться в своих заключениях относительно других. Среди испытуемых с низким уровнем психологической проницательности в большей степени представлены испытуемые субъективно-объективной (9,5 %) и субъективной группы (9,5 %); так же, как и в предыдущем случае, заключения и представления таких испытуемых зачастую носят ярко выраженный субъективный характер, являются неточными, ошибочными.

В нашем исследовании мы ставили перед собой задачу сопоставить особенности психологической проницательности студентов-психологов с уров-

¹ Примечание: процент испытуемых указан от общего числа выборки (74)

нем развития их аналитического навыка, поскольку именно анализ выступает катализатором формирования умозаключений, выводов, действуя, безусловно, совместно с другими мыслительными операциями. Однако именно аналитический навык позволяет соединять полученную информацию в логическую цепочку мыслительного процесса, рассуждать.

Для этого обратимся к результатам, полученным с помощью методики «Сравнение понятий» С. Я. Рубинштейн.

Согласно полученным данным, у 22 испытуемых или 29,73 % выборки наблюдается высокий уровень аналитического навыка. Таким испытуемым свойственно выделять существенные признаки сходства и различия, отделять существенное от неважного, расставлять акценты в понимании изучаемых объектов. У 36 испытуемых или 48,65 % выборки преобладает средний уровень аналитического навыка. Вероятно, такие испытуемые могут выделять существенные, информативные признаки объектов, расставлять акценты в понимании изучаемых объектов, но иногда это вызывает у них некоторые затруднения, могут быть сформулированы ошибочные суждения и умозаключения на основании полученной информации. Низкий уровень аналитического навыка – у 16 испытуемых или 21,62 % выборки. Для них свойственно неумение выделять признаки сходства, а также существенные признаки, отвлекаться на незначительные второстепенные детали, уделяя им большое внимание, что свидетельствует о слабости обобщений, о склонности их к конкретному мышлению. Особенности проявления психологической проницательности студентов-психологов и уровня развития их аналитического навыка представлены в таблице 3.

Таблица 3

Особенности психологической проницательности студентов-психологов и уровень развития их аналитического навыка

Уровень аналитического навыка	Объективность – субъективность психологической проницательности			
	Объективная группа (n=10)	Объективно-субъективная группа (n=19)	Субъективно-объективная группа (n=30)	Субъективная группа (n=15)
Высокий	6 (60%)	6 (31,5 %)	7 (23,3 %)	3 (20 %)
Средний	2 (20 %)	11 (58 %)	17 (56,7 %)	6 (40 %)
Низкий	2 (20 %)	2 (10,5 %)	6 (20 %)	6 (40 %)

Проведя корреляционный анализ особенностей психологической проницательности студентов-психологов и их аналитического навыка, мы получили коэффициент корреляции $r = 0,26$ (критическое значение корреляции Пирсона для нашей выборки (74 человека) $\alpha p 0,23$ на уровне значимости $p < 0,05$), что говорит о наличии слабой взаимосвязи. Это означает, что есть слабая взаимосвязь между объективностью-субъективностью психологической проницательности и аналитического навыка, т. е. чем лучше анали-

тический навык, тем более объективна психологическая пронизательность, и наоборот. Развитый аналитический навык позволяет индивиду сначала выделять конкретные реально существующие высокоинформативные признаки в другом из воспринимаемого существующего многообразия таких признаков, ориентируясь на которые в дальнейшем он может более верно интерпретировать данные информативные признаки посредством установления причинно-следственных связей, построения логических цепочек рассуждений, что предоставляет возможность создавать более объективное представление о другом, тем самым повышая объективность психологической пронизательности.

Обсуждение результатов

По результатам проведенного исследования было выявлено, что среди студентов-психологов наиболее представлены смешанные группы психологической пронизательности, а именно объективно-субъективная группа (25,7 % выборки) и субъективно-объективная группа (40,5 % выборки). Особенности исследуемых групп мы попытались объяснить уровнем сформированности у них аналитического навыка, поскольку он выступает катализатором для формирования умозаключений, выводов; позволяет соединять полученную информацию в логическую цепочку мыслительного процесса, рассуждать, т. е. позволяет объединять воедино полученную информацию при восприятии другого, тем самым создавать его развернутый образ на основе отдельных информативных признаков. В ходе корреляционного анализа особенностей психологической пронизательности и аналитического навыка была установлена слабая взаимосвязь ($r=0,26$; $p<0,05$), т. е. при высокой развитости у студентов-психологов аналитического навыка, их способности к поиску и созданию алгоритмов, умению работать с фактами, применять их или адаптировать к новым условиям более характерно наличие повышенной, в большей мере объективной, психологической пронизательности, которая, в свою очередь, способствует лучшему пониманию окружающих. В рамках настоящего исследования слабость полученной взаимосвязи мы можем попытаться объяснить недостаточным количеством выборки, что, безусловно, будет учтено в наших дальнейших исследованиях особенностей психологической пронизательности студентов-психологов.

Заключение

Таким образом, мы видим, что среди студентов-психологов наиболее представлены смешанные группы психологической пронизательности, а именно объективно-субъективная группа (25,7 % выборки) и субъективно-объективная группа (40,5 % выборки). Студенты-психологи в большей мере склонны ориентироваться на свои впечатления и ощущения при познании других, могут по-своему интерпретировать воспринимаемые информативные признаки при взаимодействии с другими, в меньшей степени пытаюсь ориентироваться на реально существующие, объективные факторы. В процессе психологической пронизательности им свойственна

ориентация на собственные ощущения, которые могут отличаться от действительности, вызывая ошибки в понимании других; неадекватность получаемых суждений и умозаключений, что в дальнейшем может сказываться на успешности их профессиональной деятельности, затрудняя выстраивание взаимоотношений с клиентами.

В своем исследовании мы предприняли попытку объяснить особенности проявления психологической проницательности студентов-психологов и связать их с аналитическим навыком, поскольку именно он выступает катализатором для формирования умозаключений, выводов, позволяют соединять полученную информацию в логическую цепочку мыслительного процесса, верно рассуждать, что представляется важным элементом процесса психологической проницательности.

Гипотеза нашего исследования о том, что особенности психологической проницательности студентов-психологов определяются уровнем развития их аналитического навыка, а именно высокий уровень развития аналитического навыка определяет большую объективность психологической проницательности, и наоборот, подтвердилась частично, поскольку между аналитическим навыком и особенностями психологической проницательности студентов-психологов в ходе корреляционного анализа была установлена слабая взаимосвязь ($r = 0,26$; $p < 0,05$). Согласно результатам исследования, чем лучше развит аналитический навык, тем более объективна психологическая проницательность, и наоборот. Благодаря развитому аналитическому навыку студенты-психологи могут без особых затруднений выделять реально существующие и при этом важные для понимания другого конкретные информативные признаки из их существующего многообразия, которые в дальнейшем посредством установления причинно-следственных связей, логики рассуждений позволят создать более объективное представление о другом. И, наоборот, при недостаточном уровне развития аналитического навыка студенты-психологи могут совершать ошибки в выделении конкретных информативных признаков, им может сложно даваться сам процесс вычленения таких признаков из комплекса существующих в другом. Также они будут ориентироваться на признаки, не несущие ключевой информации, в дальнейшем могут возникать сложности с пониманием причин и взаимосвязей и их интерпретации при создании образа другого.

Однако слабость полученной взаимосвязи между аналитическим навыком и особенностями психологической проницательности студентов-психологов определяет перспективу дальнейшего исследования, связанную с увеличением объема выборки студентов-психологов, а также с поиском дополнительных возможных условий, влияющих на проявление особенностей психологической проницательности студентов-психологов.

Ссылки

1. Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1983. 273 с.

2. Сметанина М. Ю. Модель социально-психологической компетентности школьного психолога // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. С. 76–82.
3. Кунаковская Л. А. Педагогическая рефлексия как фактор профессионального самосовершенствования учителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж. 2003. 24 с.
4. Атавуллаева М. К. Психологические детерминанты формирования социально-психологической компетентности учителей начальных классов // European research. 2023. № 3 (81). С. 39–40.
5. Борисова А. А. Психологическая проницательность. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 44 с.
6. Зазыкин В. Г. Психология проницательности. М: Изд-во РАГС, 2002. 130 с.
7. Ерастов Н. П. Психология общения: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1979. 28 с.
8. Есманская Н. Е. Художественная литература как источник психологических знаний о человеке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2020. 72 с.
9. Психологический словарь / [Авт.-сост. В. Н. Копорулина и др.]. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 451 с.
10. Психологический словарь / под ред. Ю. Л. Неймера. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 223 с.
11. Шабанова И. А. Критериальный подход к оценке качества выполнения ситуационных задач // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2018. Вып. 2 (20). С. 131–138.
12. Саенко Л. А., Соломатина Г. Н. Аналитические умения студентов: сущностные характеристики, уровни развития, факторы влияния // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4. С.68-75. DOI 10.23951/2307-6127-2021-4-68-75.
13. Келдибекова А. О., Кушбак К. Н., Аширбекова П. К. Приемы развития аналитических навыков и критического мышления школьников при углубленном обучении математике // Мир педагогики и психологии. 2019. № 1. С. 88-100. EDN VUGHLB.
14. Дементьева Ю. В. Формирование аналитических умений и навыков в процессе профессиональной педагогической деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2003. 32 с.
15. Бушмелева Н. А., Разова Е. В. Формирование аналитической компетенции студентов вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 10. С. 174–179. EDN WXDPDD.
16. Зак А. З. Как определить уровень развития мышления школьника. М.: Знание, 1982. 966 с.
17. Игракова О. В. Формирование аналитического мышления у студентов педагогического вуза: дис. канд. пед. наук. Славянск-на-Кубани, 2006. 139 с.
18. Корсунский Е. А. «Игра в портреты» как средство диагностики и развития психологической проницательности школьников и учителей // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 144–149.

Features of protective and coping behavior of adolescents and young men from full and incomplete families

N. V. Nizhegorodtseva¹, T. V. Ledovskaya¹, N. E. Solynin¹

¹Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-684-696

Research article
Full text in Russian

The article notes the need to form favorable emotional relations between children and parents. The purpose of the study is to determine the specifics of protective and coping behavior of adolescents and young men in conditions of upbringing in a full and incomplete family. It was found that in adolescence, the activity of coping reactions is more intense than protection. Teenagers should resort less to restraining their own negative emotions, as well as devalue the current situation less, and young men should avoid solving the problem less, evade it. It has been shown that the harmony of relationships that develop in the family has a greater influence on the protective and coping systems of adolescents and young men.

Keywords: mechanisms of psychological protection; coping behavior; full family; incomplete family; adolescence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nizhegorodtseva, Nadezhda V. | E-mail: nvdoc@mail.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Ledovskaya, Tatyana V. | E-mail: Karmennnn@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Solynin, Nikita E. | E-mail: SoNik7-39@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Особенности защитного и совладающего поведения подростков и юношей из полных и неполных семей

Н. В. Нижегородцева¹, Т. В. Ледовская¹, Н. Э. Солынин¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им К. Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-684-696
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье отмечается необходимость формирования благоприятных эмоциональных отношений детей и родителей. Цель исследования – определить специфику защитного и совладающего поведения подростков и юношей в условиях воспитания в полной и неполной семье. Установлено, что в юношеском возрасте активность копинг-реакций интенсивнее, чем защит. Подросткам стоит меньше прибегать к сдерживанию собственных негативных эмоций, а также меньше обесценивать сложившуюся ситуацию, а юношам стоит меньше избегать решения проблемы, уклоняться от нее. Показано, что большее влияние на защитную и совладающую системы подростков, юношей оказывает гармоничность отношений, которые складываются в семье.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты; совладающее поведение; копинг-поведение; полная семья; неполная семья; подростковый возраст; юношеский возраст

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нижегородцева, Надежда Викторовна | E-mail: nnvdoc@mail.ru
Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии

Ледовская, Татьяна Витальевна | E-mail: Karmennnn@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогической психологии

Солынин, Никита Эдуардович | E-mail: SoNik7-39@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии

Введение

В современных условиях развития общества происходит постепенное снижение роли семьи, изменяется функционал её членов, смещаются не только ролевые позиции партнёров, но и сфера детско-родительских отношений. Всё это приводит к тому, что позиция мужчины в семье изменяется; зачастую женщина принимает решение воспитывать ребёнка самостоятельно, при этом осознанно или неосознанно выполняя роли мужа, отца, мужчины в воспитательном процессе. Вместе с тем увеличивается число матерей-одиночек по самым разнообразным причинам: ранней мужской смертности, гибели, распространённости зависимостей разного рода среди мужского населения и многое другое. Исследователи указывают на необходимость формирования благоприятных эмоциональных отношений детей и родителей, так как это в дальнейшем может оказывать влияние на формирование будущих семей, взаимоотношений в них, на желание заводить детей.

В научной литературе недостаточно сравнительных исследований психологического благополучия и личностного развития детей в полных и неполных семьях, а также работ, посвященных исследованию специфики защитного и совладающего поведения подростков и юношей в полной и неполной семье. При этом такого рода исследования чаще всего носят локальный характер, отражая в основном возрастную специфику психологических защит и копинг-стратегий. Ранние исследования были сосредоточены на факторах стресса в пределах семьи, а также на стрессе от событий повседневной жизни у подростков и юношей; более поздние исследования выявили важные последствия воздействия на молодежь более глобальных форм стресса, возникающих в более широком социальном и культурном контекстах, таких как экономический стресс, стресс от дискриминации по этническому признаку, гендерной идентичности и/или сексуальной ориентации и многие другие. У подростков и юношей, которые испытывают хронический социальный стресс, включая неприятие семьей, дискриминацию, стигматизацию и/или неприятие, нарушается регуляция механизмов физиологической реакции [1].

Особое внимание следует обратить на то, что современные юноши – это поколение тех самых подростков, которые пережили долгий период изоляции из-за пандемии COVID-19. Психосоциальный стресс, пережитый ими, является основной причиной проблем с психическим здоровьем, и пандемия привела к появлению нескольких факторов стресса, которые **оказали особенно** сильное влияние **на** подростков.

Общеизвестно, что подростковый возраст в целом – важный период развития с рядом проблем и изменений. Несмотря на то что большинство подростков успешно справляются с биологическими, психологическими и социальными изменениями, это делает подростковый возраст не только

окном возможностей, но и уязвимым периодом для возникновения проблем в дальнейшем психическом развитии [2].

Исследование Е. А. Crone, М. Achterberg посвящено подростковому возрасту как переходному периоду между детством и взрослостью, когда индивиды достигают зрелых социальных целей и ролей в обществе. Как отмечают авторы, этот обширный период развития состоит из нескольких фаз, таких как среднее/позднее детство (7–10 лет), половое созревание (11–14 лет), средняя/поздняя юность (15–18 лет) и ранняя зрелость (19–25). В подростковом возрасте дети начинают расширять свой социальный мир и постепенно становятся взрослыми членами общества [3–4].

Для подростков управление их многочисленными физическими и психосоциальными изменениями может быть сложной задачей, особенно для тех, кто не располагает эффективными стратегиями совладания. Подростки и юноши, использующие неадаптивные стратегии совладания, могут чувствовать себя бессильными бросить вызов ситуациям. С меньшей вероятностью они будут активно преодолевать свои трудности. Подростки, которые справляются, избегая проблем и замыкаясь в себе, имеют более высокий уровень нездоровых пищевых привычек, депрессии, суицидальных мыслей и попыток самоубийства, чем их сверстники, которые используют конструктивное совладание [5].

Переходы, изменения и развитие, которые характеризуют подростковый возраст, происходят не в вакууме. Общеизвестно значение семьи как фактора первичной социализации в любом возрасте. Почти все социальные и психологические поведенческие аспекты развития детей зависят от семьи, вот почему считают, что формирование личности происходит под влиянием оценок его жизнедеятельности авторитетными для ребенка людьми. Даже успеваемость детей во многом зависит от брачно-семейных отношений, стабильности или дезорганизации семьи. Таким образом, ребенок смотрит на себя так, как видят его находящиеся рядом родственники или близкие ему взрослые.

Однако воспитание и формирование личности в неполной семье имеет свою специфику. М. Moilanen с коллегами считают, что психические расстройства встречаются с большей частотой у детей из семей с одним родителем, особенно у тех, где на протяжении всей жизни ребенка отсутствовал отец [6]. Результаты исследований также показывают, что стиль воспитания, который наиболее широко практикуется в семьях с одним родителем, авторитарный, за ним следует демократический и либеральный [7]. Неполные семьи характеризуются нарушением коммуникации, снижением социальной и физической активности, что, несомненно, негативно влияет на развитие личности и формирование жизненного опыта ребёнка [8].

В контексте описания защитного и совладающего поведения у исследуемых обоих полов изучались стабильность стилей защиты, начиная с подросткового возраста до ранней взрослости, а также способность сти-

лей защиты подростков предсказывать более поздние психиатрические симптомы. Более пятисот человек в возрасте 15–19 лет участвовали в первичном исследовании, а также в повторном, которое проводилось спустя 5 лет. Показатели по невротическому и незрелому стилю защиты значительно снизились у обоих полов, в то время как показатели по зрелому стилю защиты существенно не изменились. У девушек были значительно более высокие показатели по невротическому стилю защиты, чем у юношей как в позднем подростковом, так и в молодом взрослом возрасте. Психические расстройства при последующем наблюдении были положительно связаны с исходными показателями незрелого стиля защиты у обоих полов и отрицательно с исходными показателями зрелого стиля защиты у женщин [9].

Были обнаружены четкие различия между способами, с помощью которых мальчики и девочки справляются со стрессовыми событиями. Девочки больше ищут социальной поддержки и, как правило, чаще, чем мальчики, сосредотачиваются на отношениях. Они также используют больше стратегий, связанных с надеждой на лучшее и принятием желаемого за действительное. Рассматривается также вопрос, как мальчики и девочки могут развивать свой репертуар совладания, чтобы повысить адаптивность своих реакций в трудных ситуациях [10].

Анализ исследований позволяет говорить нам о том, что подростки из неполных семей достаточно часто прибегают к неэффективным защитным механизмам [11–12]. Имеются сведения об использовании защит, связанных со взаимодействием с обществом, у подростков из полных семей [13]. Однако представлены и результаты, показывающие отсутствие различий в защитном и совладающем поведении подростков и юношей из рассматриваемых нами типов семей [14].

Итак, в многочисленных обзорах исследований, подробно описывающих развитие нормативного совладания, было показано, что способность к совладанию меняется с возрастом, поскольку молодежь расширяет свой репертуар совладания и использует все более сложные методы для управления стрессорами. По мере увеличения способностей к решению проблем исследователи выявили выраженное снижение избегающего совладания и более широкое использование когнитивных стратегий совладания. Возможно, что, поскольку в распоряжении детей больше навыков, они могут справляться с ситуацией более активно [15]. С другой стороны, развитие защит проявляется в снижении показателей невротического и незрелого стиля защиты. У обоих полов незрелость защит в позднем подростковом возрасте является предиктором психиатрических симптомов в юношеском и более позднем возрасте [16]. Более того, формирование адаптивных механизмов защиты в подростковом и юношеском возрасте необходимо для построения гармоничных социальных отношений, кото-

рые, в свою очередь, способствуют улучшению психического и физического здоровья в зрелых возрастах [17–18].

Таким образом, краткий литературный обзор позволяет говорить о том, что подростковый и юношеский возраст имеет решающее значение для развития психики, в том числе и для формирования адаптивных механизмов психологической защиты и совладающего поведения, которые успешно развиваются в стандартных, типичных условиях. Однако негативным предиктором может явиться неполная семья, где изучаемые нами явления формируются иным, неконструктивным, способом. Исходя из недостаточного количества и противоречивости эмпирических исследований данного вопроса, требующих уточнений, цель статьи – определить особенности защитного и совладающего поведения у подростков и юношей из полной и неполной семьи.

Методическое обеспечение исследования. В исследовании принимали участие подростки – 63 человека (неполная семья – 33 человека, полная семья – 30 человек) и юноши – 61 человек (неполная семья – 31 человек, полная семья – 30 человек). Психодиагностические методики: опросник «Диагностика типологий психологической защиты» Р. Плутчик (адаптация Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой), опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой), шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Н. Н. Лепешинского).

Результаты исследования

В результате эмпирического исследования было выявлено, что в подростковом возрасте доминирующими механизмами психологической защиты являются отрицание и компенсация (табл. 1).

У подростков из неполной семьи среди защитных механизмов наиболее часто используемой является «компенсация» $Mx=77$. Также наблюдается значительное различие в показателях компенсации по сравнению с другими защитными механизмами, что является характерной чертой для их возрастной группы. Вторым по степени выраженности механизмом оказался механизм «отрицание» $Mx=68$. Механизм отрицания заключается в блокировке восприятия информации, которая может как-либо травмировать человека или привести к конфликту. Получается, что представители данной выборки негативные аспекты внешней реальности обычно воспринимают не искаженно, но собственные неприемлемые мысли отказываются осознавать. Минимальные значения приобретает «проекция» $Mx=57$. У подростков из полной семьи максимальных значений приобретает «отрицание» $Mx=77$, минимальных также «проекция» $Mx=42$. Стоит отметить, что общая напряженность всех психологических защит невысока и не превышает 77 %.

**Уровень выраженности механизмов психологических защит
в подростковом и юношеском возрасте**

Состав семьи		Психологические защиты (среднее значение, %)							
		Отрица- ние	Подавле- ние	Регрес- сия	Компен- сация	Проекция	Замеще- ние	Интел- лектуа- лизация	Реак- тивное образо- вание
Подростки	Непол- ная семья	68	65	63	77	57	68	68	65
	Полная семья	77	74	65	74	42	65	58	49
Юноши	Непол- ная семья	70	79	75	87	59	72	67	73
	Полная семья	64	73	72	72	63	68	69	60

Вторичная статистическая обработка выявила значимые различия между подростками из полных и неполных семей лишь в уровне выраженности механизма «Реактивное образование» $U=122,000$; $p \leq 0,05$.

В юношеском возрасте доминирующими механизмами психологической защиты являются «отрицание», «компенсация», «регрессия» и «подавление». Описывая результаты, полученные в ходе исследования, отмечаем, что у юношей из неполных семей среди защитных механизмов наиболее часто используемой является «компенсация» $Mx=87$ и «подавление» $Mx=79$, а минимальным по значению – «проекция» $Mx=59$. У юношей из полной семьи выраженность психологической защиты не переходит порога в 80 % и находится примерно в одном диапазоне 63–73 %. Возможно, пройдя период адаптации к обучению, завершая становление идентичности, механизмы психологических защит ослабевают, уступая место конструктивным способам совладания со стрессом и фрустрацией.

Результаты анализа уровня выраженности копинг-стратегий у подростков и юношей представлены в табл. 2.

Во двух группах испытуемых подросткового возраста преобладает копинг стратегия «Самоконтроль» и «Бегство-избегание», а у подростков из полных семей добавляются адаптивные – «Планирование решения проблемы» и «Положительная переоценка». Вместе с тем значимые статистические различия обнаруживаются лишь в выраженности стратегии «Поиск социальной поддержки» $U=119,500$; $p \leq 0,05$, она выше у подростков из полных семей. Наименее выраженными в обеих выборках оказывается «Принятие ответственности».

Уровень выраженности стратегий совладающего поведения в подростковом и юношеском возрасте

Состав семьи		Копинг-стратегии (среднее значение, %)							
		Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Подростки	Неполная семья	48	56	64	46	48	68	59	52
	Полная семья	50	54	69	46	56	58	62	58
Юноши	Неполная семья	49	57	52	50	51	62	46	49
	Полная семья	70	71	71	55	61	64	59	67

Анализируя копинг-поведение в юношеском возрасте, можем сказать, что у юношей также нет ярко выраженных стратегий совладания (выше 80 %), однако по сравнению с подростковом возрасте уже заметно некоторое увеличение его напряженности. При анализе преобладающих копингов наблюдаем ситуацию, аналогичную подростковому возрасту: у юношей из неполных семей доминирует неадаптивная стратегия «Бегство-избегание» 62 %, а в полной семье – «Дистанцирование» (71 %) $U=19,000$; $p=0,008$ и «Самоконтроль» (71 %) $U=24,000$; $p=0,021$. Обнаруживаются статистические различия в выраженности «Конфронтационного копинга» $U=22,000$; $p=0,015$ и «Положительной переоценки» $U=26,000$; $p=0,030$, они все больше выражены у юношей из полных семей.

Далее мы анализировали взаимосвязи защитных механизмов, совладающего поведения с показателями психологического благополучия. Данный вид анализа необходим для того, чтобы установить, при каком условии защиты или совладания молодежь будет благополучна, а также за счет каких механизмов это достигается. Подростки из неполных семей не благополучны при использовании защитных механизмов «Проекция» $r=-0,541$; $p=0,008$ и «Реактивное образование» $r=-0,603$ при $p=0,002$, а также при использовании копинг-стратегий «Дистанцирование» $r=-0,415$; $p=0,049$, «Самоконтроль» $r=-0,491$; $p=0,017$. Стратегия «Планирование решения проблемы» обеспечивает им «Личностный рост» $r=0,426$; $p=0,043$.

Подростки из полных семей не благополучны при использовании защитных механизмов «Проекция» $r=-0,518$; $p=0,033$. Стратегия «Бегство-избегание» обеспечивает им «Автономию» $r=0,532$; $p=0,028$, а за-

щитный механизм «Отрицание» положительно связан с «Целью в жизни» $r=0,497$; $p=0,043$. В целом во всем подростковом возрасте образуются исключительно отрицательные корреляции благополучия и защитно-сознающего поведения.

В юношеском возрасте в условиях неполной семьи ребенок благополучен при использовании защиты «Интеллектуализации» $r=0,670$ при $p=0,048$. «Личностный рост» будет увеличиваться при использовании «Реактивного образования» $r=0,682$; $p=0,043$. Автономия увеличивается при использовании «Интеллектуализации» $r=0,670$; $p=0,048$. «Цель в жизни» уменьшается при «Дистанцировании» $r=-0,711$; $p=0,032$. «Позитивные отношения» уменьшаются также при «Дистанцировании» $r=-0,678$; $p=0,045$.

Юноши из полной семьи не благополучны при использовании копинг-стратегий «Самоконтроль» $r=-0,567$ при $p=0,043$ и «Бегство-избегание» $r=-0,645$; $p=0,017$. «Личностный рост» будет уменьшаться при использовании «Реактивного образования» $r=-0,554$; $p=0,049$ и «Поиска социальной поддержки» $r=-0,559$; $p=0,047$. Автономия уменьшается при использовании «Самоконтроля» $r=-0,652$; $p=0,016$. «Цель в жизни» уменьшается при «Положительной переоценке» $r=-0,594$; $p=0,032$. «Самопринятие» уменьшаются при «Бегстве-избегании» $r=-0,621$; $p=0,032$ и увеличивается при «Поиске социальной поддержки» $r=0,569$; $p=0,042$.

Исследование показывает, что подростки из неполной семьи более склонны к поиску ролевых моделей и имеют менее выраженную и устойчивую внутреннюю позицию, что снижает их уверенность в себе. У таких детей напряженность защитных механизмов наиболее заметна, что указывает на наличие нерешенных внутренних конфликтов. Это может объясняться тем, что с возрастом у подростков формируется лучшая адаптация и толерантность к внутреннему напряжению, что ведет к его снижению. То есть защитные механизмы и копинг-стратегии в подростковом возрасте стабильны и не имеют яркой выраженности. Полученный результат, возможно, связан с тем, что новообразованием подросткового возраста является личностная рефлексия и проявляется она как раз после прохождения пика подросткового кризиса. Отсутствие статистически значимых различий в уровне выраженности механизмов психологической защиты между подростками из полных и неполных семей, возможно, объяснимо ведущим видом деятельности подростка, то есть защитная система человека в этом возрасте складывается не в семейном контексте, а в контексте интимно-личностного общения со сверстниками. Разумеется, мы учитываем тот факт, что семья оказывается для подростка одной из основных социализирующих сред, поэтому не отрицаем ее влияние на развитие личности ребенка, однако в научной литературе имеются сведения о том, что гораздо большее влияние на личность подростка оказывает не столько состав семьи, сколько гармоничность отно-

шений, которые в ней складываются, адекватность методов воспитания и детско-родительских отношений [19].

В подростковом возрасте в неполной семье осознанный контроль стрессовой ситуации предполагает исключительно преобразование дискомфорта чувств в социально «приемлемые и одобряемые» и фильтрацию информации с целью самооправдания или обесценивания ситуации, а в полной семье включаются уже стратегии осознания, обработки информации и стремление решить проблему. Для подростка из неполной семьи больше характерны дезадаптивные стратегии избегания, что говорит о несформированности адекватных и осознанных моделей совладания со стрессом и трудной ситуацией. Подростки из полной семьи активно используют социальные ресурсы для преодоления трудных жизненных ситуаций и повышают шансы на их конструктивное разрешение.

В юношеском возрасте наблюдаем снижение интенсивности механизмов психологической защиты. Возможно, войдя в возрастной этап с новым ведущим видом деятельности и социальной ситуацией развития, находясь в процессе становления идентичности, защита ослабевает, уступая место конструктивным способам совладания со стрессом и фрустрацией. Юноши из неполной семьи максимально используют механизм «Компенсация», то есть невозможность иметь что-то важное они, скорее всего, компенсируют достижениями в деятельности и социально-одобряемым поведением. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем фактом, что у юношей из неполных семей гораздо больше сфер ответственности (большая необходимость в раннем трудоустройстве, забота о других членах семьи, установление дружеских отношений, развитие видов досуга и отдыха др.), что порождает интенсивность этого механизма.

Анализируя копинг-поведение в юношеском возрасте, можем сказать, что у юношей также нет ярко выраженных стратегий совладания, однако по сравнению с подростковом возрастом уже заметно некоторое увеличение его напряженности, то есть в юношеском возрасте уровень осознанности управления стрессом возрастает. При анализе преобладающих копингов наблюдаем ситуацию, аналогичную подростковому возрасту: у юношей из неполных семей доминирует неадаптивная стратегия «Бегство-избегание», а в полной семье – «Дистанцирование» и «Самоконтроль». Возможно, игнорирование родителем взросления своего ребенка, его инфантилизация и не принятие его вхождения в кризис «отрыв от родительских корней» родителем-одиночкой оказывает инфантилирующее влияние на юношей и девушек, что в том числе отрицательно отражается на развитии их волевых качеств и рефлексии при преодолении стрессовых ситуаций.

Полученный результат говорит о том, что в принципе юноши пока еще находятся в кризисе идентичности, а также на стадии адаптации к обучению в новом для них учебном заведении, поэтому доминирующим меха-

низмом и оказывается «Компенсация», так как, находясь в поиске своей идентичности, человеку свойственно состояние, при котором выражена потребность в заимствовании, поиске образца для подражания.

В целом отмечаем гораздо большее количество корреляций психологического благополучия с защитным и совладающим поведением в юношеском возрасте независимо от состава семьи. С годами юноши находят свои конкретные источники стрессоустойчивости и совладания, не связанные с особенностями состава семьи, так как на этот период уже приходится закономерный кризисный этап, заключающийся в отрыве от родительских корней, а защита и совладание развиваются предсказуемым образом на протяжении всей жизни [20–21] и связаны с аффективным благополучием человека [22].

Результаты исследования показывают, что устойчивые способы совладания со стрессом формируются в период подросткового возраста. Детско-родительские отношения, несомненно, оказывают влияние на становление защитного и совладающего поведения детей. Несмотря на то что в онтогенезе происходит развитие защитного и тем более совладающего поведения, юноши начинают использовать копинг чаще, чем защиту, увеличивается уровень выраженности стратегий совладания, однако психологическое благополучие достигается именно за счет высокого уровня развития защит и снижения уровня выраженности некоторых неадаптивных копингов. Подросткам стоит меньше прибегать к сдерживанию собственных негативных эмоций, а также меньше обесценивать сложившуюся ситуацию. Юношам стоит меньше избегать решения проблемы, уклоняться от нее, следует снизить контроль своих эмоций и их выражение, так как это не помогает в решении сложной ситуации, а лишь оттягивает время, забирая ресурсы человека.

Ограничения результатов, полученных в ходе данного исследования, видятся в единстве с его перспективами: по всей видимости, специфика адаптации молодежи к стрессовым и фрустрирующим состояниям обусловлена не внешним показателем – составом семьи, а более глубокими семейными механизмами: эффективностью родительского воспитания, удовлетворенностью семьей, родительскими установками на преодоление трудностей [5], спецификой межпоколенного и диадического совладания [23]. Исследование защитного и совладающего поведения детей, воспитывающихся в семье, должно идти не только на личном уровне, но и с учетом коллективных аспектов.

Ссылки

1. Adolescence and Early Adulthood in Context / L. Doane, P. Hastings, L. A. Parra, L.T. Hoyt // *Psychoneuroendocrinology*. 2023. Vol. 153. P. 106–140.

2. Janssen L. H. C., Elzinga B. M., Verkuil B. The Link between Parental Support and Adolescent Negative Mood in Daily Life: between-Person Heterogeneity in within-Person Processes // *Journal Youth Adolescence*. 2021. Vol. 50. P. 271–285. DOI 10.1007/s10964-020-01323-w
3. Crone E. A., Achterberg M. Prosocial development in adolescence // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 44. P. 220–225. DOI 10.1016/j.copsyc.2021.09.020
4. Smetana J. G. Current research on parenting styles, dimensions, and beliefs // *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 15. P. 19–25. DOI 10.1016/j.copsyc.2017.02.012
5. Kao Ts.-S. A., Ling J., Dalaly M. Parent-Adolescent Dyads' Efficacy, Coping, Depression, and Adolescent Health Risks // *Journal of Pediatric Nursing*. 2021. Vol. 56. P. 80–89. DOI 10.1016/j.pedn.2020.09.008
6. Moilanen I., Rantakallio P. The single parent family and the child's mental health // *Social Science & Medicine*. 1988. Vol. 27, Iss. 2. P. 181–186. DOI 10.1016/0277-9536(88)90327-9
7. Ghani F. A., Roeswardi S., Aziz A. Parenting Styles and their Relation to Teenagers' Personality Profile in Single Mother Families: A Case Study // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 114. P. 766–770. DOI 10.1016/j.sbspro.2013.12.782
8. Azar D., Naughton G., Windram M. A. Profile of physical activity and social connectiveness in single parent families // *Journal of Science and Medicine in Sport*. 2007. Vol. 10. Sup. 1. P. 73.
9. Feldman S.S., Araujo K.B., Steiner H. Defense mechanisms in adolescents as a function of age, sex, and mental health status // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1996. 35(10). P. 1344–1354. DOI 10.1097/00004583-199610000-00022
10. Frydenberg E., Lewis R. Adolescent coping: the different ways in which boys and girls cope // *Journal of Adolescence*. 1991. Vol. 14, Iss. 2. P. 119–133. DOI 10.1016/0140-1971(91)90025-M
11. Максименко А. А. Проявление защитных механизмов у подростков из неполных семей // *Молодой ученый*. 2016. № 13 (117). С. 873–875.
12. Мелоян А. Э., Семенова Л. Э., Чевачина А. В. Особенности проявления защитных механизмов при развитии самооотношения подростков из полных и неполных семей // *Вестник Мининского университета*. 2015. № 2. С. 7. EDN TUVIFV.
13. Иванова О. И., Бусарова О. Р. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 1. С. 103–115. DOI 10.17759/psylaw.2020100109
14. Борисова И. В., Ермакова Е. С. Защитное и совладающее поведение юношей и девушек из полных и неполных семей // *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2017. Т. 17, № 3. С. 87–92. EDN ZQMWLN.

15. Stavish C. M., Lengua L. J. Parent behaviors as predictors of preadolescent appraisal and coping // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2023. Vol. 89, No. 2. Art. no. 101599. DOI 10.1016/j.appdev.2023.101599

16. Psychological Defense Styles in Late Adolescence and Young Adulthood: A Follow-up Study / A. Tuulio-Henriksson, K. Poikolainen, T. Aalto-Setälä, J. Lönnqvist // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1997. Vol. 36, Iss. 8. P. 1148–1153. DOI 10.1097/00004583-199708000-00025

17. Adaptive midlife defense mechanisms and late-life health / J. C Malone [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55, Iss. 2. P. 85–89. DOI 10.1016/j.paid.2013.01.025

18. Nevarez M. D., Morrill M. I., Waldinger R. J. Thriving in midlife: The roles of childhood nurturance and adult defense mechanisms // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 74. P. 35–41. DOI 10.1016/j.jrp.2018.01.002

19. Влияние представленности родителей в неполной семье на стиль совладающего поведения детей / Ф. С. Ташимова, А. Ризуллa, Л. О. Баймолдина, Г. Б. Аманжанова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2016. № 2. С. 78–91. DOI 10.18384/2310-7235-2016-2-78-91.

20. Costa P. T., Zonderman A. B., McCrae R. R. Personality, defense, coping, and adaptation in older adulthood // *Lifespan developmental psychology: Perspectives on stress and coping*. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates, 1991. P. 277–293.

21. Cummings E. M., Greene A. L., Karraker K. H. Life-span developmental psychology: Perspectives on stress and coping. Psychology Press Inc. United States. 2014. 350 p.

22. Cramer P. Psychological maturity and change in adult defense mechanisms // *Journal of Research in Personality*. 2012. Т. 46, №. 3. P. 306–316. DOI 10.1016/j.jrp.2012.02.011

23. Сапоровская М. В. Стрессы межпоколенного взаимодействия: развод как предиктор защитного и совладающего поведения подростков // *Психологическая наука и образование*. 2013. Том 18, № 1. С. 57–64. EDN PZNNNZ.